ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ ● 1976 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Твои пионерские маршруты

Прозвенел первый школьный звонок...

Прощай звонкое лето с его неповторимыми рассветами, дальними походами, удачной рыбалкой, меткими ударами по футбольным воротам!

Здравствуй, класс! Здравствуй, отряд! С волнением ты садишься за парту и открываешь страницу нового учебника. Тебя радует все: и оживленные лица друзей, и цветы на подоконнике, и... даже дневник, где нет еще ни одной отметки — ни пятерки... ни двойки. В этот день по всей нашей стране миллионы ребят идут в школу.

Миллионы пионеров будут думать о том, чтобы сделать жизнь своего отряда еще интереснее, чтобы каждому — пионерское поручение, чтобы каждому — дело по душе и сердцу.

Ты уже знаешь: летом в Артеке прошел VII Всесоюзный пионерский слет. Делегаты слета рассказали о самых важных делах отрядов на Марше «Берем с коммунистов пример!». Они решили продолжить Марш пионерских отрядов по уже знакомым тебе маршрутам:

«МОЯ РОДИНА — СССР», «В СТРАНУ ЗНАНИЙ», «МИР И СОЛИДАРНОСТЬ», «ПИОНЕРСТРОЙ», «В МИР ПРЕКРАСНОГО», «СИЛЬНЫЕ, СМЕЛЫЕ, ЛОВКИЕ», «ТИМУРОВЕЦ», «ЗВЕЗДОЧКА».

У Всесоюзного Марша пионерских отрядов **три** этапа: в **1976—1977** годах он посвящается 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в **1978** году — 60-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, а в **1979—1980** годах — 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Давайте вместе подумаем, как лучше организовать работу отряда на Марше, как добиться звания ПРАВОФЛАНГОВЫЙ.

КАЖДОМУ ПИОНЕРУ — ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В «Пионер» приходят иногда такие письма: «Наш отряд недружный, работают только активисты, пять-шесть ребят. Помогите нам...»

А почему есть такие отряды, где работают только несколько пионеров? Потому что у большинства ребят нет пионерских поручений, ни постоянных, ни временных. Возьмите, к примеру, маршрут «Моя Родина — СССР». Здесь каждый может иметь конкретное задание: один организует встречу с делегатом XXV съезда партии, второй — экскурсию в краеведческий музей, третий — в бригаду коммунистического труда, четвертый подбирает в библиотеке книги о В. И. Ленине, о революции, пятый выпускает стенгазету или стенд о героях десятой пятилетки, шестой приглашает на политинформацию депутата местного Совета... Стоит только подумать, и у каждого из вас будет интересное поручение.

Рисунок И. КРАСУЛИНА.

ВСЯКОЕ ДЕЛО ДОВОДИТЬ ДО КОНЦА

Мало только распределить поручения. Надо, чтобы ЛЮБОЕ дело доводилось до конца.

В одном отряде решили вести летопись подшефного завода. Загорелись все. Встретились с рабочими, сходили в заводской музей, записали воспоминания ветеранов. А летописи до сих пор нет: кто-то не сфотографировал передовиков, кто-то не сходил в редакцию многотиражной газеты, кто-то поленился оформить летопись... И хорошее начинание забыли.

А жаль. Если бы отряд составил летопись и на торжественном сборе вручил ее представителям завода — вот тогда бы можно было записать в плане: «Задание выполнено».

НАУЧИЛСЯ САМ — НАУЧИ ДРУГОГО

Знают ли в отряде, кто чем увлекается, кто на что способен? Соберитесь вместе, поговорите друг с другом. И вы узнаете, что в вашем отряде есть и книголюбы (можно организовать клуб книголюбов), и коллекционеры (можно открыть выставку марок о Великом Октябре), спортсмены (можно вместе с учителем добиться, чтобы каждый был значкистом ГТО). Многие ребята учатся в музыкальных школах (можно провести музыкальный вечер).

Если каждый из вас поделится своими знаниями и умениями, вы все вместе будете больше знать, многому научитесь.

НАЙДИТЕ СТАРШЕГО ДРУГА-НАСТАВНИКА

Народная мудрость гласит: «Самый сильный человек на земле тот, у кого много друзей». А есть ли старшие друзья у вашего отряда? Друзья, которые вовремя подскажут, посоветуют и помогут. Вы не знаете, как организовать кружок по изучению правил уличного движения, как стать юным инспектором движения? Пойдите в милицию, и вам обязательно помогут. Вам трудно провести неделю музыки. А если пригласить артиста из филармонии? Конечно, друзьями не становятся сразу. Ими становятся в общей работе: ваш отряд может помочь и милиции, и филармонии, и подшефному колхозу.

Пригласите к себе на сбор родителей, и вы убедитесь, что каждый из них сможет помочь вам, а кто-то и станет верным другом-наставником.

...Прозвенел первый школьный звонок. Впереди — целый учебный год, первый этап Всесоюзного Марша пионерских отрядов. Журнал «Пионер» желает тебе, твоему отряду уверенно шагать маршрутами Марша, желает новых открытий и удач, новых друзей.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
СЕНТЯБРЬ 9
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1976 г.

Чичеров и его бригада

ОЧЕРК

Николай ГРИГОРЬЕВ

Рисунки Н. АНДРЕЕВА.

Ленинградский Металлический завод имени XXII съезда КПСС. Я сижу в цеховой конторке. Пришел познакомиться со знаменитым на заводе человеком. Стукнула входная дверь. Да вот и он сам, Владимир Степанович Чичеров! От двери шагал ко мне некрупный и подвижный темноволосый человек. Особенно привлекали веселые глаза, дружелюбно обращенные к собеседнику.

Бригада слесарей-монтажников Чичерова прославилась тем, что девятую пятилетку выполнила за три года и восемь месяцев. Это было отмечено Советским правительством как трудовой подвиг — бригадир был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Хотелось разобраться, как возможны такие поразительные трудовые достижения.

— Если глядеть в корень, — начал свой рассказ Чичеров, — то скажу, чтобы из пяти лет сэкономить без малого полтора года, потребовалось не только старую технологию ломать, но и самим переделываться. А себя-то переломить самое трудное...

Впервые Чичерова поставили руководить бригадой, когда он был молодым рабочим. По неопытности он тут же сделал промах: поглядел в список бригады да и распределил работу, выкликая каждого по фамилии. Глядит: суетятся монтажники, спорят, ссорятся, а дело почти что и не двигается...

Кончился день, а в бригаде план не выполнен.

— Что ж ты за бригадир, — напустились на Чичерова монтажники, — пришел дело заваливать?

Обескураженный, пошел Чичеров к начальнику. Вскипел весь, приготовился сказать: мол, не желаю быть посмешищем, снимайте с бригадирства! Что мне, больше других надо?

Однако, пока дошел до начальника, успел поостыть. Способность рассуждать вернулась, и припомнил парень уроки, полученные когда-то от отца... Кузнец Степан Чичеров был человек суровый, немало вынес в жизни: в революции с 1906 года, познал и тюрьмы и ссылку...

Однажды он взял с собой на работу в кузницу сына. Поставил мальчика к мехам. Володе понравилось. Как потянет за веревку — скрипнут мехи, сжимаясь, и выпустят струю воздуха в горн с углями. Угли вспыхнут, засияют — по всей закоптелой кузнице свет... Чтобы мехи снова надулись, вбирая воздух, надо ослабить веревку. И тотчас же опять натянуть.

Вверх-вниз, вверх-вниз... Движения однообразны, быстро утомляют. Уже ломота у Володи в спине, но нельзя остановиться, чтоб передохнуть. В горне большая железина — ось от телеги, — уж пора бы, кажется, ей покраснеть, а она никак не разогревается. Отец возле наковальни инструмент приготавливает, чтобы ковать желе-

Ленинградский Металлический завод стоит на берегу Невы, на Выборгской стороне. На рисунке — гидротурбинный цех, один из самых больших. Здесь собирают детали огромных гидравлических турбин, тут же грузят их на суда и отправляют на стройки нашей страны и за границу. Пройдите через этот цех, поверните направо, и вы окажетесь в 33-м цехе, где работает бригада Чичерова.

зину... А Володя за веревку — вверх-вниз, вверх-вниз. Уже и рука отяжелела от усталости, приходится не только мехи качать, но и руку заодно раскачивать... И спина совсем уже не сгибается. Жарко в кузнице, а мальчика в холодный пот ударило, и запрыгали перед глазами разноцветные круги. «Упаду, — испугался, — не выдержу...»

И не выдержал. Отпустил веревку — и с ревом бежать из кузницы.

— Володька! — услышал он окрик отца. — Обратно!

Мальчик, полный отчаяния, вернулся.

— Невмоготу стало — скажи, — хмурится отец. — Ты мне поковку испортил... Рабочие так не поступают!

Давно нет отца. Погиб в Ленинграде в блокаду. Но это строгое и непреклонное «рабочие так не поступают» запомнилось Владимиру Чичерову на всю жизнь.

...Перед дверью начальника цеха постоял, подумал, порадовался, что вовремя вспомнил наставление отца, и медленно пошел обратно. Понял свою ошибку: не по списку надо раздавать работу, а приглядеться к людям. Кто на что способен. Да и желание надо учитывать: та работа спорится, которая в охотку!

Собрал Чичеров монтажников в кружок, напомнил, какая срочная у бригады задача, попросил товарищеского совета, помощи. Видят монтажники: человек не зазнается, не требует наобум: «Делай так, как прикажу!» Распределили сообща работу, и дело было сделано: отправили изготовленную конструкцию в турбинный цех раньше назначенного срока.

Бригада Чичерова готовила крышку для мощной гидротурбины. Это диск из катаной стали весом в многие тонны.

Наблюдает бригадир за работой, сам в любую минуту готов помочь отстающему. Видит, молодой монтажник сидит на диске, стащил с головы берет и скребет в затылке. Чичеров к нему: «Что у тебя, Ваня, не ладится? А давай-ка, — говорит, — вдвоем возьмемся. Веселее дело пойдет, да заодно и соседа твоего обгоним!»

Сосед, опытный монтажник, смеется, притворно возражает: «Эге, ребята, это нечестно: двое против одного!» Однако высокий ритм работы, заданный бригадиром — пусть даже здесь, на малюсеньком участке, — увлекает и других. И уже слышны голоса работающих:

— Шалишь, брат, и я умею поднажать!

— Нет, не вырвешься, бригадир, вперед, все равно обгоню!

— Не пущу, на пятки стану тебе наступать!

Шутят монтажники, подогревая в работе друг друга. Пошло соревнование на ловкость и быстроту.

Но бригадир начеку. Снова наблюдает за каждым. На языке у него одно очень веское слово: «качество».

— Не увлекайтесь очень-то быстротой... Обнаружу брак — хоть самый пустяковый, — заставлю переделывать. Вот и повернется наше соревнование в обратную сторону!

И монтажники знают, это не пустые слова. В бригаде закон чести: не допускать в работе брака. А допустил — не скрывай.

Закон чести суров, и однажды он больно ударил по самой бригаде.

А дело было так. Изготовили конструкцию для турбины. Кое в чем вышло не по чертежу, но такое бывало и прежде, до Чичерова. Дефект пустяковый, вреда от него для турбины не было, и прежний бригадир мирился с работой бригады не в полную силу.

Но иначе посмотрел на дело Чичеров. Вернулся человек из армии, форму донашивал, но твердо держался танкистской заповеди. Она гласила: «Даже немудрящий болтик, разболтавшийся в гнезде, может привести к гибели танка в бою... Держи машину в образцовом порядке!»

Слесари-монтажники закончили работу над конструкцией и скинули рукавицы. Довольные собой, говорят Чичерову:

— Хорошо управились. Сдавай, бригадир, конструкцию в турбинный цех.

А Чичеров только жестко глаза прищурил. Помолчал — и в ответ:

— На сдачу не годится. Пойдет в переделку.

Опешили монтажники. Запротестовали:

— Да ты что... План бригады сорвем!

А он:

— Уже сорвали.

Что тут поднялось!.. Требовали, уговаривали. Но устоял Чичеров. И радовался тому, что большинство бригады приняло его сторону, закон чести в бригаде победил.

Но продолжим рассказ о крышке для турбины, на которой кто сидя, кто на корточках, кто полулежа — кому как сподручнее — трудятся слесари-монтажники: из многообразных деталей собирают массивные ребра для этой самой крышки.

Работают споро. Но ребра не станут ребрами, пока не выполнят свою долю работы электросварщики: они должны приварить ребра к крышке стальным швом.

Чичеров объявил перерыв. Отдыхают слесари. Пора бы уже быть сварщикам, а их нет и нет...

Перерыв затягивается. Это уже не отдых. Томятся люди в ожидании. И падает в тишине мрачное слово: «Простой!»

Простой — значит, люди готовы работать, но не могут. Руки свободны, а дела для них нет. И драгоценное время пропадает из-за чьей-то нераспорядительности.

Монтажники волнуются:

— Да этак мы не пять в четыре выполним, а на шесть лет растянем канитель! Слышишь, бригадир?

— Слышу... — отзывается Чичеров и спешит к сварщикам.

Вот он, бригадир электросварщиков товарищ Моторов — специалист большой.

— Петр Иванович, — начал Чичеров, — турбинную крышку монтируем. Пятилетку в четыре года... Почин делаем. Нацелились мои ребята сдать турбинистам крышку досрочно. Дело за сваркой.

— Нету у меня электросварщиков. Растащили их по цеху — всем сразу варить понадобилось. У всех пожарная срочность!

Чичеров руками развел. Выходит, Моторов ни при чем. Ошибка в планировании.

И Чичеров, не зная, на что решиться, медленно повернул обратно...

Глядит, Моторов обгоняет его. Пришел на рабочую площадку, распорядился очистить ему место, включил трансформатор. Сам взял в руки держалку с электродом, накинул маску на лицо и, ступив на стальной диск крышки, опустился на колени. Загудел трансформатор, засверкали синим огнем вспышки вольтовой дуги.

А Чичеров только и глядел, чем бы помочь бригадиру. Зря сердился на человека. Ясно стало, что из всей бригады электросварщиков один только бригадир Моторов и свободен.

Сначала Моторов работал один. Потом появился парень из его бригады: запыхавшись, видно, только что освободился от другой работы, утер разгоряченное лицо платком и тоже накинул маску. Теперь уже два синеогненных мотылька запорхали над стальной конструкцией.

А вот и еще электросварщик прибежал и с ходу встал на работу. За ним еще...

Досрочно сдать крышку турбины не удалось, однако поставленный срок не нарушили. Но радости мало: для копилки «Пятилетку — в четыре года» не удалось сберечь ни дня.

Чичеров собрал бригаду.

— Зависим мы от случая, товарищи, — сказал он. — Как ни старайся, а успех монтажа в конечном счете решает маленькая палочка: электрод в руке сварщика. Займут Моторова на сверхсрочной работе — и в самом деле начнем сползать к «шестилетке». Не займут, наше счастье.

— Невеселое у нас счастье! — отозвались монтажники.

И кто-то вдруг сказал:

— Нам нужен свой электросварщик.

Ничего не оставалось, как взяться самим за электросварку.

На заводе есть лаборатория, где сварку изучают и совершенствуют. Там охотно отозвались на просьбу бригадира Чичерова. Всех, кто пожелал, научили работать с электродом и в распоряжение монтажников предоставили сварочный аппарат.

Так появился в бригаде свой электросварщик. Конечно, он не мог заменить специалистов из бригады Моторова. Поручали ему только капелькой закреплять детали, чтобы не рассыпались во время монтажа. Поэтому и назвали его не сварщиком, а «слесарем-монтажником-прихватчиком».

Да вот он и сам,
Владимир Степанович Чичеров,
«бригадир слесарей-монтажников,
прихватчик-стропальщик-
рубщик-электросварщик...».

Дело от этого выиграло.

Понял Чичеров: совмещение профессий обещает большие успехи в выполнении плана. Есть свой электросварщик. А почему бы не иметь и своего стропаля? Стропаль — это специалист, который подготовляет тяжести к перемещению. Когда стропаль работает, он похож на укротителя змей. Как живые, в его ловких руках извиваются стальные тросы и канаты, пока не оплетут намертво, к примеру, крышку турбины, чтобы убрать ее от монтажников: крышка готова — освобождай, стропаль, рабочую площадку для новой конструкции.

Для чего бригаде понадобился свой стропаль? Чтобы убыстрить подачу деталей из цеха на монтажную площадку.

Чичеров выбрал среди монтажников людей наиболее степенных, осмотрительных. Те охотно согласились приобрести дополнительную профессию. И приобрели.

В бригаде ликовали. Стропаль, пусть даже с полуобрезанными крылышками, но свой! Ведь не так уж много поступает на рабочую площадку крупногабаритных деталей. В большинстве случаев вес их как раз до трех тонн.

А какая была канитель: сам монтажник не смей и шевельнуть груз — делай заявку на стропаля. А стропаль занят на крупных деталях.

Вот, бывало, и ждут-пождут монтажники, когда их выручат, а бригада тем временем простаивает.

Вскоре в бригаде в дополнение к слесарям-монтажникам-прихватчикам и стропалям появились слесари-монтажники-рубщики, слесари-монтажники-газорезчики...

Я спросил Владимира Степановича:

— А у вас самого сколько же теперь профессий? Прихватить деталь электродом собственноручно можете?

Смеется:

— Могу не хуже других.

— А застропить махину в три тонны весом?

— Могу и это.

— А пневматический молоток на рубке металла не выпадет из рук?

— И молотком владею. И газовой резкой металла.

Я беру карандаш и бумагу.

— Интересно, — говорю, — написать все ваши профессии в ряд. Длинная получится строчка! «Бригадир слесарей-монтажников, прихватчик-стропаль-рубщик-электросварщик...»

— А как же иначе? — перебивает меня Чичеров. И только что улыбавшиеся глаза его становятся строгими. — Какой же я был бы бригадир, если бы в нужную минуту не сумел подсобить любому его же инструментом? Зрителем оставаться? — И перешел на шутку: — Зритель я только в театре, в зрительном зале...

Разными способами совершенствовала свою работу бригада. «Пять в четыре» уже не казались далекой целью. По крайней мере полпути до цели пройдено, считали монтажники.

Слесари-монтажники, разумеется, учатся — иначе какая же это была бы бригада коммунистического труда. Технические знания каждому здесь необходимы. Надо, чтобы обретенные знания сразу воплощались в дело, да не вчерашние знания и не позавчерашние, а всякий раз самые современные.

К этому и стремится бригада во главе со своим бригадиром Чичеровым. Завод выпускает сейчас продукцию мирового класса. И внутри страны ленинградские турбины издавна пользуются заслуженной славой.

Работают советские турбины во многих странах Ближнего Востока, а также в Индии, в Иране... И прежде всего, разумеется, поставляем мы турбины братским социалистическим странам. Высокий класс ленинградских турбин заинтересовал и гидростроителей капиталистических стран.

Владимир Степанович Чичеров любит свое дело, любит бригаду, уважает ее людей и дорожит ее честью. Добивается он от всех только хорошей работы. На заводе уже знают, если Чичеров объявит: «Конструкция готова, забирайте!» — можно и не посылать к нему контролера ОТК — бригада честью своей отвечает за высокое качество работы.

Как-то пришлось делать конструкцию новой модели. Изучает Чичеров с товарищами чертеж и видит: по чертежу работать нельзя, неточный чертеж.

Пригласили в бригаду конструкторов. Чичеров спокойно подвел их к стальным выгнутым заготовкам и сказал:

— Вот вам, товарищи, инструмент, попробуйте состыкуйте хоть вот эту пару деталей. По чертежу вашему их же сварить надо.

Смутились конструкторы. Неловко им стало перед рабочими: надо чертеж исправлять.

Уселись на детали — а те как стальные скалы, — разложили чертеж на коленях, один карандашом водит по синьке, другой торопливо двигает визирное стеклышко на логарифмической линейке, ловит необходимые ему числа... Люди в затруднении: «Как же выйти из тупика?»

А тут монтажники. Тоже не сводят глаз с синьки. Пошептались между собой.

— Разрешите, — говорят, — может быть, вот этакую небольшую перестановочку сделать, — показывают на чертеже.

— Правильно! — подхватили конструкторы. — Просто и остроумно!

И тут же исправили ошибку в своем чертеже.

После этого случая конструкторы и без вызова стали появляться в бригаде. И не с окончательным чертежом, а с эскизом — куда легче внести изменения в конструкцию, если, конечно, это потребовалось бы. Исчезли недоразумения. А это только на пользу делу. Опять бригада Чичерова продвинулась к заветной цели: «Пять в четыре».

Содружество конструктора и монтажника крепло.

Известно, что такое защита проектов машин, сооружений. Студент, проучившись четыре-пять лет, выходит с чертежами — проектом к экзаменаторам, чтобы доказать свое право на диплом инженера. Группа специалистов разрабатывает проект крупной стройки и защищает его в научно-исследовательском институте, в министерстве, в правительстве... И так далее.

Но были ли случаи, чтобы инженеры или конструкторы защищали проекты перед рабочими? Если не были, то появились у Чичерова.

Дружно шагала бригада к цели «Пятилетку — в четыре года». Но вот помеха: заготовительный цех то одну деталь не подаст вовремя, то другую. А когда в конструкцию входит, к примеру, сто деталей, то из девяноста девяти ее не смонтируешь. Отсутствие одной-единственной детали, хотя бы самой пустяковой, вызывало простой всей бригады. У Чичерова мелькнула мысль: «А ведь можно и не быть пленником заготови-

тельного цеха!» И он поспешил к друзьям-конструкторам. Подал им идею — и конструкторы построили для монтажников как бы копилку: шкаф с гнездами для мелких деталей. Без этих мелочей особенно бедствовали монтажники.

Мы сказали «шкаф» только для простоты. На самом деле это устройство сложное, с выдвижными, на роликах, полками, с распределением различных деталей по комплектам. И вот тут-то конструкторам пришлось защищать свой проект перед монтажниками.

Трижды собирались, спорили, каким должен быть штабелер (так называется этот «шкаф»), и трижды конструкторы отступали перед доводами и требованиями монтажников. Наконец построили штабелер.

Постепенно заполнили его деталями, нужными для монтажной работы, и отпала необходимость бегать в заготовительный цех, чтобы «выколачивать» необходимую заготовку.

А идеи все рождаются и рождаются в бригаде. Для улучшения работы нет пределов...

Не нравится монтажникам шов электросварки. Оставляет брызги. Но это же не вода разбрызгивается, которую вытер — и чисто, а кипящая сталь. Упав на металл, тут же в него вплавляется — торчит прыщом. Брызги надо вырубать зубилом. А их не счесть.

Между тем есть конструкции, где ни прыщи, ни прыщики на поверхности металла нетерпимы. Например, у проточной части турбины, в которой, как в трубе, вращается рабочее колесо, поверхность стенок должна быть зеркальной. Но как обойтись без зубила?

И монтажники размечтались: «Вот бы мазь такую, чтобы сквозь нее брызги не проникали. Наложишь ее дорожками по сторонам будущего шва; пройдет с электродом сварщик, а вслед за ним смахнешь мазь вместе с застывшими в ней брызгами... И металл чист!»

Пошли в центральную лабораторию завода.

— Можете изготовить такую мазь?

Дело не простое. Но поняли сотрудники лаборатории, как важна для убыстрения работы монтажников такая мазь — ловушка брызг. Приготовили свои фарфоровые ступки с пестиками, колбы, пробирки, порошки, реактивы. Много пришлось проделать опытов, но мазь получилась.

Образовался на заводе у бригады круг друзей. Пришли ей на помощь специалисты из технического отдела завода, из отдела электросварки, из конструкторского бюро гидротурбин и паровых турбин, из центральной лаборатории завода. Все объединились для совместных действий. Так возникла «общественная бригада творческого содружества с монтажниками Чичерова».

И было их общим товарищеским праздником, когда Чичеров со своей бригадой выполнил задания пятилетки не в четыре года, а за три года и восемь месяцев.

На новую, десятую пятилетку у Владимира Степановича Чичерова еще более смелые планы...

Макс ДАХИЕ

Комсомольцам, строителям моста на железной дороге Сургут—Тюмень

Нас обжигает ветром
высота.
За небо, что ли,
поясом схватиться?
И мне кричит напарник:
«Красота!..
Ну с кем бы ширью этой
поделиться?»
Над самой Обью
чайки пролетают.
Пролет моста
шагает через топь.
Мосты, они не сразу
возникают,
Когда перешагнуть им надо
через Обь...
А чайки
за своих нас принимают,
Над головою
чиркают крылом.
Наверно, чайки тоже
понимают,
Что все-таки мы Обь
перешагнем.
В ночи летит к нам
свежий ветер
с сопок
И Млечного Пути
на касках пыль:
«Бонжур!
Вэл кам вам,
тетушка Европа!
Зовет вас в гости
юная Сибирь!»

Переступи порог

М. И. КОНДАКОВ,
вице-президент Академии педагогических наук СССР

Закончилось пионерское лето. Ты помнишь, сколько было веселых игр, спортивных сражений, трудных, но увлекательных походов, сколько красивых песен спето у костров... И все же ты с нетерпением ждал **первого школьного звонка!** Подумай, почему каждый год первого сентября ты с радостью и волнением переступаешь порог школы? Там тебя ждет встреча с товарищами, рассказы друзей о лете. Будут игры на переменках, спортивные состязания. А еще тебе не терпится поскорее отправиться в путешествие — тоже увлекательное и тоже трудное, путешествие в Страну знаний! И когда в середине учебного года школьные дни покажутся тебе однообразными, когда ты начнешь с неохотой садиться за уроки, когда заленишься, вспомни, как спешил в школу первого сентября, с какой радостью поднимался по лестнице, входил в класс, пожимал загорелые руки друзей. И пусть весь год не покидает тебя это ожидание встречи, жажда познания, радость открытия! Многое тут зависит от тебя.

А сегодня вы, **сорок два миллиона советских ребят,** только вступаете в новый учебный год. Год необычный — первый год десятой пятилетки, которую XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза назвал пятилеткой эффективности и качества. Важные вопросы решал съезд, о многом говорили коммунисты. Говорили они и о школе — ведь это очень важно: помочь тебе стать знающим и умелым, современным и образованным. Потому что время, в которое ты живешь, это время стремительного развития науки и техники. Знания необходимы, за ними — будущее.

Да, с ростом научно-технического прогресса увеличивается объем знаний, необходимый человеку для того, чтобы он стал полезным обществу. Усложняются школьные программы и школьные учебники — над ними работают опытные педагоги и талантливые ученые. В книгах, по которым ты учишься, сосредоточено все то, без чего ты не сможешь обойтись в будущем, плодотворно работать или учиться дальше, самое необходимое. Поэтому ни в коем случае нельзя ограничивать-

ся **полузнанием предметов**, недоучивать уроки. А отличной оценки будет достоин тот, кто принесет на урок знания, добытые из внеклассной литературы, из услышанного или увиденного в музеях, в жизни. Расскажешь об этом на уроке — узнают и твои друзья. Тогда и они будут знать урок на «отлично»!

Вот что значит повышать качество учения: добросовестно, сознательно относиться к заданному уроку. Не просто как к параграфу или правилу в учебнике, а как к части науки. **Учение — твой главный труд**, и труд, кстати, всеми и всегда высоко ценимый. Так будь трудолюбивым в учении! Если ты глубоко изучишь школьный материал, хорошо его осмыслишь, он пригодится тебе уже сейчас, когда будешь ставить опыт на пришкольном участке, когда станешь помогать шефам на заводе или в колхозе, когда начнешь собирать модель ракеты в кружке...

Учиться эффективно—значит учиться творчески. Не секрет, что еще встречаются ребята, которые не умеют выделить в прочитанном главное, самостоятельно делать выводы, составлять планы или тезисы изучаемого материала. Нужно в первую очередь учиться работать с книгой, быстро находить нужную литературу, ориентироваться в справочниках, уметь пользоваться словарем, энциклопедиями... Растет объем знаний, усложняются программы, а в сутках по-прежнему 24 часа! И не добьется успехов даже самый старательный, самый прилежный ученик, если не научится ставить перед собой ясные цели, четко планировать свою работу и подводить итоги сделанному, ценить время, **беречь каждую минуту**, или, как говорила Надежда Константиновна Крупская, **организовывать самих себя.**

И, конечно, **нужно относиться к учению по-пионерски.** Пусть главной заботой звена, отряда, дружины станет вопрос: все ли сделано каждым пионером для того, чтобы учиться лучше? А бывает еще в некоторых отрядах так: вместо помощи — насмешка, вместо шефства — проработки на сборах... Вы, наверное, знаете, что взрослые, коммунисты и комсомольцы, работают сейчас под девизом **«Ни одного отстающего рядом!».** Окружите и вы заботой и вниманием товарищей, испытывающих трудности в учебе: отстающими, как и отличниками, не рождаются, ими становятся. А **дружба, товарищество, взаимопомощь— самые верные лекарства от двоек и троек...** В учебе, как и в труде, очень многое зависит от настроения. Наверное, каждому приятно идти в школу, когда знает, что там — друзья, они помогут, поддержат, поймут. Вот тогда, может быть, и проявляются лучшие качества пионера: воля, трудолюбие, пионерский задор, стремление прийти к товарищу на помощь. В такой обстановке развиваются увлечение наукой, горячий интерес к знаниям. **И радость, с которой вы пришли первого сентября в школу, будет длиться всегда!**

Путешествие по стране «НТТМ-76»

ВАС ВСТРЕЧАЕТ ЭВМ

Бывает, попадешь на выставку, и глаза разбегаются. С чего начать? Где тут самое интересное? Так и стоишь поначалу в растерянности. На «НТТМ-76» было легче: у входа вас встречал всезнающий гид — ЭВМ. Ее авторы — молодые московские конструкторы. Я подошел к прибору, похожему на телевизор, к которому добавили еще клавиатуру от пишущей машинки. Мне хотелось узнать, сколько на выставке экспонатов, и я отстукал на клавишах свой вопрос. Буква за буквой вслед за тем, как я нажимал на клавиши, вопрос высветился на телеэкране.

Секунда — и на том же экране зелеными буквами засветился ответ ЭВМ: **«Количество экспонатов — более десяти тысяч».**

Новый вопрос — новый ответ. **«Выставочная площадь «НТТМ-76» 18 тысяч квадратных метров. Среди участников — молодые рабочие, инженеры, студенты, школьники, ученые. Выставка международная — представлены работы молодежи из Болгарии, Венгрии. Румынии, ГДР, Польши, Чехословакии, Монголии, СРВ, Кубы...»**

На любой вопрос по выставке ЭВМ даст быстрый и точный ответ: где расположены экспонаты, их технические данные, имя автора и даже чертежи каждого устройства.

Теперь и мы с вами немного познакомились с выставкой и можем продолжить путешествие по стране «НТТМ-76».

«ЭКСПЕРИМЕНТ» УДАЛСЯ!

Студенты и преподаватели Рижского института инженеров гражданской авиации к обычной дюралевой лодке добавили хвост, крылья и авиационный мотор с пропеллером. Получился маленький гидросамолет. Конструкторы назвали его «Эксперимент». Он летает со скоростью 140 километров в час и наверняка пригодится летчикам для тренировок, поисковых операций, дозорной и спасательной служб.

Можно сказать, что эксперимент с «Экспериментом» вполне удался.

ЛОКАТОР НА КОМБАЙНЕ

Представьте себе свекольную плантацию. Идет уборка урожая. Ровно, будто по ниточке, движется свеклоуборочный комбайн, а в его кабине... никого нет. Комбайном управляет радиолуч. Как бы ощупывая землю впереди машины, он подает радиосигналы рулевому управлению.

Радиолокатор может быть установлен на самых разных сельскохозяйственных машинах. Сконструировали его студенты из Кировограда. Локатор поможет механизаторам не тратить время на то, чтобы следить за ровным движением машины. И качество уборки станет выше: машина, идущая точно вдоль рядков, соберет урожай без потерь.

НЕ БОЙТЕСЬ УКОЛОВ

Молодые специалисты из Института клинической и экспериментальной хирургии создали новый шприц для уколов — без иглы. Лекарство выбрасывается такой тончайшей струйкой (она в 20—25 раз тоньше любой иголки!) и с такой силой, что безболезненно пробивает кожу. Теперь можно не бояться уколов!

КАК НАЙТИ ПОЛОМКУ?

Не работает электрический утюг... Что делать? «Чинить»,— скажешь ты. А как узнать, что именно испортилось? Это легко определит прибор, придуманный молодыми инженерами ГДР. Теперь можно не заглядывать в поломанный механизм. Подключишь его к новому прибору, и сразу узнаешь, что не в порядке.

Новый прибор ставит «диагнозы» сломанным пылесосам, вентиляторам, электробритвам, стиральным машинам... И подсчитывает, сколько будет стоить починка!

ДЛЯ БЕЗДОРОЖЬЯ, ЗЕМНОГО И ЛУННОГО

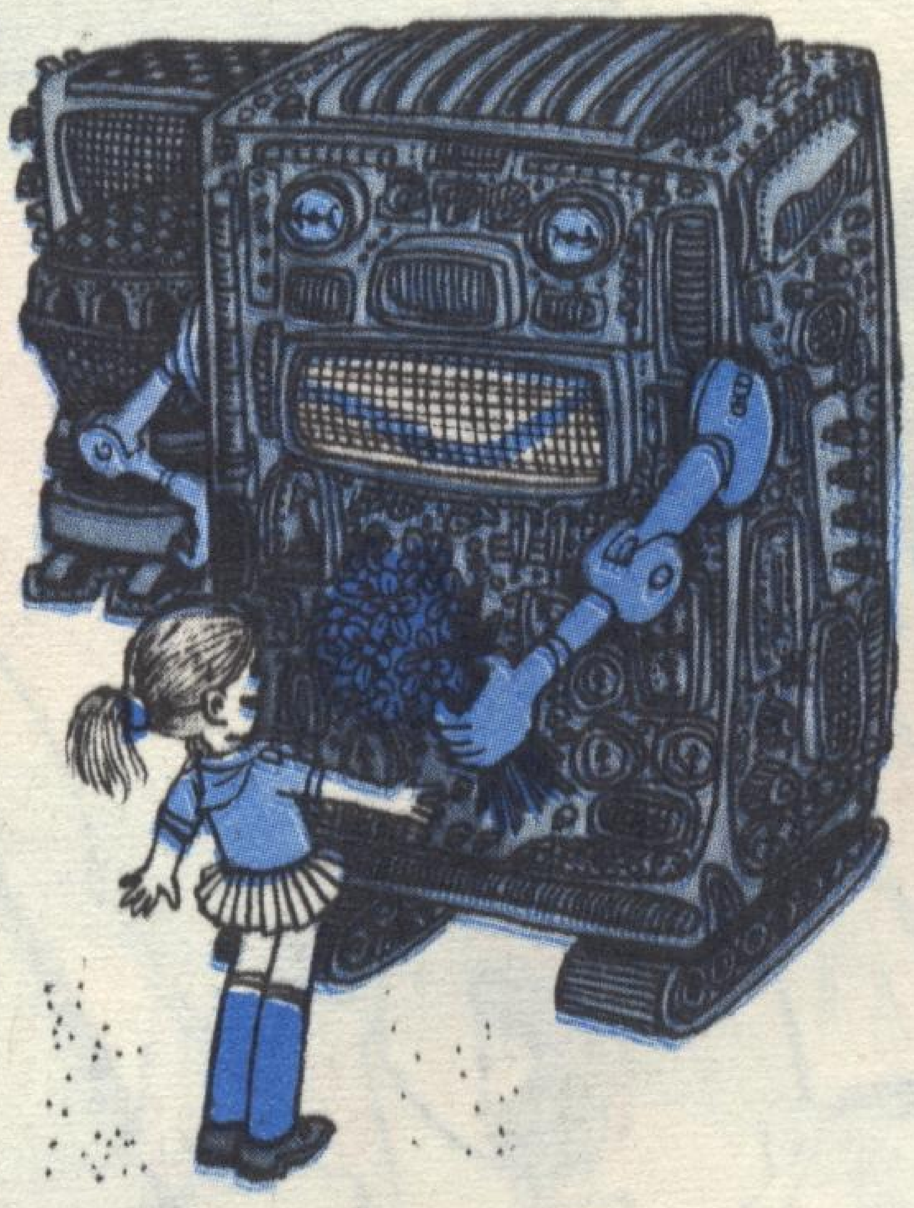
Замечательный вездеход для лесника сделали ребята из Клуба юных техников Новосибирского Академгородка. На основе мотоциклетного двигателя они создали машину, которая так же поворотлива, как мотоцикл, и как гусеничный вездеход не боится ни грязи, ни песка, ни снега. А по асфальту бежит со скоростью пятьдесят километров в час.

На выставке ребята из Новосибирска показали и другую машину — маленький трактор на двух колесах. Он будет хорош для обработки почвы на небольших полях и пришкольных участках.

А вездеход-электромобиль, сконструированный студентами МВТУ имени Н. Э. Баумана, предназначен не для земного, а для лунного бездорожья. На луноходе «Селена» смогут тренироваться те, кому придется прокладывать первые трассы на Луне. «Селена» передвигается по любому, самому сыпучему грунту.

На этом вездеходе установлена аппаратура для научных исследований и механическая рука-манипулятор для сбора образцов лунных пород. На выставке можно было увидеть, как работает мани-

пулятор,— он аккуратно доставал из вазочки цветы и преподносил их зрителям.

САПОГИ-СКОРОХОДЫ

Такие сапоги, оказывается, бывают не только в сказках. Студенты Уфимского авиационного института прикрепили к обычным сапогам небольшие, специально сконструированные моторчики. В таких сапогах делаешь великанские, по десятку метров, шаги и мчишься со скоростью двадцать пять километров в час! Правда, пока бежать в сапогах-скороходах не очень легко: тяжеловаты еще да и резкие толчки мешают ровному бегу. Вот почему моторчики снабжены амортизаторами.

Наверняка за первой опытной парой сапог-скороходов появятся новые, более удобные.

ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

На всех морях и океанах существует строгий закон: дважды в час прекращают свою работу все радиостанции. В течение трех минут радисты на всех кораблях напряженно слушают: не донесется ли откуда-нибудь сигнал бедствия.

Не пропустить драгоценные минуты поможет устройство, созданное рижанином В. С. Зозулей. Как только время подходит к строго определенным аварийным минутам, на часах в радиорубке зажигается красная лампочка и звонит звонок. Это сигнал: «Радист, будь внимателен...»

РАБОТАТЬ БУДЕТ ЛЕГЧЕ

Инженер из Болгарии И. Асов придумал третью руку в помощь швее. Во время работы у нее заняты обе руки. А длинный металлический рычаг, как рука, с помощью специальных присосок подхватывает лежащие в стороне куски ткани и подносит их к швейной машине. Швее остается только прострочить ткань в нужном месте. Механическая рука значительно облегчает труд швеи.

По выставке «НТТМ-76» путешествовал с вами инженер С. ЗИГУНЕНКО

Фотографии В. ПОСТНИКОВА и И. ИВАНОВА.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

*Радуга,
как ворота
великанского дворца,
упиралась
двумя концами
в леса.
— Летим к ней! —
крикнул Виталька.*

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

КОВЕР-САМОЛЕТ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Я проснулся от горячего солнца. Оно било вдоль промытых дождем стекол и рикошетом залетало в комнату. У Витальки на ресницах загорались золотые точки. Виталька поморгал и улыбнулся. Откинул край ковра и сел. Сразу стало зябко. Я тоже сел и обнял себя за плечи.

Тикали часы. Они показывали половину шестого, но мы не знали, конечно, точно ли они идут.

Собака спала у нас в ногах. Ее рыжая шерсть местами свалялась, слиплась в сосульки и казалась грязно-бурой. Сквозь шкуру проступали ребра. К морде прилипли клочки серого пуха.

— Охотилась вчера, — опять сказал Виталька. — Конечно, а что ей делать? Иначе помрет с голоду.

Собака открыла глаза и посмотрела на нас. У нее была грустная и добрая морда. И очень умная.

— Собака, хочешь с нами? — сказал Виталька. — Тетя Валя не прогонит, не бойся.

Собака медленно поднялась и шевельнула хвостом.

— Хочет! — обрадовался Виталька. — Пойдем!

Мы вынесли ковер из дома. Собака вышла за нами. Высокая трава еще не высохла и хватала нас за ноги будто холодными пальцами. Чтобы ковер не промок, мы развернули его на просохших досках крыльца.

Сели.

— Иди, собака, — позвал я.

Она послушно села рядом с нами. Я осторожно обнял ее за шею.

Мы взлетели очень тихо и плавно, чтобы не пугать собаку. И она не испугалась. Сидела совсем спокойно, поглядывая с высоты. Но когда мы отлетели метров на сто, она забеспокоилась. Освободила из-под моей руки голову, завертела ею, встревоженно глядя то на меня, то на Витальку.

— Не бойся, — ласково сказал я.

Но собака и не боялась. Она просилась назад. Она поползла к самому краю ковра, заскулила и негромко гавкнула.

— Не хочет, — сказал Виталька.

— Нельзя ее одну оставлять, — сердито сказал я.

— Это ее дом. Раз не хочет бросать, что поделаешь. Она все равно сюда уйдет.

Я сам это понимал. Просто жаль было оставлять собаку. Но делать нечего. Мы опустились недалеко от дома. Собака сошла с ковра и оглянулась: она звала нас с собой.

— Мы не можем, — сказал Виталька. — Ты не можешь, и мы не можем. Понимаешь?

Собака смотрела печально. Понимала.

— Мы тебя навестим, — пообещал я.

Глава одиннадцатая

По западному краю неба опять проходила гроза. Громоздила горы черных и лиловых облаков. В их толще загорались ветвистые молнии, а потом, с большим опозданием, к нам подкатывал ворчливый, уставший по дороге гром.

От того, что светило солнце, тучи казались особенно мрачными, а молнии тусклыми, чуть заметными. Это выглядело зловеще. Но мы не боялись грозы. Дул восточный ветер и отодвигал ее за горизонт, подальше от нашего пути.

Потом гроза пролилась дождем и стала рассеиваться. Загорелась большая радуга. Она, как ворота великанского дворца, упиралась двумя концами в леса, и зеленая лесная шкура просвечивала сквозь ее разноцветную толщу.

— Летим к ней! — крикнул Виталька.

— Летим! — крикнул я и задрожал от радости и от страха, что не успеем.

Мы успели!

Мы влетели в радугу!

Я слышал от взрослых, что к радуге приблизиться нельзя, она будет убегать, а потом рассыплется, растает, как мираж.

Не верьте! Подойдите к шумному фонтану — там в брызгах висит множество маленьких радуг. В них можно погрузить руки. Радуги затанцуют на ваших ладонях. Почему же нельзя коснуться большой радуги?

Конечно, если бежать по земле, трудно успеть. А мы летели, и нам помогал попутный ветер.

Когда мы подлетали к радуге, нам показалось, что с неба рухнул на лес разноцветный водопад — прозрачный и бесшумный. Потом все вокруг — вся земля, и облака, и мы сами — сделалось лиловым, синим, голубым, и рядом с нами засверкали огоньки — тоже голубые и синие. Они вспыхивали, как стеклянная пыль, и чуть заметно покалывали кожу.

Потом все сделалось ласковее, теплее, и на нас накатила зеленая волна. В ней тоже трепетали огоньки — ярко-зеленые. Словно дрожали под ветром и солнцем листики крошечных деревьев, омытые дождем.

А затем листики превратились в солнышки. Эти солнышки горели на ворсинках ковра, на незаметных волосках нашей кожи и просто в воздухе. Виталька сидел напротив меня и смеялся. Его рубашка из голубой превратилась в светло-зеленую, а в волосах его были перемешаны огненные точки.

Желтый воздух стал гуще, набрал красноту, и нас будто жаром обдало — мы пролетели сквозь оранжевый туман. И сразу словно зазвучала музыка — таким празднично-красным стал весь белый свет. Веселым, пересыпанным малиновыми огоньками.

Мы прошли разноцветную толщу радуги насквозь и влетели под ее светящуюся арку.

Но радуга звала нас обратно.

Мы снова окунулись в нее, ныряя в цветных волнах, пошли по дуге — по всей длине радуги. А она была громадная, и путешествие получилось длинным-длинным. Мы купались в ласковой радуге, как в реке, а она словно взмахивала перед нами цветными крыльями. И у каждого цвета было свое тепло и даже свой запах. Мне казалось, что желтый воздух пахнет свежими сосновыми щепками, оранжевый — мандаринами, зеленый — мокрой травой...

Сейчас в это трудно поверить, но тогда я ничуть не удивлялся. Я был уверен, что так и должно быть. В те годы каждой клеточкой тела, каждым незаметным волоском я ощущал жизнь земли и воздуха и их дыхание, свет, шорохи и тепло. Я мог плечом почувствовать мелькнувшую тень от пролетевшей птицы, мог на ощупь выбрать в разнотравье нужный стебелек, знал, как пахнут разные ветры и, просыпаясь, по стучанию капель сразу определял — теплый или холодный идет дождик. Если я брел по ручью, то легко мог сосчитать, сколько прохладных и теплых струек, похожих на стеклянные

шнуры, вьется у моих ног. Я умел на целую секунду удерживать в ладони солнечный зайчик, а когда он проскальзывал между пальцами и садился мне на костяшки, я кожей чувствовал его пушистое шевеление.

Я мог закрытыми глазами узнать, какие в небе облака.

И Виталька все это мог тоже...

Мы помахали радуге руками и взяли курс к дому. Летели низко, обходя темные вершины старых елей. Гладили по макушкам светлые березы, заглядывали в птичьи гнезда. Звали к себе поближе разных лесных пичуг, а они почему-то пугались, глупые.

Только большой дятел на сухой сосне нас не напугался. Он покосился черным глазом-бусинкой и так тюкнул по стволу, что целый пласт коры отлетел и ухнул в лесную глубину. А Виталька потом уверял, что от этого удара у дятла съехал набекрень красный колпачок.

Мы летели медленно, а время быстро. И уже вечером приблизился от горизонта к нам город.

Недалеко от реки, среди мелких берез, мы увидели круглую поляну с ромашками. Трава блестела, а на ромашках, как на блюдцах, лежали капли. Наверно, недавно здесь пролился случайный солнечный дождик.

— Держись в воздухе,— сказал я Витальке. И он повис на ковре-самолете в метре от земли, а я прыгнул в сырую путаницу листьев и стеблей. Кеды быстро промокли. Но зато большой букет, собранный для тети Вали, пахнул теплым дождем, лесом и радугой.

Когда мы летели к дому, я держал охапку ромашек у груди, поэтому футболка у меня спереди тоже промокла, и к ней прилипли мелкие листики.

С поляны мы взлетели на большую высоту, распустили для маскировки «змеевый хвост» и пошли на город. Было время заката. Нас еще освещало солнце, а город уже лежал в тени. Мы спикировали в эту тень и стремительно опустились, почти упали к себе на крышу.

В доме было тихо, только в щелях скреблись сверчки и другая мелочь. Мы опустились в комнаты, достали старинную прозрачную вазу и посреди стола поставили букет...

— Лишь бы не завял до завтра, а то...— начал Виталька и странно замолчал.

— Ты чего?

Он икнул и показал в угол. Там стоял чемодан тети Вали.

— Значит, она... ик... вернулась сегодня утром...

— Где же она? — глупо спросил я.

— Где! — плаксиво сказал Виталька.— Бегает по всему городу, нас ищет! Где еще!.. Вот она идет.

Я увидел в окно тетю Валю — она медленно шла по двору от калитки.

Мы ринулись на вышку, сорвали с себя кеды и нырнули под одеяла.

Шаги тети Вали застучали на ступенях. Следы моих мокрых кед безошибочно указали ей, что путешественники вернулись.

Через полминуты мы, замерев, лежали носами к стенке, а тетя Валя стояла в середине свободного пространства и обращалась к нашим спинам и затылкам с необычно длинной и крайне суровой речью.

Она говорила, что мы невозможные люди, жестокие мальчишки. Что мы думаем только о собственных радостях и никогда не помним, что у взрослых людей бывает больное сердце. Хорошо еще, что Валентина Сергеевна (моя мама) не успела ничего узнать, потому что и она и дядя Сева с утра до вечера на работе (я облегченно передохнул), зато она, тетя Валя, постарела на десять лет, но дело не в ней, а в том, что мы растем бессердечными эгоистами. И самое скверное, что никакие слова на нас, оказывается, не действуют. Остается единственный способ воспитания: взять две крепкие хворостины — для каждого персональную — и выдрать нас по всем правилам, неторопливо и обстоятельно.

Однако сделать это она, к сожалению, не может. Драть меня она не имеет права, так как я не родственник ей, хотя она об этом часто забывает. (Здесь тетя Валя слегка сбилась и подозрительно шмыгнула носом.) А драть одного Виталия — несправедливо, потому что мы наверняка виноваты одинаково. И ей, тете Вале, остается одно: уйти и оставить нас наедине с нашей совестью (если мы знаем, что это такое и если эта совесть у нас хоть чуточку сохранилась).

Видимо, что-то сохранилось, потому что меня грызли жалость и раскаяние. Я готов был даже признать тетю Валю полноправной родственницей, со всеми вытекающими последствиями. Но тетя Валя шумно высморкалась, укоризненно помолчала и спустилась к себе. Там она увидела букет и растаяла.

— Негодники! — размягченно сказала она.— Вот негодники...

Мы, стараясь не шлепать босыми ступнями, пробрались вниз и остановились на пороге. Тетя Валя оторвала лицо от букета. Посмотрела на нас через плечо. Наверно, мы были очень виноватые, маленькие и печальные.

— Преступники,— сказала тетя Валя.— Где вы бродяжничали больше суток? Я приехала в пять утра и сразу поняла, что вы не ночевали. Пыталась узнать у Саши, Веты, а они или молчат, или бормочут непонятное... Я чуть не умерла.

— Мы же не знали, что ты раньше времени приедешь,— пробормотал Виталька.

Тетя Валя повернулась к нам, прочно села на стул, выпрямилась и потребовала:

— Идите сюда, отвратительные мальчишки, и рассказывайте про все, что успели натворить! Подробно и честно!

Она уже ни капельки не сердилась. Она радовалась, что мы не пропали. Мы подошли, и

она ухватила нас за ладони, будто боялась, что опять исчезнем.

Мы вздохнули, посмотрели друг на друга и рассказали про ковер-самолет.

— Ведь ты сама его нам дала,— прошептал в заключение Виталька.

А я добавил:

— Он совсем безопасный...

Не знаю точно, поверила ли тетя Валя. Наверно, поверила. Она не удивилась и не стала просить, чтобы мы показали, как летаем. Она сжала наши ладошки и сказала:

— Ковер-самолет — это сказка. А сказки существуют для радости. Разве можно делать так, чтобы сказка доставляла кому-нибудь огорчение?

И мы тут же пообещали, что никогда не доставим тете Вале огорчений: ни с ковром-самолетом, ни без него.

Она почему-то улыбнулась и покачала головой. Посмотрела на нас, на ромашки, снова на нас. И сказала, что следовало бы нас проучить как следует, но что поделаешь — не выбрасывать же подарки, которые она привезла нам.

И она вручила Витальке медовые краски, а мне — губную гармошку, потом нам обоим — туристический компас со светящимся циферблатом. Мы сдержанно подвывали от восторга.

Кроме этих подарков, тетя Валя привезла Витальке рубашку. Это была косоворотка с шелковым пояском и с вышитым узором на вороте и подоле. Материя была светло-желтая, шелковистая и переливалась, как атлас.

Тетя Валя потребовала, чтобы Виталька тут же примерил обнову.

Рубашка оказалась велика и висела на Витальке довольно балахонисто. Он стал слегка похож на девочку в платьице. Об этом я ему честно и сообщил, когда тетя Валя вышла за очками.

Виталька отмахнулся:

— Пусть! Лишь бы она не сердилась.

И он сказал тете Вале, что рубашка ему в самый раз и очень нравится и он просто счастлив от такого подарка.

— В самом деле? — обрадовалась тетя Валя.— Вот и прекрасно. А то мне казалось, что она широковата и длинновата. Очень хорошо, что тебе нравится. Завтра наденешь, когда пойдем в цирк.

— В цирк?! — хором сказали мы.

И тетя Валя сообщила, что еще неделю назад купила билеты — хотела сделать нам сюрприз.

Виталька кинулся ее обнимать. Я обниматься постеснялся и, чтобы выразить радость, влепил ему между лопаток «леща». Виталька кошкой прыгнул на меня и сел верхом. Зазвенела люстра. Кукушка с перепугу прокричала пятнадцать раз. Тетя Валя схватилась за голову.

— Прекратите сию секунду! Вы сумасшедшие дикари, а не дети! Я вас выставлю из дома, и будете ночевать на дворе, пока не станете приличными людьми!

Глава двенадцатая

— Ты в самом деле собираешься в цирк? — спросила мама непонятным голосом.

— Д-да... А что? — сказал я.

— Посмотри на свои колени.

Когда мама говорила таким тоном, я знал, что лучше не спорить.

Через минуту я стоял в большом тазу, по щиколотку в горячей воде, и протяжно стонал. Мочалкой, сплетенной из капроновой лески, мама обрабатывала мне коленки. Надо сказать, что работа ей досталась немалая. Попробуйте отодрать множество окрепших и спрессованных наслоений: уличную пыль, ржавчину с Виталькиной крыши, землю с лесных полян, въевшиеся в кожу песчинки и зеленый сок растений, который пропитал и спаял все слои.

Мама быстро устала и начала сердиться. А тут еще этот таз! Он вел себя просто подло. Дно у него было слегка выпуклое, и он вертелся подо мной. Когда мама давила на левую коленку, таз поворачивался влево, когда на правую — он сразу начинал обратное вращение.

— Не вертись! — сказала мама.

— Это не я, это таз...

— Ты мне поговори! — пригрозила мама и так дернула мочалкой, что я взвыл, будто кошка с прижатым хвостом. И жалобно спросил:

— Можно я сам?

— Сам! — сказала мама.— Если бы ты мог что-нибудь делать сам, я была бы счастливейшим человеком.

Но, совсем измучившись, она отдала мне мочалку и ушла из кухни.

Коленки горели, будто я только что ползал по раскаленным железным листам. Надо было дать им отдых. А пока отдыхают, я решил попробовать: сколько оборотов сделает вместе со мной таз, если я крутнусь как следует?

Я ухватился за край стола и крутнулся...

Таз успел сделать всего пол-оборота, а потом выскользнул из-под меня и, как марсианская летающая тарелка, ушел по косой линии в угол. Там он с медным грохотом грянулся об умывальник, выплеснув на стенки воду. Я, в свою очередь, тоже грохнулся, крепко треснувшись о половицы.

Я здорово перепугался. В первую же секунду я представил, как влетит сейчас на кухню мама и какой мне будет нагоняй. Вместо цирка. И я заревел от страха и боли.

Первым вбежал дядя Сева.

Он подхватил меня, прижал к суконному кителю и громким шепотом сказал:

— Олеженька! Ты что, малыш?

Мы лежали носами к стенке, а тетя Валя обращалась к нашим спинам с длинной и суровой речью.

Раньше он так никогда не говорил. А может, и говорил, да слова отскакивали от меня, как горошины от потолка. Но сейчас, перепуганному, мокрому и ревущему, мне было не до гордости и обид. Тем более, что тут же появилась мама с грозными словами:

— Я так и знала!

— Подожди, подожди! — сказал дядя Сева.— Что ты знала? Человек ударился, даже до слез. Понимать надо.

Мама несколько секунд изумленно смотрела, как я повис на дяде Севе, облапив его за плечи, будто единственного защитника и спасителя. Потом, уже с притворной сердитостью, произнесла:

— «Понимать надо!» Интересно только, почему меня никто не хочет понимать?

Она принялась затирать воду, заявив при этом, что окончательно убедилась, какие нелепые и беспомощные люди все мужчины. И самое удивительное, что, сделав какую-нибудь глупость, они тут же спешат друг другу на выручку! И тогда уж к ним не подступись!

А я понимал, что она рада. Она устала видеть мою молчаливую войну с дядей Севой. И я, оказывается, сам устал от этой войны.

Я сквозь мокрые ресницы нерешительно посмотрел дяде Севе в лицо, и он чуть-чуть улыбнулся мне. И я тоже улыбнулся.

Он унес меня в комнату. Сел на диван, а меня посадил на колени.

— Сильно стукнулся? — негромко спросил он.

— Не... не очень,— прошептал я.

— Прошло уже?

— Ага...

Большая пуговица с якорем давила мне сквозь майку на ребро, но я не шевелился. Пускай давит! Все равно мне хорошо.

Ленка таращилась на нас так удивленно, что мне захотелось показать ей язык. Но я поступил благородно и умно: не показал. Я медленно поднял голову и снова глянул в лицо дяде Севе. И мы опять улыбнулись.

Пришла мама и принялась гладить мой праздничный костюм. Потом проверила мои колени. Оказалось, что с них уже соскоблено все, кроме болячек и ссадин, которые никуда не денешь.

— Одевайся, герой!

От костюма пахло горячим утюгом и праздником. Он был голубой и легонький, как шелковый игрушечный парашютик для запуска из рогатки. С золотистыми пуговками, похожими на новые копейки, с погончиками и пряжками, со звездочкой, вышитой на нагрудном кармане. Такие костюмчики для нашего брата, похожие на юнармейскую форму, в то время только входили в моду и мама весной привезла его из Ленинграда вместе с белыми гольфами и синей испанкой. Кроме этого, мама выдала мне новые скрипучие сандалии. Они пружинили и просто заставляли скорей куда-нибудь бежать.

Шелковая кисточка испанки щекотала мне левую бровь. Я весело поглядел из-под нее на маму, дядю Севу, Ленку, крутнулся на пятке, помахал всем с порога и, счастливый, торжественный, отправился к Витальке.

Двое встречных мальчишек обозвали меня стилягой, но и это не испортило мне настроения. Я думал о дяде Севе и понимал, что теперь у меня в жизни появилась еще одна радость.

А кроме того, цирк. Это тоже здорово!

Однако жизнь устроена сложно: не успеешь порадоваться — и нате: какая-нибудь неприятность.

Когда мы пришли к цирку и, потоптавшись в очереди, добрались до входа, контролер — седой старичок — не пустил нас. Повертел билеты, посмотрел на них с двух сторон и сказал тете Вале:

— У вас, гражданочка, билеты на завтрашнее представление, не на сегодня.

— Как же так? — строго и обиженно спросила тетя Валя.— Где это написано?

— Вот здесь и написано. Видите, штампик...

Тетя Валя принялась теребить кружевные манжеты.

— Я не понимаю... Значит, это кассир... Я же просила...

Старичок сочувственно вздохнул и развел руками.

Через минуту мы выбрались из циркового сквера и совсем невесело побрели к дому.

— Ничего страшного,— неуверенно сказала тетя Валя.— Зато завтра нас ждет представление.

Завтра! А сегодня что? Все было так хорошо, и вдруг — бац!

Виталька шел, глядя под ноги, уныло наматывал на палец свой шелковый поясок и сердито его дергал.

Мне-то было не так грустно. Я вспоминал про дядю Севу и думал, что сегодня дома у меня будет хороший вечер. У своей калитки я сказал, что пойду ночевать домой.

Но дома ждало меня огорчение: мама и дядя Сева пригласили старую соседку тетю Любу, чтобы Ленка не боялась одна сидеть дома, а сами ушли в кино.

Тут я подумал, что Витальке грустно в одиночестве. Решил взять книжку «Снежная королева» и побежать к нему. Сядем на лежаке и будем читать вслух. Это была моя любимая сказка, и Витальке она тоже нравилась, но вместе, вслух, мы ни разу ее не читали. Наверно, будет интересно.

Я стал искать книгу на полке. Ее не было!

— Ленка! — грозно сказал я.— Ты брала «Снежную королеву»?

Она заморгала.

— Брала...

— Куда девала?

— Девочке дала почитать.

У меня дыхание перехватило от такой наглости. Девочке! Мою! «Снежную королеву»!

Когда дыхание перестало перехватываться, я прищурился и спросил:

— Я твоих кукол даю играть мальчикам?

Ленка заморгала сильнее и, видимо, приготовилась пустить слезу.

— А мама... говорила, что книжки общие.

Если бы это вчера еще было, я бы сказал ей про «общие» книжки. Но сегодня, когда мы с дядей Севой... В общем, я только предупредил:

— Если вздумает порвать или потерять...

— Она не вздумает, — поспешно пообещала Ленка.

Я, ворча для порядка, достал «Тома Сойера». Тоже подходящая книжка для вечернего чтения.

— Нашим скажи: я у Витальки, — предупредил я Ленку, обалдевшую от моего великодушия.

Все сначала шло, как надо. Мы уселись на топчан, включили настольную лампочку, раскрыли на середине читанную много раз книжку...

— «В жизни каждого нормального мальчика наступает момент, когда ему хочется найти клад...» — прочитал я и удивленно посмотрел на Витальку. А он на меня. Мы были нормальными мальчиками. Почему же до сих пор нам в голову не приходила эта мысль?

Наверное, потому, что не было ковра-самолета. А на ковре можно добраться до таких мест, где и в самом деле вдруг зарыт какой-нибудь клад!

— Старый дом! — задумчиво сказал Виталька.

— Правда! Старый дом, как и в «Томе Сойере», — самое подходящее место! Может, его таинственные хозяева, уходя, оставили в погребе золото и оружие? А собака охраняет. Но насто собака знает!

Беда только, что далеко. А поисками хорошо бы заняться скорее. Может, даже сегодня, раз уж не попали в цирк.

И вдруг Виталька приключенческим шепотом сказал:

— Колокольня...

Вот это да! Как мы раньше не подумали? Как мы, летая над городом, вообще ни разу не догадались заглянуть на колокольню? Туда, где никого не было целых сорок лет!

На радостях мы с Виталькой обнялись, забарахтались и бухнулись с топчана. Хорошо, что на ковер.

Но, хлопнувшись, я засомневался:

— Клады под полом прячут. А нам в нижнюю часть не добраться, только наверх сможем. А наверху что?

— Наверху — часы. А может, скелет того пулеметчика.

Я поежился и спросил, на кой шут нам скелет.

— Мало ли на кой... Возьмем череп, вставим свечку, чтоб глаза горели, потом повесим у окошка Иван Иваныча Разикова. Знаешь, как он... развеселится!

Я представил себе «веселье» Иван Иваныча. И все-таки встречаться со скелетом, еще в сумерках, в таинственной башне почему-то не очень хотелось.

— Да нет никакого там скелета, — успокоил Виталька. — Если и был, то рассыпался, а кости вниз попадали... А пулемет, наверно, остался. Он сломан, наверно, а играть-то можно!

Конечно, настоящий пулемет для игры, пускай даже сломанный, — это вам не хуже любого клада! Не то что скелет...

Тут и спорить нечего!

И мы стали готовиться к поискам и приключениям.

Что нужно искателям клада? Мы вытащили из-под лежаков моток веревки, фонарики, ящик с нашим оружием.

Переодеться нам, конечно, и в голову не пришло. Я только снял испанку, чтобы не сбило ветром, а Виталька сдернул поясок, чтобы не зацепился где-нибудь. В новенькие белые гольфы я засунул оружие — как десантники суют его за голенища сапог. Слева — длинноствольный пластмассовый револьвер, справа — свой длинный нож из лезвия слесарной пилки.

Револьвер Виталька заставил меня убрать: заявил, что это игрушка, а мы на серьезное дело идем. А про нож сказал, что это хорошо.

Я и сам знал, что хорошо. Оплетенная изолентой рукоятка мужественно торчала у колена, а тонкое лезвие плотно прилегало к ноге и приятно холодило кожу. Это ощущение придавало силу и уверенность. Если даже скелет...

Мы стартовали с крыши незадолго до полуночи, когда тетя Валя уже крепко спала.

Колокольня на фоне ясной воды и неба темнела, как башня таинственного замка. В полукруглых проемах верхнего яруса четко рисовались уцелевшие колокола. Издалека они были похожи на колокольчики для удочек.

— Красиво, да? — сказал Виталька.

Я кивнул. Но тут же стало не до красоты: мы влетели в полосу холодного воздуха и моментально продрогли. Пришлось опять снижаться до крыш.

Наконец под нами мелькнула крытая железом стена монастыря, проплыла слева острая верхушка угловой башни с флюгером, и вплотную придвинулась к нам колокольня. Словно великан шагнул навстречу.

Мы повисли у стены колокольни метрах в десяти от земли. Весь день эта стена впитывала солнечные лучи, и теперь от нее веяло теплом, как от остывающей печи. Пахло нагретыми кирпичами, известкой и полынью с земли.

Мы стали медленно подниматься к верхнему ярусу. Стена заскользила вниз. Я приложил к ней ладошку, и кожу обожгло стремительным шероховатым движением.

Сверху надвинулся громадный циферблат часов, и мы остановились прямо в центре — у оси, на которую насажены были могучие медные стрелки. Минутная была почти с меня ростом. От стрелок знакомо пахло медью — так же, как от нашего телескопа, а от железного циферблата — ржавчиной.

Виталька смело перебрался с ковра на перила и сел на них верхом. Я последовал за ним.

— Вот это будильничек! — уважительным шепотом произнес Виталька.

Я кивнул и поднял ковер к верхнему краю циферблата.

Обе стрелки смотрели вверх. Минутная чуть-чуть не дошла до двенадцати, а часовая остановилась на единице. Снаряд с канонерки ударил около часа дня.

Я потрогал узорный наконечник минутной стрелки. Он был холодный. Медь, видимо, остывает быстрей железа.

— Цифрищи какие! — все тем же шепотом сказал Виталька.

Медные римские цифры были размером с большую книгу. Я хотел их тоже потрогать, но ковер плавно пошел вверх: Виталька повел его на колокольный ярус.

Мы остановились у арки, перегороженной перилами из метровых точеных столбиков и толстой балки. Высоко над перилами висел темный колокол, под которым запросто могли бы спрятаться я, Виталька, Ветка и Ветерок. Мне вдруг подумалось, что если крикнуть, голос разнесется под сводами, ударится о колокол и эхо пойдет над городом. От такой мысли сделалось почему-то жутковато.

Но, пока я размышлял об этом, Виталька смело перебрался с ковра на перила и сел на них верхом.

— Давай! — сказал он. — Я держу ковер.

Я тоже перебрался на балку. Она оказалась шершавая и колючая — того и гляди заработаешь занозу. Мы подтянули ковер, сложили пополам и повесили на перила.

— Ну вот, приехали, — сказал Виталька.

Он задрал свой вышитый подол, повозился и вытащил из кармана фонарик. Щелк...

— Смотри-ка, здесь пол!

У меня фонарик висел на шее, на шнурке. Я добавил света.

В самом деле, под нами был дощатый пол. Но какой! Он был в черных пробоинах: видимо, от осколков. А в середине площадки темнел провал, в котором торчали обугленные балки.

Взрослые говорили, что снаряд чиркнул о боковую стенку арки и взорвался среди колоколов. Два маленьких колокола выбросило на монастырский двор, а большой — тот, что висел под куполом, — сорвался и ухнул вниз, пробив перекрытия. А остальные жалобно погудели и остались висеть.

Я опасливо обшарил фонариком все углы, убедился, что скелета не видать, и приободрился.

— Здорово шарахнуло! — сказал я.

— Наверно, пулеметчика взрывной волной сбросило. И пулемет заодно, — огорченно откликнулся Виталька.

— Можно клад поискать, — неуверенно предложил я, хотя не представлял, где здесь может оказаться клад.

— Сперва разведаем, — решил Виталька.

Он храбро спустил ноги с перил и прыгнул на доски. Они чуть-чуть задрожали, но не провалились. Я тоже прыгнул.

Мы скатали ковер, уложили на пол у стены. Еще раз осмотрелись.

Здесь, на верхней площадке, искать было нечего. Самое интересное — это колокола. Но в колоколах клады не прячут, а разглядеть их мы всегда успеем.

Я на четвереньках подобрался к черному провалу и посветил вниз. Там было темно и пусто.

Я почувствовал себя неловко от того, что Виталька все время первый, а я вроде побаиваюсь. И храбро потребовал:

— Давай веревку! Спущусь.

Но Виталька ответил, что глупо лезть в такую дыру, когда рядом нормальный спуск.

В самом деле, у стены был небольшой квадратный люк с лесенкой.

Я все-таки опередил Витальку и торопливо спустил ноги на ступеньку.

Взрыв лесенку пощадил, и она даже не шаталась подо мной. Фонарик выхватил из тьмы половицы, и я смело прыгнул, хотя в животе у меня что-то ухнуло. Еще бы! Рядом чернел такой же провал, как на верхней площадке.

Виталька торопливо спустился за мной.

Здесь было все не так, как наверху. Глухо и таинственно. Только одно окошечко неясно светилось в толстенной стене. Отовсюду торчали треснувшие, поломанные и обугленные балки. Лучи наших фонариков заметались по этим балкам, кирпичным стенам, половицам, ступенькам. И вдруг...

Я не помню, кто из нас крикнул первый. Может быть, оба разом:

— Вот это да! Часы!

Точнее, это был механизм часов. Нагромождение зубчатых колес из темной, местами позеленевшей меди. Одни колеса размером с таз, другие — с тарелку, третьи — с блюдце...

— Смотри-ка, а они целые, только остановились! — сказал Виталька.

Сказал так, как говорят про большого доброго зверя: «Смотри-ка, он живой, только спит...»

— Наверно, тряхнуло взрывом, и что-нибудь отскочило, — заметил я.

— А что?

Мы внимательно и осторожно, как задремавшего слона, разглядывали старую медную машину.

Я неправильно сказал вначале: «Нагромождение колес». Это лишь в первый момент показалось, а на самом деле нагромождения не было. Были в механизме стройность и красота: зубчик к зубчику, валик к валику — все на месте, все точно.

Кажется, часы не пострадали от взрыва.

Дело вот в чем. На многих башнях циферблаты часов смотрят на четыре стороны. А на нашей колокольне был один циферблат — с запада. В давние времена монастырь построили к востоку от города и часы повернули к городу лицом: чтобы каждый мог их видеть. И чтобы на судах, идущих вверх по течению домой с дальнего моря, тоже издалека видели часы... Ну, а раз циферблат один, то и механизм стоял не посреди башни, а в стене — в глубокой нише. И тяжелый колокол, когда летел вниз, пробивая этажи, не затронул ни одну шестеренку.

— Давай залезем, — прошептал Виталька. — Поглядим хорошенько.

И стал пробираться к механизму.

Я за ним.

Темный провал, как назло, в этом месте подходил к самой нише, и добраться туда можно было только по наклонной балке — пыльной и слегка обугленной.

Витальке-то что! У него штаны черные — сажу не заметишь. Он подобрал подол, сел на балку, будто на гимнастического коня, и, упираясь руками, добрался до ниши.

Я же — в новом голубом костюме — сесть не мог. А тут еще эти белые гольфы, черт бы их побрал! А что делать?

Замирая от ужаса, я встал на балку. Она была широкая и не качалась, но все равно... Сам не помню, как я прошел над жуткой черной дырой. Я знал, что эта глубина — до нижнего этажа колокольни. Метров сорок! Хорошо, когда под тобой ковер-самолет, а когда просто так, то ноги слабеют.

Чуть живой, прыгнул я рядом с Виталькой. Он смотрел на меня с уважением. Я сразу возгордился: хоть и с перепугу, но все равно совершил геройство. А чтобы Виталька не подумал, будто хвастаюсь, я обыкновенным голосом спросил:

— Ну и что здесь интересного?

Мы очутились будто внутри великанских часов-ходиков. Медные шестерни и рычаги окружали нас. А прямо перед нами оказались два

зубчатых вала. Через них перекинуты были могучие цепи. Они уходили вниз — сквозь отверстия в кирпичной кладке.

— Как брашпили у папы на «Тобольске», — прошептал Виталька. И я тоже вспомнил якорные барабаны с цепями — они стояли на носу теплохода.

Я представил, как в глубине башни дремлют на цепях могучие чугунные гири — каждая по сто пудов. А если надоест им так просто висеть и они потянут цепь посильнее?

Мне стало жутковато и весело.

— Виталька! — страшным шепотом сказал я. — А вдруг эти часики ка-ак тикнут! А эти колесики ка-ак перемелют нас на пельмени...

— Не тикнут, — хладнокровно откликнулся Виталька. — Смотри, балка маятник держит.

Балка, по которой мы сюда забрались, острым обломанным концом влезла, оказывается, в нижнюю часть механизма. Она закрепила и наклонно держала железный брус. Под балкой, на конце бруса, виднелся медный диск, похожий на тарелку из духового оркестра.

— Вот почему они остановились... — задумчиво сказал Виталька.

И мы разом глянули друг на друга.

Потому что разом пришла в наши головы мысль: если убрать балку...

— А как? — спросил я.

— Отпилить ножовкой.

— Где ножовка?

— Где! Дома, конечно!

— Значит, лететь еще раз?

Виталька пожал плечами.

В самом деле, что мы, рассыплемся, если слетаем за ножовкой? Зато завтра утром проснутся люди, а над городом идут часы!

Долетели мы быстро, потому что не любовались луной и огнями. В доме стояла тишина, тетя Валя спала. Осторожно, чтобы не загреметь, Виталька выволок ящик с инструментами, достал пилу.

— Тупая... Ну, ничего, а который час?

Мы посмотрели на часы тети-Валиного дедушки. Была половина первого.

— Ого! — сказал Виталька, снял часы с гвоздика и опустил в карман, а цепочку пристегнул к поясу.

— Зачем они нам?

— На тех часах сколько? — спросил Виталька.

— На тех? Без пяти час... Или без трех...

— Ну вот! По этим сверим и без трех минут пустим. Только надо успеть. А если не успеем, как стрелки будем переводить? Ты знаешь?

Я не знал. Вручную, конечно, такие махины не повернешь: в механизме мы не разбирались.

Обратный полет был стремительным, и нас крепко прохватило ветром. Зато колокольня теперь показалась привычной и уютной. Она была уже знакома.

Мы опять пробрались к механизму. Надо было спешить, и, забыв об аккуратности, мы бесстрашно собирали на коленки и локти старую сажу, паутину, известку, кирпичную пыль и медную зелень — слои, по которым было бы можно потом прочитать все наши приключения.

Виталька сказал, чтобы я держал его за рубаху, и взял ножовку. Пила, и правда, была тупая, а дерево оказалось твердым. Виталька быстро взмок и стал говорить сердито и сипло. Я сменил его.

Дерево зажимало ножовку, приходилось дергать. Виталька сочувственно сопел надо мной и время от времени напоминал:

— Шесть минут осталось... Три.. Две минуты.

А я что? Разве я не работал? Я уже хотел сказать Витальке, чтобы он отправлялся в ту самую дыру, которая мрачно темнела перед нами. В этот миг балка хрустнула! Тяжесть маятника надавила на почти отпиленный конец, он отломился и с шумом полетел вниз, а там трохнул о плиты первого этажа. Гул пошел по башне.

Я отшатнулся, чтобы не загреметь вслед за обрубком.

И тут что-то звонко стукнуло над нашими головами. И еще раз!

Дзынь-бух! Дзынь-бух!

И пошло!

Это маятник ушел в сторону и медным крючком зацепил колесико, похожее на подсолнух с острыми лепестками. А «подсолнух» повернул другую шестерню.

— Ура... Тикают... — шепотом сказал Виталька.

— Ура! — гаркнул я.

— Ура!!! — заорали мы оба.

Мне очень хочется написать, что, испуганные нашим криком, взлетели стаи птиц, но правда есть правда: никто не взлетал. Птицы почему-то здесь не селились. Только эхо пошло по башне. Ну и пусть! Мы сами были как птицы! Как летучие волшебники! Мы оживили старые часы, и они весело грохали медными колесами, словно говорили спасибо.

— Почти точно пошли, — сказал Виталька, вытянув часы из кармана. — Смотри, без пяти час.

— Давай-ка домой, Виталька! Мы свое дело сделали.

Он хотел перебраться на балку и удивился:

— Эй, а ты чего меня держишь?

— Я?

— А кто? — Он хотел повернуться и не смог.

Я заглянул ему за спину.

Виталькина длинная рубашка попала в шестерни. Два зубчатых колеса, медленно поворачиваясь, «заглатывали» его вышитый подол.

— Рубаха... — слабым шепотом сказал я.

Виталька оглянулся через плечо и понял. Дернулся.

Попробуй вырвись!

Замирая от ужаса, я встал на балку. Сам не помню, как я прошел над жуткой черной дырой.

А колеса вращались не так уж медленно. Они все глубже затягивали острыми зубцами материю. Еще две-три минуты и подберутся к самому Витальке.

— Ну сделай что-нибудь! — отчаянно сказал Виталька и опять дернулся. — Рубашка-то новая!

Он еще о рубашке думал!

Я перепугался по-настоящему. И впервые в жизни почувствовал, как от страха крупно дрожат ноги. Сильно-сильно, будто под полом работает большой мотор.

Нельзя трусить! Чтобы унять эту дрожь, я сердито переступил и почувствовал, как у правого колена шевельнулась рукоятка ножа.

Как я мог забыть про него!

Выхватив кинжал, я одним махом отсек кусок Виталькиного подола.

— Ты что, псих? — жалобно взвыл он.

— Сам ты псих! Смотри!

Виталька посмотрел, как лоскуток уходит под острые зубцы, и вытер локтем вспотевший лоб.

— Да... Откусили часики... Ну ладно, зато идут.

— Летим, — сказал я.

В это время где-то среди колоколов бухнул и раскатился поразительно громкий удар. Мы даже присели. Я выпустил нож, и он улетел вниз.

— Бьют! — радостно и торжественно сказал Виталька. — Ай да мы!

Дома наша радость поубавилась.

— С рубахой что делать? — горестно спросил Виталька. — Полподола отрубил...

— Елки-палки, — сочувственно сказал я.

Сзади на рубашке был выхвачен кусок, будто за Виталькой охотилась акула.

Все-таки Виталька был крепкий человек. Он сначала помог мне согреть на плитке воду, чтобы выстирать перемазанные в саже белые гольфы, а потом уже отдался своему горю.

— Может, зашить как-нибудь? — спрашивал он и сам безнадежно отвечал: — Фиг зашьешь.

— А если складку сзади сделать? — предложил я, бултыхаясь в тазу. — Знаешь, как у гимнастерок!

— Ага, складку! — язвительно откликнулся он. — Какой складкой закроешь такую дырищу? Не мог уж поменьше кусок оттяпать!

— Поменьше не мог, — уверенно объяснил я, выплескивая в окно воду. — Еще чуть-чуть, и тебя бы перемололо.

— Завтра тетя Валя меня и так перемелет — не хуже часов, — обреченно сказал Виталька.

— Ну уж... Завтра утром что-нибудь придумаем.

Виталька вздохнул и развесил рубашку на спинке стула — так, чтобы не видно было отрезанного края.

Над городом разнесся удар часов: половина второго.

Глава тринадцатая

Утром ничего мы не придумали. Проспали. Тетя Валя не достучалась в потолок и пришла наверх.

От ее голоса и шагов мы проснулись. Сразу все вспомнили.

Виталька с размаху прыгнул в штаны, бодро крикнул «доброе утро» и постарался загородить стул с рубашкой.

Но излишнее усердие к добру не приводит: Виталька забыл вынуть из кармана часы. Карманы у него были протертые и ветхие. А часы тяжелые. Сейчас они окончательно продавили карман и скользнули вниз, повисли на пристегнутой к ремешку цепочке.

Цепочка была длинная, а штаны короткие, и часы заболтались ниже колена.

— Виталик! — удивилась тетя Валя. — Зачем ты носишь с собой дедушкины часы? Да еще таким странным образом! Это хотя и старая, но ценная вещь.

Виталька путано забормотал, что это «просто так, на минуточку...». Вообще-то он был хитроумный человек, но врать тете Вале не умел и не любил.

Я понял, что надо спешить на помощь.

— Мы, тетя Валя, хотели их сверить с теми, что на колокольне! Знаете, ночью мы сидим и вдруг слышим — часы бьют. Стояли, стояли и вдруг пошли! Интересно, да?

— Интересно... — озадаченно согласилась тетя Валя. — Однако я не понимаю.

В это время через открытые окна долетел до нас колокольный бой. Раз! Два! Три! Десять! (Ничего себе, поспали мы сегодня!)

— Удивительно, — сказала тетя Валя. — Я и не обратила внимания. Значит, городские часы отремонтированы...

— Мы хотели сбегать и проверить, — пробормотал Виталька. — Из окна-то не видно.

У тети Вали была, однако, привычка докапываться до самой сути.

— Зачем же вам видеть часы? Можно установить время по бою.

Виталька растерянно заморгал.

— А ведь бывает, что бой отстает, — вывернулся я. — Или наоборот. Как ваша кукушка. — Время — еще без пяти минут, а она уже выпрыгивает.

Тетя Валя любила умные объяснения.

— Ну-ну, — сказала она. — Только сначала позавтракайте, а потом ступайте. И берегите часы.

На улице Виталька загрустил:

— Что с рубашкой-то делать?

Я не знал. Спросил нерешительно:

— Может, не очень заругает?

— При чем тут «заругает»? Выспрашивать начнет, что да как получилось! И узнает, где мы ночью были. Все равно докопается — я ей

еще ни разу соврать не мог толком. А тебе, думаешь, она поверила про часы? Ха-ха...

— Давай, Виталька, признаемся, — сказал я.

Он покрутил головой и вздохнул:

— А ковер?

— Что «ковер»? Думаешь, отберет?

— Мы ведь обещали, что больше не будем с ковром приключений устраивать... Она не отберет, она добрая, сам знаешь. Только скажет, чтобы без ее присмотра никуда не летали. Потому что боится за нас. Или честное слово возьмет, что будем только во дворе летать. Вот тогда и покатайся!

Да, будущее нам казалось не очень радостным... Но день был солнечный, до вечера оставалась масса времени, и мы решили, что совсем падать духом пока не надо. А решив так, побежали к Ветерку. После нашего путешествия и приключений в старом доме мы его и Ветку еще не видели.

Ветерок и Ветка сидели на крыльце и чинили велосипед. Рама и переднее колесо были порядком покорежены.

— Все-таки испытывали, — укоризненно сказал я.

Ветка и Ветерок нам обрадовались. И наперебой рассказали, что их летучий велосипед удачно стартовал с бугра, но потом клюнул носом и врезался в кусты рябины. Ветерок после этого целый день хромал, а Ветка ходила с поцарапанным носом. Но это не беда, потому что они поняли, в чем ошибка. Они сделали крылья, но забыли про стабилизатор. В следующий раз не забудут.

Мы тоже рассказали о своих приключениях. Ветерок и Ветка огорчились, что их не было с нами, особенно на колокольне. Почему мы их не позвали?

— Дело было срочное, ночное, — объяснил Виталька. — Ничего, еще полетаем вместе... если все хорошо будет.

— Почему «если»? — встревожилась Ветка.

Виталька печально рассказал про рубашку.

Мы стали думать вчетвером, как помочь горю. Придумал Ветерок:

— А зачем тебе ее навыпуск носить? Спрячь подол в штаны, под ремень, даже лучше будет! А в цирк сходишь и уберешь подальше. А потом видно будет.

Виталька поскреб ногтем переносицу и задумчиво сказал:

— Идея...

Но эта идея пришлась не по вкусу тете Вале. Когда мы собрались в цирк, она воскликнула:

— Виталик! Что за вид! На подоле такая прекрасная вышивка. Она сделана по народным мотивам.

— Ну их, эти мотивы! — отмахнулся Виталька. — Мне без них лучше.

— Ты просто ничего не понимаешь. Это очень красиво. Ты не видел себя со стороны.

Виталька попытался спорить, но тетя Валя сказала:

— Виталий, ты совершенно невозможный человек.

Виталька торопливо вытащил из-под ремня рубаху, опустил голову и заложил за спину ладони, чтобы прикрыть обглоданный подол. Он сделался похож на виноватую девочку. Мне стало жаль его.

— Я буду тебя маскировать сзади, — прошептал я.

— Маскируй.

Мы двинулись в цирк, и тетя Валя по дороге несколько раз удивлялась, почему я не хочу идти рядом, а плетусь позади Витальки.

Все обошлось. Мы устроились на своих местах в четвертом ряду, Виталька прижался поясницей к спинке сиденья и понемногу успокоился.

Про представление рассказывать я не буду — это не относится к нашим приключениям. Скажу только, что в этот сезон выступал у нас Карандаш и было здорово. Мы с Виталькой так нахохотались, что забыли про опасность.

Но когда наступил антракт, вспомнили.

Тетя Валя сообщила, что останется на месте, а мы, если нам хочется, можем пойти в буфет за мороженым.

Нам хотелось. Виталька взял деньги и, пятясь, как французский придворный перед королевой, выбрался с ряда на лестницу. Я за ним. После этого мы «стройной колонной» — я в затылок Витальке — направились в буфет.

В буфете была порядочная давка и очередь. Нас плотно стиснули со всех сторон, и можно стало не бояться, что кто-то заметит обрезанный подол. Минут через десять мы пробились к продавцу, взяли три эскимо — по полторы штуки на каждого — и выбрались из толпы — помятые и взъерошенные.

В дальнем уголке мы уселись на корточки под шкафчиком с пожарным краном и не торопясь уплели все три порции.

Когда мы с сожалением облизывали голые палочки, кто-то незаметно подошел и встал сбоку от нас. Мы услышали вкрадчивый голос:

— Юноши, позвольте побеспокоить вас вопросом...

Рядом стоял темный крючконосый парень в узких сиреневых брючках, апельсиновых носках и цветной широченной рубахе с пальмами и мартышками — последний крик тогдашней моды, тоска и зависть всех пижонов.

Мы не любили стиляг. Мы поднялись. Виталька вздернул подол и независимо сунул руки в карманы. Я за неимением карманов по-наполеоновски сложил руки на груди, отставил ногу в скрипучей сандалии и спросил:

— А чего надо?

— Фу, какие невоспитанные дети! — добродушно сказал парень. И сразу посерьезнел: — Хорошо, значит, шутки в сторону. Имею до вас деловой разговор. Хотите знать, какой?

Мы хотели. Но не подали вида. Крючконосый снисходительно улыбнулся:

— Встречных вопросов нет? Тогда у меня вопрос. Пока единственный...

Он поочередно посверлил нас глазами и отчетливо произнес:

— Сеньоры, как вы проникли на колокольню?

Я до сих пор с гордостью вспоминаю, что мы с Виталькой не дрогнули, не моргнули. Но — ой-ей-ей! — как у меня захолодело внутри! Виталька потом говорил, что у него тоже.

— Молчите? — сказал Крючконосый. — Хвалю. Сдержанность — качество мужчин. Однако, чтобы не осложнять отношения, призываю вас к полной откровенности. А чтобы не было неясностей, позвольте предъявить вам «квитанцию».

И он вытащил на свет кусок Виталькиной рубахи.

Тот самый кусок! Помятый, со следами медной зелени, с вышивкой...

Мы смотрели на этот лоскуток, будто на дневник с записью: «Поведение — два!».

Крючконосый усмехнулся, перегнулся через Витальку, приподнял край рубахи и приложил к вырезу.

— Все в точку, — сказал он. — Так что же? Будем говорить?

Виталька переглотнул и сипловато, но храбро произнес:

— А почему мы с вами обязаны говорить?

— А! — сказал Крючконосый. — Я забыл объяснить! Разговор-то у нас не простой. Служебный.

Он выхватил из кармана красное удостоверение и, не открывая, помахал им перед нашими носами.

Мы подавленно молчали.

И вдруг прямо над нами загрохотал звонок. Мы вздрогнули.

— Ах, нервы-нервы! — сказал Крючконосый. — Наш беспокойный, суетливый век... Вы одни пришли в цирк?

— С тетей... — пробормотал Виталька.

— С тетей Валей, — сказал я.

— Не будем заставлять волноваться тетю, — решил Крючконосый. — Она ни в чем не повинна. Топайте к тете, а завтра увидимся. Здесь, у цирка, на скамейке слева от входа. В девять утра. Ясно?

— Ясно, — мрачно сказал Виталька.

Крючконосый тонко улыбнулся.

— Вот и хорошо! Сообразительный народ. Никому ни слова. Запомнили? И обратите внимание: как вас зовут и где живете, я не спрашиваю. Почему? Потому что доверяю. Ну а если не придете... Сами понимаете, у нас не столица, человека отыскать нетрудно. Поняли?

Мы поняли. Поэтому второе отделение с дрессировщицей Бугримовой и ее львами не доставило нам особой радости. И самое скверное было то, что при тете Вале мы не могли обсудить свалившуюся на нас беду. Сиди, молчи и мучайся.

Дома мы отказались от ужина и поскорее легли в постели, заявив, что очень устали.

Но было нам не до сна.

— Летали, летали и долетались... — сумрачно произнес Виталька. — Милиция — это не тетя Валя. Не отвертишься.

— А чего мы такого сделали? Нельзя, что ли, часы запустить? Это наоборот — польза для всех.

— Отберут ковер — тогда будет «польза»...

— А какое имеют право? Это наш ковер! Тетя Валя нам подарила, вот и все!

— Ну и что же — подарила? А летать мы имеем право? До шестнадцати лет даже на мотоцикле нельзя, не то что по воздуху...

— А мы не скажем про ковер.

— А что скажем? Как забрались?

— Как-нибудь... Снизу. Может, в башне лестницы сохранились. А если нет, тогда без лестниц, с веревками. Это взрослым трудно, а мы легкие...

— А до лестницы как добрались? Дверь-то заперта.

— Ну... ключ нашли.

— Ага, «нашли»! Сразу спросят, где он, этот ключ.

— Скажем, потеряли.

— «Нашли, потеряли...» Думаешь, они дураки? Спросят, какой ключ был.

— Ну и пусть! Придумаем. Большой такой... или...

— «Большой»! «Или»! Какой там замок на двери, знаешь? Не знаешь. Я тоже не знаю. Мы у двери-то и не были ни разу. А может, вообще замка нет, а просто дверь заколочена...

Виталька приподнялся на локте и решительно сказал:

— Надо лететь. Посмотрим, что там с дверью. — И грустно добавил: — Если врать, так уж надо, чтоб на правду походило.

Но мы не улетели. Тетя Валя долго не ложилась, ходила внизу, гремела посудой. Мы ждали, ждали и... разом заснули.

Глава четырнадцатая

Хочешь не хочешь, а утром пришлось идти на свидание с Крючконосым.

Виталька шел и ворчал, что милиции, наверно, нечего делать, раз она занимается старой колокольней. Лучше бы ловили жуликов, которые недавно обокрали промтоварный магазин и два киоска на рынке. Весь город про это говорит, а милиционеры, видать, и не почешутся...

Часы на колокольне ударили девять раз, но теперь эти звуки нас не радовали.

— Интересно, а как милиция до механизма добралась? — спросил я.

— Может, никто и не добирался...

— А лоскуток?

Виталька сердито сказал:

— Что «лоскуток»? Наверно, проскочил шестерню, а потом спланировал через все дыры до

— Опаздываете, граждане,— упрекнул Крючконосый.— Нехорошо...

самого низа... Не мог уж зацепиться где-нибудь...

Крючконосый ждал нас на скамейке. А рядом с ним был еще один парень. Тоже с длинным носом, но не с загнутым, а с прямым и очень тонким, будто его долго с двух сторон давили ладонями. Казалось, что этот нос просвечивает на солнце. А волосы у парня были белобрысые, редкие, и сквозь них виднелась розовая кожа.

— Опаздываете, граждане, — упрекнул Крючконосый. — Нехорошо... Ну, время — деньги, терять его не будем. Садитесь и рассказывайте все начистоту. Откровенность — благородное качество.

И тогда Виталька сделал неожиданное. Он встал перед Крючконосым и храбро сказал:

— Если вы из милиции, то, пожалуйста, покажите еще раз ваше удостоверение.

Крючконосый растерянно мигнул. Его приятель вдруг порозовел, а тонкий нос его покрылся мелкими капельками.

— Ты это... кончай, — негромко потребовал Белобрысый.

А Крючконосый вдруг добродушно засмеялся:

— Опытный народ... Молодцы! Только мы не из милиции. Мы из городского музея. Знаете? Я — младший научный сотрудник, а Федя — слесарь и монтер. Технический специалист широкого профиля.

Специалист почему-то вздохнул и ладонями стер с носа капли.

У нас отлегло от сердца. Музей — это все же не милиция.

— Меня, между прочим, Эдиком звать, — сообщил Крючконосый. — А вас?

Мы назвались.

— Дело-то вот какое, — объяснил Эдик. — Наш музей задумал отремонтировать колокольню и пустить часы. Сами понимаете — городская достопримечательность. А как внутрь попасть, никто не знает. Замок там старинный, ценный,

ломать жалко. А ключ потерян... Пока думали, гадали, часы-то пошли! Думаем, кто их починил? Что за герой нашелся? А вчера смотрю — этот юноша в рубашке, от которой лоскуток...

— Если вы ни разу в колокольне не были, откуда у вас лоскуток? — перебил Виталька.

Эдик опять засмеялся, даже головой замотал.

— Ну, ты даешь! Прямо следователь по особо сложным делам! Кто сказал, что мы не были? Вот он побывал! — И Эдик посмотрел на молчаливого Федю. — Когда часы пошли, он по наружной стене доверху добрался. Федя у нас верхолаз и разрядник по альпинизму.

Не похож был хлипкий белобрысый Федя на разрядника по альпинизму, ну да кто его знает...

— А теперь, сеньоры, давайте к делу, — сказал Эдик. Обнял нас за плечи и посадил рядом с собой. — Ключ принесли?

— Какой ключ? — глупо спросил я.

— Тьфу ты! — слегка рассердился Эдик. — От колокольни, конечно. Или вы пальцем замок отпирали?

— Ключом, — торопливо сказал Виталька и посмотрел на меня. — Мы его в кладовке у тети Вали нашли. У нее там всяких старых вещей просто уйма.

— Ключик-то придется отдать, — сообщил Эдик. — Сами понимаете, колокольня — это филиал музея, мы за нее отвечаем. А если там лазать будут да шеи себе сломают... Ну ладно, вы не обижайтесь, главное не в этом. Ключ для пользы дела нужен. Во-первых, ремонт. Во-вторых, часы-то заводить надо. Сколько они еще протянут? Цепь кончится, поднимать гири некому. Так?

Это верно. Это мы не подумали насчет цепей и гирь.

— Обидно, если часы остановятся... — задумчиво сказал Эдик.

А верхолаз Федя неожиданно добавил:

— Я это... больше не полезу. Чуть не загремел. И это... начальство ругается.

— Мы понимаем, — откликнулся Виталька. — Но ключа у нас нет. Потеряли.

Я испугался, что он запутается. И торопливо вмешался:

— Если по правде говорить, то даже не потеряли... Понимаете, там страшно было, в башне. Мы чуть не сорвались. И темно... Ну и... вдруг скелет пулеметчика где-нибудь... Мы часы пустили, а потом, когда внизу оказались, решили: больше лазить никогда не будем. И ключ выбросили.

— Куда выбросили?

Виталька опередил меня:

— На улице, в траву куда-то.

— А может, найдете?

Виталька пожал плечами.

— Темно было. Ну, может, найдем. Хотя вряд ли...

— Вы постарайтесь, братцы! — почти жалобно попросил Эдик. — Сами понимаете, ребята! Поищите не в службу, а в дружбу! Идет?

— Поищем, — сказал Виталька.

Я бросил на него сердитый взгляд.

— Если найдете, несите завтра сюда же, — сказал Эдик. — В это же время. Договорились?

Мы сказали, что договорились, и отправились домой.

— Здорово ты придумал про ключ! — с уважением сказал Виталька. — Правдоподобно. Я так врать никогда не научусь. Ты, наверно, писателем будешь.

Я ответил, что, во-первых, писатели не врут, а только фантазируют, а во-вторых, он, Виталька, дырявый мешок с опилками. Зачем сунулся? Надо было сказать, что бросили ключ в реку, — тогда и дело с концом.

— А вдруг найдем ключ? — сказал Виталька.

Я даже остановился.

— Где? Если его не было!

— Ну, какой-нибудь ключ. Вдруг подойдет к замку?

— Зачем?

— А часы? Все люди уже говорят: хорошо, что отремонтировали. Если остановятся, хорошо будет?

Верно. Про часы я не подумал. Но где взять ключ?

— Сначала надо замок посмотреть, — объяснил Виталька. — По скважине можно определить, какой примерно ключ нужен.

— Правильно!

Дорога до монастыря была не близкая, через весь город. Мы попробовали проехать на автобусе, но денег не было, и кондукторша турнула нас. Тогда мы выбрали самый короткий путь — берегом реки. Кое-где под сердитые вопли хозяек пришлось пересечь огороды, зато добрались быстро.

Мощеный монастырский двор был прогрет солнцем и пуст. Между камней торчали высокие травинки, и на них качались коричневые бабочки. Среди облупленных куполов заколоченного собора лениво летали два голубя.

Широкая тень от колокольни лежала на булыжниках, и мы, укрываясь от солнца, пошли по этой тени, как по дороге. Прямо к двери. Никого кругом не было. Мы раньше слышали, что в длинном монастырском здании расположены какие-то мастерские, но сейчас и оно выглядело пустым.

И все же оказалось, что мы не одни. Из-за угла дома вышла и направилась прямо к нам крупная собака. Серая и лохматая. Мы замерли. Кто знает, что у пса на уме?

Собака подошла, пристально посмотрела на нас, обнюхала Виталькины кеды и мои новые сандалии, потом зевнула и махнула хвостом. Отошла в сторонку.

— Вот умница! Понимает хороших людей, — сказал Виталька.

— А интересно, как там наша собака, в лесном доме? — вспомнил я.

— Я тоже про нее часто думаю, — отозвался Виталька. — Жалко ее...

Мы подошли к двери. Она оказалась сколоченной из крепких плах, а подвешена была на могучих чугунных петлях. Замок тоже был могучий. Не висячий, а врезной. Железная шестиугольная пластина с накладными узорами из меди, а посередине скважина — размером с мой мизинец.

— Ничего себе, какой ключик тут нужен! — со вздохом сказал Виталька.

Он пошарил в кармане, отыскал серебряную бумажку от эскимо, которое вчера мы ели в цирке, приложил к скважине и притер пальцем. На фольге остался отпечаток.

— Так легче будет ключ подбирать, — объяснил он.

— «Подбирать», — хмыкнул я. — А где?

Снова подошла собака, села рядом и добродушно смотрела на нас, будто интересовалась разговором.

Виталька открыл рот, чтобы сказать что-то. И в это время ударили часы! Бамм-бах! Баммбах! Десять раз...

Мы стояли и смотрели на циферблат, задрав головы. И собака смотрела.

Часы... Собака... Ключ.

— Виталька! А помнишь часы в том доме?

— Ну...

— Что висело вместе с гирей?

Виталька поморгал, поскреб переносицу, будто хотел отскоблить веснушки. И радостно заорал:

— Ключ!

— Ничего себе, какой ключик тут нужен! — сказал Виталька.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ю. ВАРШАВСКАЯ

«Я ЛЮБЛЮ ЖИЗНЬ И НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ»

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Его не сломить

14 сентября 1976 года Луису Корвалану, Генеральному секретарю Коммунистической партии Чили, исполняется шестьдесят лет. Он встречает свой день рождения в концентрационном лагере Трес-Аламос в маленькой одиночной камере без окон. Он, как и все заключенные, полураздет, его кормят впроголодь, подвергают пыткам и допросам. Луис Корвалан тяжело болен, и каждый день пребывания в заключении подрывает его здоровье.

Газета «Унзере цайт», орган Германской коммунистической партии, опубликовала интервью дочери Луиса Корвалана Вивианы. Ей удалось повидать отца в Трес-Аламос. Вот что она рассказала:

«Я хотела бы начать с состояния здоровья отца. Он страдает от нескольких заболеваний. В концентрационном лагере на острове Досон его заставляли изо дня в день переносить тяжелые мешки с песком, и на этой непосильной работе он повредил шейный позвонок.

С медицинским обслуживанием дело обстоит отвратительно. Тюремные власти запретили организациям Красного Креста оказывать медицинскую помощь заключенным.

Фашисты хотят подорвать здоровье Корвалана, сломить его сопротивление, растоптать человеческое достоинство.

Они объявили, что Корвалана будет судить военный трибунал. Какие только нелепые преступления не пытались ему приписать! И измену родине, и торговлю наркотиками, и финансовые махинации. Но это ни к чему не привело».

Через Вивиану Корвалан передал заявление. В нем говорится: **«Мы, обвиняемые, станем на судебном процессе обвинителями. Преступление совершили те, кто сверг правительство Альенде, избранное демократическим путем, а не мы, которые поддерживаем это правительство».**

Лучо

Жизнь Луиса Корвалана полна испытаний. Он родился в Пуэрто-Монте, маленьком городке на юге Чили. Мать его была крестьянкой, отец учителем. В семье Корвалана было пятеро детей. Заработка учителя еле хватало, чтобы прокормить большую семью. Детство Луиса прошло в городке Томе среди крестьян и рабочих. Он видел их тяжелую жизнь и еще мальчиком решил бороться за счастье простых людей. Луис с отличием окончил среднюю школу и поступил в педагогическое училище. В 1932 году, когда ему исполнилось шестнадцать лет, он вступил в ряды Коммунистической партии Чили.

Когда Корвалан стал учителем в городе Икике, он включился в революционную работу. Его исключили из школы, но не заставили отказаться от борьбы. Он стал редактором газеты «Эль-Сигло», центрального органа Коммунистической партии Чили.

Рабочие любят товарища Корвалана, ценят его ясный ум, смелость и доброту. Ему приходилось скрываться от преследований правительства, он вынужден был изменить свое настоящее имя. Его зовут «Корреа» или «Кондорито», ласково — «Лучо».

Во времена диктатуры Виделы Корвалана бросили в концлагерь Писагуа.

После выхода на свободу Корвалан снова возвратился к партийной работе. В 1958 году его избрали Генеральным секретарем Коммунистической партии Чили. Луис Корвалан работает по 14—16 часов в сутки, пишет статьи о том, как можно осуществить в Чили революцию мирным путем.

Трудная борьба

В 1970 году в стране должны были состояться президентские выборы. Коммунистическая и другие прогрессивные партии рабочего класса объединились, создали коалицию левых партий — Народное единство. На пост президента Народное единство выдвинуло Сальвадора Альенде.

Луис Корвалан.

Борьба за президентский пост была упорной. Чилийские капиталисты при поддержке Соединенных Штатов хотели сделать президентом одного из самых богатых людей Чили. Но рабочие и крестьяне, все чилийцы-демократы проголосовали за кандидата Народного единства. Сальвадор Альенде стал президентом Чили.

Правительство Народного единства передало большую часть земли крестьянам. Государство национализировало многие отрасли промышленности. Началось строительство жилых домов, школ, больниц.

Но все это пришлось не по вкусу крупным капиталистам и фашистам. Они стали поджигать запасы хлеба, срывали работу заводов, уничтожали склады, взрывали железные дороги. На президента Альенде было совершено несколько покушений.

Миллионы долларов на тайные операции против Чили пересылались из Соединенных Штатов Америки.

11 сентября 1973 года в стране произошел переворот: к власти пришла фашистская хунта во главе с генералом Пиночетом. В Чили наступили страшные, черные дни. На площадях запылали костры из книг. Были запрещены все политические партии. Стадионы, учреждения, казармы стали концлагерями. Начались массовые аресты. Они не прекращаются и сегодня.

Людей арестовывают на улице, дома, на работе.

Горе тому, кто осмелится выйти на улицу поздно вечером. Солдаты Пиночета стреляют без предупреждения в прохожих, которые кажутся им подозрительными. Концлагеря переполнены мужчинами, женщинами и детьми. Больше шестидесяти тысяч детей остались без родителей. Многие из них, страдая от голода, вынуждены просить милостыню или питаться отбросами.

После фашистского переворота товарищ Корвалан, как и все коммунисты, ушел в подполье. Рискуя жизнью, он организовывал сопротивление хунте. За голову Корвалана хунта объявила вознаграждение в полмиллиона эскудо.

Свободу Луису Корвалану!

Ищейки Пиночета выследили Корвалана и бросили в концентрационный лагерь на острове Досон, где дуют ледяные ветры Антарктиды. Потом фашисты перевели Корвалана в концентрационный лагерь Ритоке. Теперь он томится в одиночной камере в Трес-Аламос.

Хунта не оставляет в покое и семью Корвалана. Она арестовала его жену, потом, выпустив ее на свободу, установила за ней слежку. Чуть ли не каждый день солдаты Пиночета врываются в ее дом. Дочерей Корвалана исключили из школы и университета.

В прошлом году мы рассказывали в «Пионере» о сыне Луиса Корвалана Альберто. Пытки и издевательства чилийской хунты подорвали здоровье юноши, и он умер.

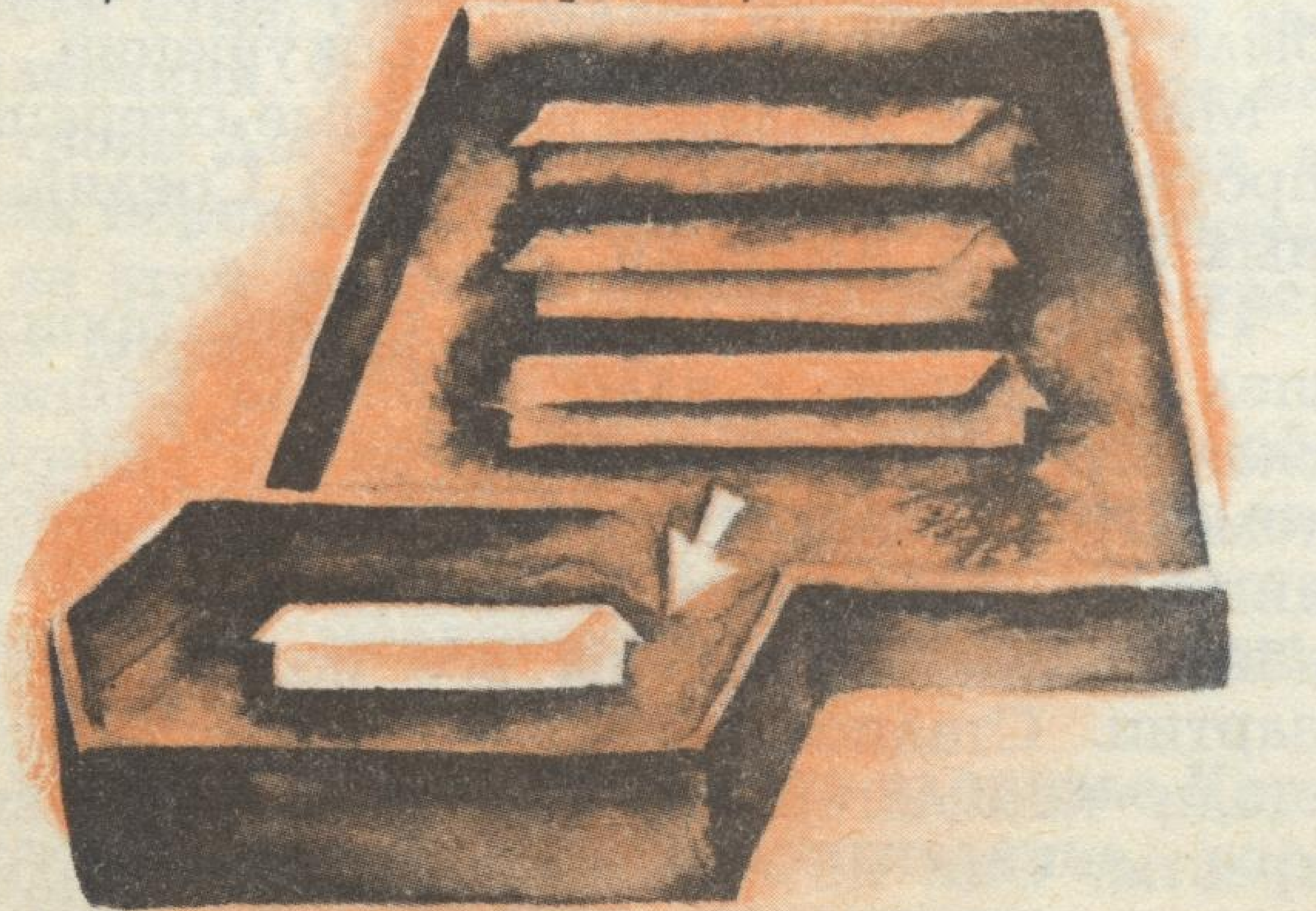
Но дух товарища Корвалана не сломлен. Патриот, сын своего народа, он и в застенках борется за счастье чилийских детей, за лучшее будущее Чили — без нищеты, безработицы.

Всем известны слова, которые он произнес через пятьдесят дней после своего ареста, пройдя сквозь страшные допросы и пытки:

«Я спокоен. Я люблю свободу и не боюсь тюрьмы. Я люблю жизнь и не боюсь смерти, если мне придется умереть за справедливое дело».

Во всех странах развертывается движение за спасение жизни Луиса Корвалана. Его освобождения требуют и все советские люди.

Это схема концентрационного лагеря Трес-Аламос. Стрелкой показана камера, в которой находится Луис Корвалан.

*

Артур Дудукчян, ученик 8-го класса Ереванской школы имени Мравяна, прислал в «Кораблик» свое стихотворение.

БАЛЛАДА О ЧИЛИ

Над Чили летят самолеты,
С ревом к дворцу летят.
Танки и минометы
Скоро заговорят.

Ватагою воробьиною
К Альенде ребята бегут,
Чтобы сказать президенту,
Что начался новый бунт.
Альенде сказал: «Спасибо»,
Сказал: «Спасибо, друзья,
На площади этой больше
Вам оставаться нельзя!»

Дворец превращен в пожарище,
Но президент и товарищи
Бьются в горящем дворце.
Погиб Альенде с оружием,
Живым не уйдя из дворца.
Погиб от руки кровавой
Убийцы, предателя, подлеца!
Слушайте, хунты кровавой тираны!
Народные муки, народные раны
Вам ни за что никогда не простят!
Если отцам отомстить не удастся,
Дети и внуки тогда отомстят!

Коммунисты Чили — Луис Корвалан и его товарищи — борются за то, чтобы вернуть этим малышам детство, отнятое хунтой...

Ирина Беньковская живет в Одессе, учится в 8-м классе. У Ирины есть много стихов, посвященных героям чилийского народа. Мы печатаем одно ее стихотворение — о том, как в городе-герое Волгограде музыканты из Чили исполняли песни национального героя Виктора Хары.

ПОЕТ АНСАМБЛЬ «КИЛАПАЙЮН»

Под поздним небом Волгограда
Был голос гневен, чист и юн.
В лучах неоновой эстрады
Поет ансамбль «Килапайюн».

Где память, как огонь, нетленна,
Где свежий ветер дальних гор,
Жил чистый звук индейской кены [1]
И стыл гитарный перебор.

Так что ж, певец, с тобою сталось?
И почему, летя с эстрад,
Такая боль, такая ярость
В твоей «Черагуа» [2] звенят?..

А на эстраде пели люди.
Они видали наяву,
Как он с насквозь пробитой грудью
Лежал в сожженном солнцем рву.

Как под нависшим знойным небом,
Познавшим горечи предел,
Глазами, темными от гнева,
Певец на смерть свою глядел.

Под поздним небом Волгограда
Не прячь ни слезы, ни печаль...
«Моя последняя эстрада,
Мой стадион «Насиональ»!»

[1] Кена — индейская флейта.
[2] Песня Виктора Хары.

...вернуть школы, детские сады и ясли, спасти от голода и нищеты.

Аксайцы

С. МАКЕЕВ

Рисунки
А. БОРИСОВА.

ПИОНЕРЫ

Как я давно заметил, все школьные звонки обладают одинаковым во все школах свойством: звонок на переменку — веселый, звонок на урок — серьезный, деловой. Словно токи разных зарядов приводят в движение электрический колокольчик.

С этим веселым звонком я вошел в двенадцатую школу города Ростова-на-Дону. Закончился последний урок.

Вообще-то я просил остаться после уроков только актив отряда имени Гагарина. Но постепенно собрался весь четвертый «Б»: кто на дежурство остался, кто портфель позабыл, кто сменную обувь оставил.

— А вы про нас в журнал писать будете? — спросили ребята.

— Обязательно, — говорю. И достаю блокнот.

— Нет, — говорят ребята, — вы про нас пока не пишите, а напишите лучше про наших вожатых с завода «Красный Аксай». А про нас потом, когда мы правофланговыми станем.

И ребята мне рассказали, что у их вожатых раньше все отряды были правофланговыми, и теперь четвертому «Б» обязательно нужно быть на правом фланге.

Валера Беляев, отрядный Тимур, говорит:

— У наших вожатых такой цех зеленый, везде горшки с цветами. Теперь и у нас, смотрите, сколько зелени...

А Лена Горелова перебивает:

— Да мы теперь сами вожатыми стали — ходим в первый «Б»! Книжки читаем, сказки рассказываем, игры и танцы разучиваем. На новогодней елке наши первоклашки лучше всех выступали!

— Мы и раньше металлолом, макулатуру собирали, книги для подшефной школы, — говорит Саша Лозовой, председатель совета отряда. — Только не знали, зачем это нужно. А вожатые рассказали, как из металлолома новые машины делают, а из старой бумаги — книжки и тетради. А еще у нас соревнование между звеньями, как на заводе, — там бригады между собой соревнуются. Нам вожатые вымпелы принесли, мы их победившему звену вручаем. Главное, мы друг перед другом отчитываемся: мы перед вожатыми, и они перед нами. В двадцать седьмом цехе есть наш отрядный уголок, мы там про все отрядные дела пишем: что учимся без отстающих, про наш пост «Всеобуч», про поиск материалов для альбома «История 27-го цеха».

КОМСОМОЛЬЦЫ

Двадцать седьмой цех, инструментальный, оказался точно таким, каким мне его описали ребята: просторный зал, у каждого станка — горшки с цветами. Окна такие большие, что вся стена кажется стеклянной. Ну просто оранжерея, а не цех.

«А вот наш школьный участок», — говорят мне и показывают на два ряда станков, за которыми молодые рабочие в спецовках, беретах и защитных очках уверенно вытачивают детали. Вот уж никогда бы не принял их за школьников!

— В девятом и десятом классах все ребята двенадцатой школы ходят к нам на практику два раза в неделю, — рассказывает Анатолий Гармаш, секретарь цехового комитета комсомола, — а летом, в июне — июле, работают по сменам полностью, как взрослые. Получают второй и третий разряды по специальностям токаря или фрезеровщика. Но ведь просто так человека к станку не поставишь. И мы решили профориен-

тацию с нашими пионерами начинать уже сейчас, в четвертом классе.

— Это вожатые — ребятам. А ребята помогают чем-нибудь заводу? — спрашиваю я.

— А как же! Во время практики они не только учатся работать, но и помогают заводу: делают резцы для скоростного фрезерования, стержни, втулки. До 25 тысяч деталей, а это примерно 6—8 процентов годового плана. За один только летний месяц до шести тысяч резцов дают, этого заводу на три месяца вперед хватает... После школы ребята приходят на завод не беспомощными, а подготовленными к современному производству рабочими. Из 76 выпускников прошлого года к нам пришли 37 человек. Работает, например, в нашем цехе Таня Афанасенко. Окончила школу два года назад с золотой медалью, пришла к нам фрезеровщицей. Конечно, не раз бывала здесь с вожатыми, прошла практику на школьном участке. Сейчас работает и учится во втузе...

Молодой рабочий Саша Букреев — это и есть самый главный вожатый в цехе. Цех большой, поэтому всегда выбирают ответственного за всю вожатскую работу.

— Я сам не так давно школу окончил, — говорит Саша. — Пробовал в институт поступить — не вышло. Сейчас работаю и учусь. Кстати, пока в школе учился, ни разу вожатым не был. А теперь жалею — пригодилось бы. Очень нужное это дело: и для пионеров и для нас, вожатых. С тех пор, как первый раз пришел к ребятам, другими глазами на себя, на работу свою смотрю. Иной раз думаешь: «А что бы ребята сказали? А как бы они к этому отнеслись?» А иначе нельзя, если к мнению твоему прислушиваются, слову твоему верят...

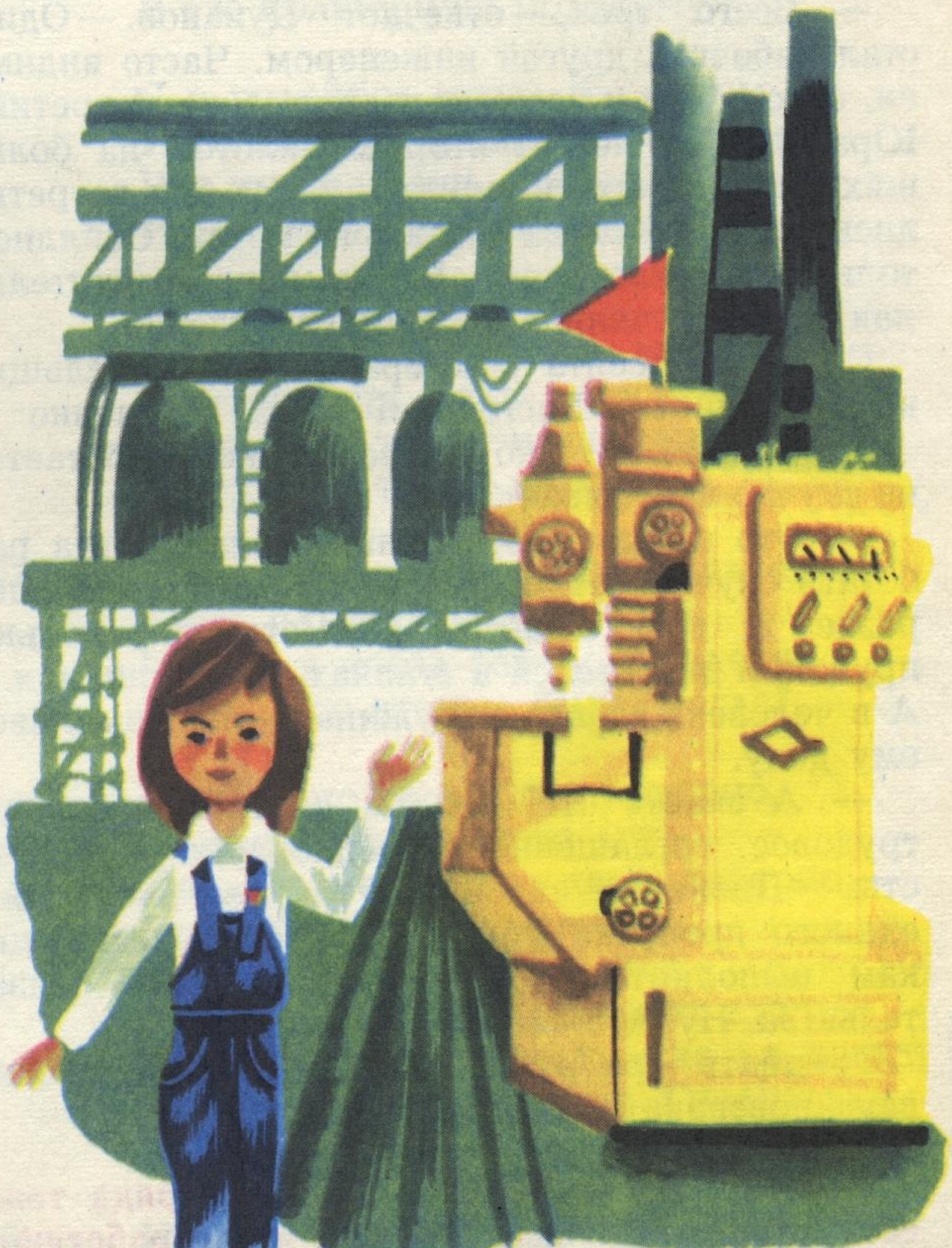
КОММУНИСТЫ

В заводской библиотеке мне выдали толстенную папку — брошюры, вырезки из газет, машинописные листы — вся история завода «Красный Аксай» имени Фрунзе.

Начинался завод с маленькой кузнечной мастерской в станице Аксайской. В 1899 году Донской комитет РСДРП организовал на заводе акционерного общества «Аксай» подпольный марксистский кружок. Великую Октябрьскую социалистическую революцию аксайские рабочие встретили с оружием в руках, в рядах Красной гвардии. Сражались с Калединым, отстаивали Ростов. А когда белогвардейцы захватили город, большевики-аксайцы ушли в подполье. В 1920 году Красная Армия освободила Ростов. Завод был национализирован, его назвали «Красный Аксай». Здесь выпущен первый советский трактор, первый советский комбайн. Потом завод стал выпускать культиваторы для обработки полей. Аксайскому культиватору КПС-4 присвоен государственный Знак качества...

История «Аксая» — это судьба всех тех, кто связал свою жизнь с заводом, разделил с ним все испытания времени. И есть в ней еще одна славная страница — о дружбе коммунистов и комсомольцев «Аксая» с пионерами. Об этом я услышал на сборе «Берем с коммунистов пример!», который пионеры отряда имени Ю. А. Гагарина проводили у своих вожатых, в красном уголке двадцать седьмого цеха.

Рассказывает коммунист Вадим Васильевич Павленко, мастер школьного участка:

— Было это, по-вашему, давно, а по-моему, совсем недавно, в 1957 году. Завод, партийная и комсомольская организации направляли вожатых-производственников из цехов в пионерские отряды двенадцатой школы. Пришел я в четвертый «Б», а ребята на меня смотрят, вот как вы сейчас: «Что это за Вадим Павленко? О чем он нам расскажет? Чему научит?» И я рассказал им о заводе, о замечательных людях, которые со мной работают. Завод я свой очень люблю, и больше всего мне хотелось, чтобы и ребята завод, рабочую профессию полюбили. Стали пионеры приходить к нам в цех. Бывало, звонят из проходной: «Павленко, твои пришли!» От этого слова «твои» тепло на душе делалось. Они действительно стали своими людьми на заводе: собирали тут металлолом, в четвертом цехе организовали школьное почтовое отделение. А у нас в цехе на модельном участке поставили верстаки и в весенние каникулы делали скворечники. Вот тогда появилась мысль о создании учебно-производственной практики. А я стал мастером на школьном участке. С тех пор прошло через этот участок почти полторы тысячи ребят. Многие остались на заводе, в цехе, некоторые пошли на «Ростсельмаш». Но мы им не только профессию дали, мы им направление в жизни дали. А направление это — рабочий, — по-моему, самое верное!

У коммуниста Петра Васильевича Цуканова, разметчика 27-го цеха, ребята спросили:

— А у вас ученики были, Петр Васильевич?

— Всего трое, — отвечает Цуканов. — Один стал рабочим, другой инженером. Часто видимся, отношения у нас самые дружеские. А третий, Юра Егоров, летает вторым пилотом на больших реактивных самолетах. Когда мы встретились, долго ни слова сказать не могли. Обнялись только, расцеловались. Видно, первого учителя, как первого ученика, не скоро забудешь!

Спросили ребята у ветерана цеха, модельщика, коммуниста Василия Фомича Шевченко:

— Вот вы сколько лет за станком работаете, не скучно вам бывает?

— Это когда работа неинтересная, тогда работать скучно. А если работу свою любишь, разве ж соскучишься? Посмотрите, сколько пружин и двигателей в станках, в механизмах... А в человеке главная пружина — любовь к своему делу.

— А знаете что, ребята, давайте заключим трудовое соглашение, — предложили коммунисты. — Пионерам закончить год без двоек, без единого пропуска уроков, а инструментальщикам выполнить свои социалистические обязательства. Ну, кто «за»?

Тридцать три руки взлетели кверху, многие даже повскакали с мест: единогласно!

Ребята! Может быть, у вашего отряда тоже есть старшие друзья? Кто они и где работают? Расскажите, что сделали для вас ваши шефы и вожатые и чем вы помогаете им?

УДИВИТЕЛЬНАЯ

Сергей НАРОВЧАТОВ

Удивительная судьба у Сергея Чекмарева! Двадцати трех лет он трагически погиб, чтобы спустя двадцать два года воскреснуть и никогда уже не умирать. Тетради с его стихами и письмами, сохраненные его близкими, открыли нам Человека с большой буквы, поэта и гражданина.

Сергей Чекмарев был комсомольцем, учился в сельскохозяйственном институте и, окончив его, поехал работать в башкирский совхоз зоотехником. Здесь и оборвалась его жизнь. Неизвестно, что было тому виной — перевернувшаяся ли повозка, вражеская ли рука. Так или иначе, он погиб на боевом посту...

В невероятно трудных условиях приходилось ему жить и работать. Ножом и пулей грозили ему кулаки. Порой с недоверием встречали его вчерашние единоличники. Но таким смелым и напористым ребятам, как Чекмарев, все эти трудности только прибавляли энергии. Работая агрономами, зоотехниками, учителями, они брались еще за сотню дел, и на все их хватало. Боролись с кулацким охвостьем, активно участвовали в посевной и уборочной и еще в десятках других кампаний, ликвидировали неграмотность, разъясняли смысл революционных нововведений — словом и делом воевали они за утверждение колхозного строя.

Сергей Чекмарев свои поступки соразмерял с деяниями эпохи, и ее пульс, ее живое дыхание чувствуются в каждой его строке. Он жил поэзией, и поэзия жила им: все жизненные явления поэтизируются Чекмаревым, и одновременно сама жизнь наполняет и насыщает его стихи.

Ищущий и беспокойный, настойчивый и целеустремленный, он надолго вперед загадывал свою жизнь. «Сперва я хочу жить, а потом уже писать о жизни»,—

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

СУДЬБА ПОЭТА

так программировал он свое настоящее и будущее. Но случилось так, что его настоящее и стало его будущим. Стихи, написанные им «для себя», стали стихами «для всех».

Вторую половину своей жизни Сергей Чекмарев, ныне лауреат премии Ленинского комсомола, живет с нами. Товарищ среди товарищей, друг среди друзей, комсомолец первой пятилетки!

*

Сергей ЧЕКМАРЕВ

Размышления на станции Карталы

...И вот, промчав сквозь
овраги и горы,
Разгоняя ночей тоску,
Останавливается скорый —
Из Магнитогорска в Москву.

Мне ведь не холодно и не было —
Они уезжают, ну и пусть!
Отчего же в душе невольно
Начинает сгущаться грусть?

Поезд стоит усталый, рыжий,
Напоминающий лису.
Я подхожу к нему поближе,
Прямо к самому колесу.

Я говорю ему: — Как здоровье?
Здравствуй, товарищ паровоз!
Я заплатил бы своею кровью
Сколько следует за провоз.

Я говорю ему: — Послушай
И пойми, товарищ состав!
У меня болят от мороза уши,
Ноет от холода каждый сустав.

Послушай, друг, мне уже надоело
Ездить по степи вперед-назад,
Чтобы мне вьюга щеки ела,
Ветер выхлестывал глаза.

Жить зимою и летом в стаде,
За каждую телку отвечать.
В конце концов всего не наладить,
Всех буранов не перекричать.

Мне глаза залепила вьюга,
Мне надоело жить в грязи.
И как товарища, как друга,
Я прошу тебя: отвези!

Ты отвези меня в ту столицу,
О которой весь мир говорит,
Где электричеством жизнь струится,
Сотнями тысяч огней горит.

Возьми с собой, и в эту субботу
Меня уже встретит московский перрон,
И разве я не найду работу
Где-нибудь в тресте скрипеть пером?

Я не вставал бы утром рано,
Я прочитал бы книжек тьму,
А вечером шел бы в зал с экраном,
В его волшебную полутьму.

Я в волейбол играл бы летом
И только бы песни пел, как чиж...
Что ты скажешь, состав, на это?
Неужели ты промолчишь?

Что? Ты распахиваешь двери!
Но, товарищ, ведь я шучу!
Я уехать с тобой не намерен,
Я уехать с тобой не хочу.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я залезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно,—
Это я без нее не могу.

У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят
Покинуть степи, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят.

Ну, так что же! Ведь мы не на юге.
Холод, злися! Буран, крути!
Все равно сквозь завесу вьюги
Я разгляжу свои пути.

Рисунки А. ГРИШИНА.

ОПЕРАЦИЮ «ЗВЕЗДА ГАЙДАРА» ВЫПОЛНЯЕМ!

ОБСУДИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТИМУРОВЦЕВ ХАРЬКОВА И ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА ЗПТ ВКЛЮЧИЛИСЬ В ОПЕРАЦИЮ «ЗВЕЗДА ГАЙДАРА» ТЧК ПОДГОТОВИЛИ К ОТПРАВКЕ БИБЛИОТЕЧКУ ДЛЯ ПИОНЕРОВ БАМОВСКОГО ПОСЕЛКА ЗВЕЗДНЫЙ ТЧК ТИМУРОВЦЫ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА № 7 ГОРОДА ДНЕПРОПЕТРОВСКА

НА ЗАСЕДАНИИ ШТАБА ГАЙДАРА СОСТАВИЛИ ПЛАН УЧАСТИЯ В ОПЕРАЦИИ «ЗВЕЗДА ГАЙДАРА» ТЧК СОБРАЛИ ДЛЯ РЕБЯТ ЗПТ ЖИВУЩИХ НА БАМЕ ЗПТ КНИГИ И ИГРУШКИ ЗПТ 10 ТОНН МЕТАЛЛОЛОМА ДЛЯ РЕЛЬСОВ БАМА ТЧК ПЕРЕПИСЫВАЕМСЯ С ПИОНЕРСКИМИ ДРУЖИНАМИ БАМА ТЧК ДЛЯ ДРУЖИНЫ В УРГАЛЕ ЗПТ КОТОРАЯ БОРЕТСЯ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ЕЙ ИМЕНИ ГАЙДАРА ЗПТ ГОТОВИМ МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ ТЧК ШТАБ ГАЙДАРА КИНЕЛЬСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТИМУРОВСКОЙ КОМАНДЫ

Я и мои подруги давно мечтали помогать старым и одиноким людям, семьям участников войны, живущим в нашем селе. Этим летом мы создали тимуровскую команду, чтобы все делать сообща. Сперва нас было десять человек, а потом все мальчишки и девчонки захотели стать тимуровцами. Мы собрались на школьном дворе, вынесли парту и поставили ее под тополем — это был наш штаб. Тут же составили план действий, выбрали командира и разведчиков. Часть ребят сразу отправилась на почту. Другие пошли в семьи тех, кому нужна была помощь: накололи дров, натаскали воды. В это время наши разведчики вернулись с заданием колхоза: нас просили помочь на заготовке сена. Мы ворошили сено, сметывали его в стожки, работали до захода солнца... А вечером, недолго думая, мы собрались, приоделись и отправились в соседний пионерский лагерь в гости. Ребята из лагеря нас встретили очень дружелюбно. Мы тут же — кто как умел — выступили перед новыми друзьями. И они в долгу не остались — такой концерт нам дали!.. Возвращаясь домой, пели песни, уже полюбившиеся нам. Неохотно прощались у калиток наших домов. Но было приятно думать, что завтра утром мы снова встретимся в штабе — на школьном дворе под тополем.

Таня Шило,
село Половинное,
Новосибирская область.

СУДИТЕ САМИ

Снова встретились на страницах «боевого листка» два очень разных письма. Вот они:

«Мы хотели организовать тимуровскую команду. Но сперва нам нужно построить хоть какой-нибудь штаб. Ребята согласны стать тимуровцами, но только если будет штаб. Ведь у Тимура и его команды штаб был».

Тимуровцы
деревни Киберли,
Чувашская АССР.

«В нашей команде все не так, как в книге Гайдара. Все тимуровцы у нас — девочки, а мальчиков только двое. И Тимур — девочка, Света Елизарова. Она честная и справедливая. Все мы чем можем помогаем односельчанам и нашему колхозу. Трудностей, конечно, много — вот штаба настоящего нет. Зато есть флаг (ничего, что он ситцевый, правда?)! И когда очень трудно, мы поднимаем его высоко над головой, и все трудности становятся нипочем!»

Тимуровцы
села Дубровное,
Курганской области.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

ОТ ШТАБА. Здорово, когда есть штаб, где можно собраться и обсудить свои дела... Но тимуровских дел у ребят из деревни Киберли пока что нет, как нет и самой команды (хотя подписали они письмо «тимуровцы»).

У команды из села Дубровное тоже нет штаба. Но есть другое, гораздо более ценное — дела тимуровские, стремление приносить людям пользу и флаг, с которым легче бороться с трудностями.

Важно не только оборудовать штаб, «как у Тимура», а выстроить себя такими, как Тимур, Гейка, Женя, стать настоящими тимуровцами.

Переменка!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Знаете, что больше всего радует тех, кто участвует в «Переменках» «Пионера»? ВАШИ ПИСЬМА! Мы их получили несколько сотен. Из них в 247 вы пишете, что хотите стать постоянными корреспондентами «Переменки». Писем, в которых вы доказываете, что чувство юмора у вас есть,— 188 с половиной. (Почему «с половиной»? Одно письмо вызвало спор: есть у его автора чувство юмора или нет.) И, наконец, есть письма, где чувство юмора авторов неоспоримо. Да здравствуют эти 9 писем! В них ребята подсмеиваются над собой. Именно умением относиться к себе самому с иронией отличались лучшие писатели-юмористы во все времена.

Итак, наша первая «Переменка» начинается с улыбок, которые вы нам прислали по почте.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Швабрин такой плохой человек, что не все возьмутся его описывать».

«Сад был большой, колхозный и вишневый».

«В душе у него все пело, и изредка слышалась музыка мазурки».

«Илья Муромец победил стоглавого змея, отрубил ему головы и, сложив их в целлофановый мешок, отправился в столицу».

«Кабаниха — злая, острая ханжа».

«Германский император послал Яну Гусу телеграмму, что тот может быть в безопасности».

Большая часть смешных историй, которые вы присылаете в «Переменку»,— это диалоги из школьной жизни. Мы посовещались и решили: объявить конкурс НЕВЫДУМАННОГО ДИАЛОГА. Имена победителей мы объявим в 5-м номере журнала за 1977 год. Наградой победителям будут книги писателей-юмористов с автографами авторов или переводчиков. Жюри конкурса предупреждает: не забывайте указывать имя, фамилию и свой адрес! Участвуйте в конкурсе НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ!

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Мы учим, что такое обобщающие слова. Учительница спрашивает:

— Поэты, прозаики, драматурги — кто это?

— Писатели,— отвечает кто-то.

— Ямб, хорей, дактиль?

— Пресмыкающиеся! — спешит с ответом Саша.

А. Ильницкая, г. Запорожье.

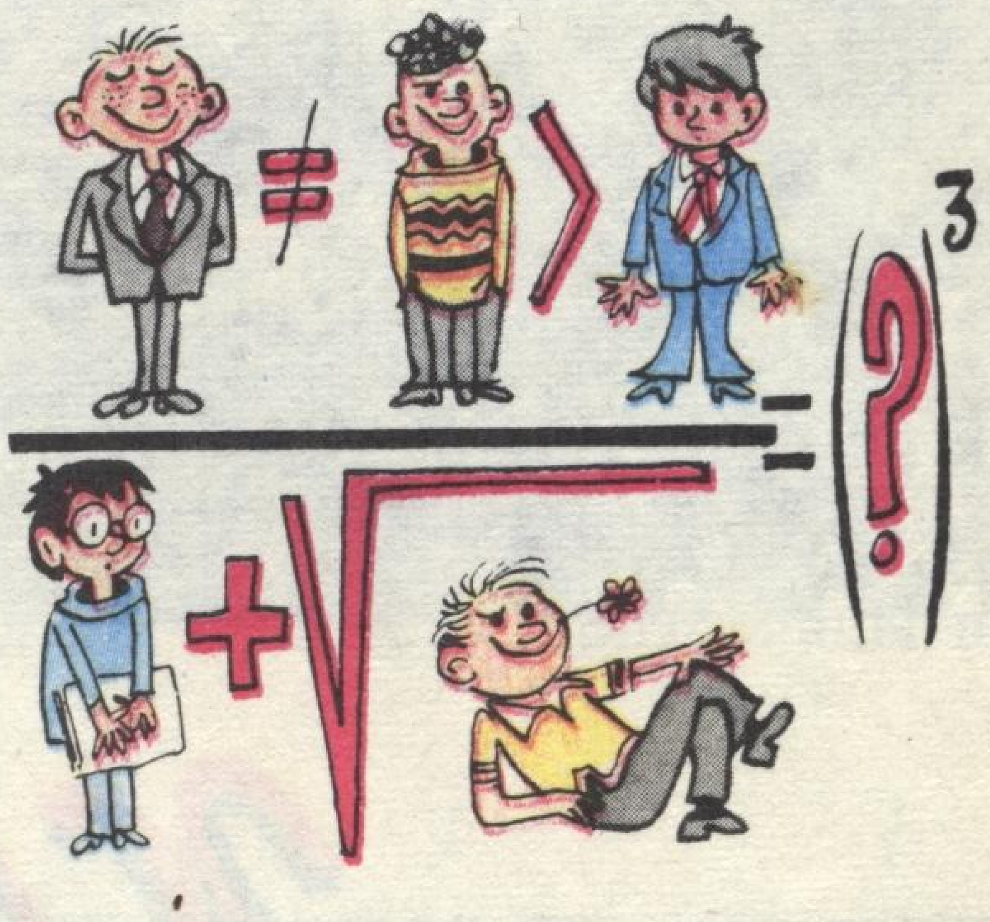
НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Проходим тему «Молекулы». Учительница спрашивает:

— Почему в цистерну нельзя доверху наливать молоко?

— Потому что при высокой температуре молекулы начнут выпрыгивать из цистерны.

Оля Якуба, 6-й класс, г. Гуково, Ростовская обл.

ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ — ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ!

«Мне очень нравится одна песня. Она поется так: та-ра-рам, там-та-там... Как она поется на самом деле?»

Игорь С., г. Челябинск.

*

— На самом деле, Игорь, она поется так: ла-ла-ля-ла, пам-па-па-пам и так далее.

*

«В этом году я подружилась с мальчиком, которому нравится совсем другая, а он ей ни капельки. Что нам делать?»

Света Р., г. Тамбов.

*

— Значит, так. Если той другой нравится мальчик не тот, который нравится тебе, а тот, которому нравится совсем не та, то мальчик, которому нравится та другая, должен дружить не с ней, а с другой, той самой, которая нравится мальчику, который нравится тебе. Тогда все будет в порядке. Если, конечно, той другой не понравится этот третий.

*

Веселые ответы на не слишком веселые вопросы вам давали Олег СТАШКЕВИЧ и Ярослав ХАРЕЧКО, рассчитывая исключительно на ваше чувство юмора.

С этим этюдником Пластов не расставался никогда. И в трудные годы становления и во время всеобщего признания, когда он стал академиком и народным художником СССР...

Дар художника

С. САХАРОВА

Был ли ты, читатель, когда-нибудь на выставке живописных картин? Неважно, в большом ли столичном музее или в маленьком сельском клубе. Попробуй мысленно вернуться к увиденному там, вспомни, чем тебя обрадовали или опечалили картины, чем заставили восхищаться, что подарили тебе, твоей памяти художники, создавшие картины.

Я не оговорилась. Подарили. Любой художник, известный всему миру или только своим друзьям, пишет картины не для себя. Он не может не писать — ему дана способность выражать свое отношение к миру при помощи красок, и он это делает. Художник воплощает в картине свои мысли, делится своими радостями и печалями. Радости эти или печали заставляют его прибегать к тем или иным краскам, создавать картину светлого или сумрачного колорита. Художник вводит зрителя в свой мир, передает зрителю свое состояние, как бы беседует с ним.

Если картина действительно, как говорят, «запала в душу», то она с человеком в его памяти пройдет через всю жизнь и в какие-то важные минуты решений собеседник-художник подскажет собеседнику-зрителю верный путь...

Весной этого года мне посчастливилось, как и многим тысячам москвичей, быть на выставке Аркадия Александровича Пластова. Если ты, читатель, был в Москве в Центральном выставочном зале, где обычно устраивают Всесоюзные художественные выставки, то, конечно, вспомнишь, как обширно это здание: в нем могли бы поместиться не меньше десяти школьных спортивных залов. И вот две трети этой огромной площади заняли картины одного художника.

Ребятам выпала завидная судьба жить в деревне Прислонихе, рядом с Пластовым.

Знаешь, что такое полное собрание сочинений писателя? В пятнадцати, двадцати томах собирают все, что было написано этим писателем: опубликованное и неопубликованное, романы и повести, черновые заметки, варианты, планы ненаписанного. Так и эта выставка была полным собранием картин Аркадия Александровича Пластова.

Из различных музеев страны, из лучших собраний русской живописи: московской Третьяковской галереи и ленинградского Русского музея — привезли в этот обширный зал произве-

Возвращаясь с этюдов. Пластов приносил цветы: ромашки с жаркого луга, колокольчики из лесной глуши, незабудки с болота. Наливал холодной колодезной воды в глиняный кувшин и писал, стремясь передать их красоту.

дения художника: портреты, жанровые картины, пейзажи, натюрморты, наброски, иллюстрации к книгам Л. Толстого, А. Чехова, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Н. Кольцова, эскизы к картинам, этюды — все, что художник создал в зрелом возрасте. К сожалению, ранние его произведения погибли в 1931 году во время пожара.

Считают, раз художник человек исключительный, то и выглядеть он должен исключительно: то ли кудри до плеч, то ли театральный плащ до полу. А Пластов был простой, общительный, открытый. В обычной одежде, удобной, чтобы ходить по лесам и полям в ясные дни и в непогоду, с неизменным этюдником, прочно висящим на ремне, перекинутом через плечо. Иногда вместо этюдника — деревянного ящика, в котором находили себе место и картонки для этюдов, и кисти, и краски в тусклых тубах, — он брал обыкновенный военный планшет, в котором помещались только небольшой альбом и черные и цветные карандаши.

Пластов почти всю жизнь прожил в деревне Прислонихе, недалеко от Ульяновска. Там, в деревне, он был своим человеком по мыслям, по образу жизни, по привычкам. Он любил землю, ощущал себя частицей народа, хотя сам не пахал, не растил хлеб, а писал красками. Писал много. Работал, как работает пахарь в страдную пору, — от зари до зари. Он любил Родину и был ее певцом.

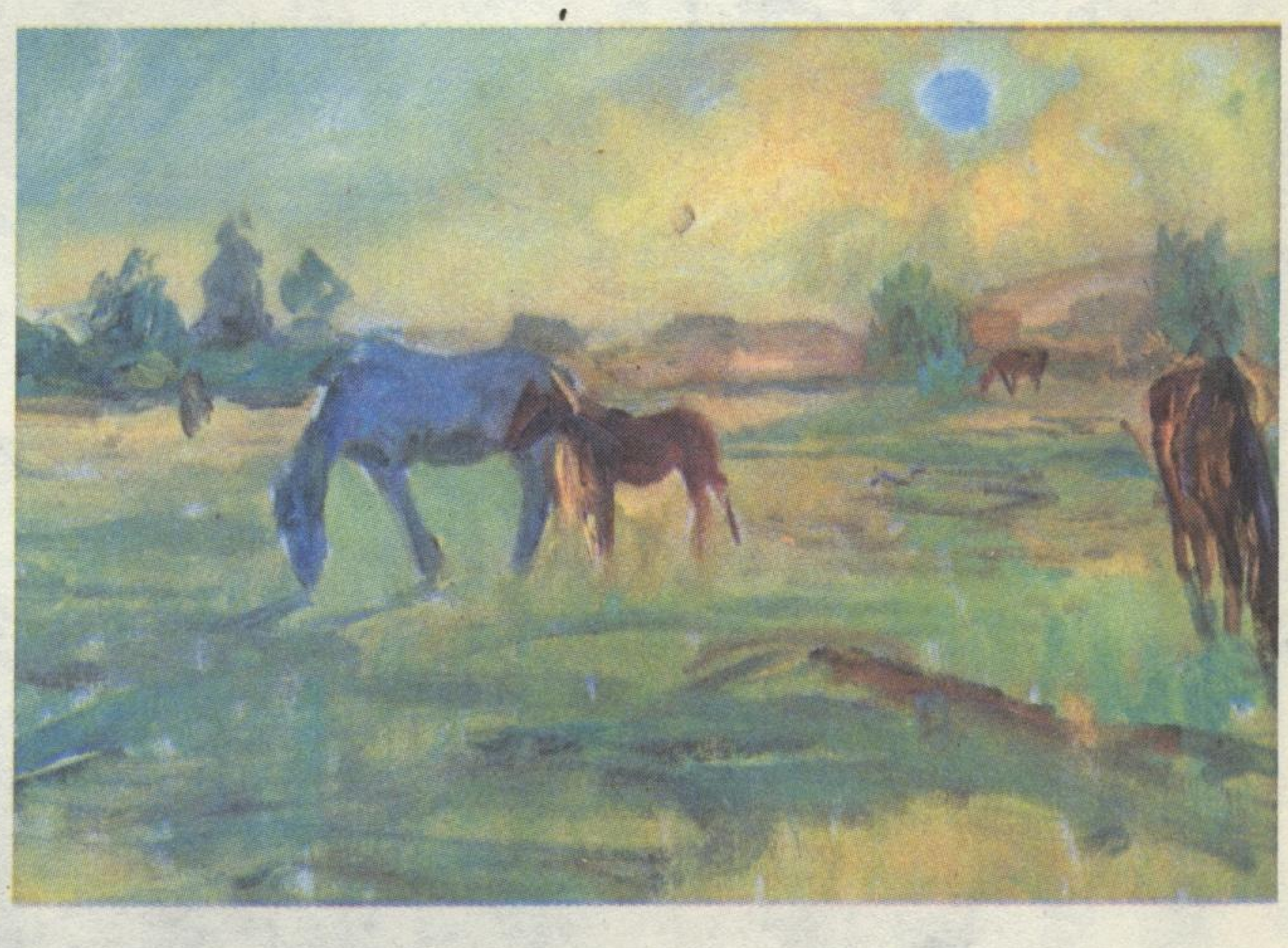
Каждой профессии свойственно свое: летчику — мужество и решительность, химику — выдержка и терпение, учителю — доброта и справедливость. А художнику? Что главное для художника и без чего художником нельзя стать? Удивление.

Пластов удивлялся всю жизнь. Удивлялся русскому характеру — крепкому, своевольному, самобытному. Это удивление видно в десятках, сотнях портретов его односельчан: тракториста, пастуха, доярки, ветеринара, учительницы, председателя колхоза, мальчишек и девчонок (от Ванюшки Репина в большой, на вырост, школьной фуражке до строптивого человека лет четырех Вовки-неслушника).

Удивлялся красоте несильных прислонихинских лесов, нескончаемому разнообразию вечерних, дневных, утренних облаков, прелести луговых ромашек и колокольчиков, крепости осенних огневых рыжиков, снежной ослепительности гусиного стада на вечерней сентябрьской улице, завораживающему ночному костру в поле. Удивлялся обыденной жизни, нехитрым ее радостям, великому крестьянскому труду.

Казалось бы, сюжеты его картин просты.

«Сбор картофеля» — просто колхозницы на-

Это один из этюдов 1951 года. В полдневном мареве и солнце видится синим и конь голубым...

А зимним вечером, при полыхающем закате снега и впрямь синьковые, светятся даже. Праздник глазам!

бирают в мешки картошку, рассыпанную для просушки в подвале.

«Жатва» — просто в поле, у скирды, обедают древний старик и ребятишки первого школьного возраста.

«Ужин тракториста» — просто в поле к закату дня доярка принесла ужин своим мужикам. Мужу-трактористу и сыну-подростку, его помощнику.

Просто.

Но «Жатва» написана в 1945 году, в год окончания Великой Отечественной войны, и совсем не просто то, что у скирды один дед да внуки, и уборочных машин не видно, и обед скуднее не придумаешь. Разорил враг землю, остались только стар да мал. Подними-ка хозяйство такими руками! Подняли. Девочки выросли в крепких доярок, мальчишки — в трактористов.

Или вот еще две картины.

«Фашист пролетел...»

Первый вариант этой картины был написан в 1942 году, он хранится в Третьяковской галерее, а эту, что перед тобой, Пластов написал в 1947 году, она хранится в Русском музее. Единственный случай, когда художник сделал копию картины. Почему? Ты и сам поймешь.

Что говорить о картине? Здесь все сказано. Это одна из самых сильных, страшных картин в истории живописи. Не в борьбе, не в схватке погиб пастушонок, а так, походя расстрелян пролетающим фашистским убийцей.

Но тем и прекрасна жизнь, что нельзя ее уничтожить. И вот картина уже 1951 года — «Витя-подпасок», красивый, веселый человек.

И еще одна — портрет Вали Тоньшиной. Портрет небольшой, на выставке он был очень хорошо, точно повешен: между двумя картинами с полевыми букетами, полными утренней свежести и очарования. И сама Валя такая же легкая, светлая. Портрет этой девочки — высочайший символ жизни; она вся устремлена в будущее. Пластов написал Валю в школьном белом переднике, у него, как у каждого большого художника, ничего случайного не бывает. В знании — широта жизни. Белый школьный

Пас пастушонок небогатое,
военных лет
колхозное стадо,
пролетел фашист...

Вот Витя-подпасок. Крепкий, веселый человек.

передник, как белый халат будущей доярки, врача, зоотехника, лаборантки. В преемственности труда будущее страны.

Выставка Пластова удивительна не только многочисленностью экспонатов (трудно поверить, что все эти нескончаемые ряды картин и рисунков созданы одним человеком), не только ма́стерской живописью, продолжающей традиции русской школы, не только глубокой мудростью картин, но и настойчивой, терпеливой борьбой художника за создание собственного, пластовского, стиля.

Очень полюбился мне этот портрет... Валя Тоньшина.

Так и слышались мне споры, какие часто возникают у художников, возникали они, конечно, и у Пластова. «Краски должны быть, как у знаменитых французских импрессионистов»,— говорили одни. «Ты, конечно, мастер,— говорили другие,— но далеко тебе до тонкости японских мастеров», а третьи добавляли: «И композицию закручивай острее, что-нибудь эдакое, по диагонали».

Пластов слушал, приходил в мастерскую и... писал этюд, не уступающий знаменитым французам, открывал коробку акварели, и в легких, истинно акварельных потеках появлялась «Роза в стакане с водой...», доставал любимый карандаш, альбом и набрасывал динамичную композицию... Ответив оппонентам не словом, а делом, он брал кисть и писал свою, пластовскую, картину, по-пластовски просто, ясно и мудро.

Илья Ефимович Репин, художник великий по труду и настойчивости, как-то на вопрос, что такое живопись, ответил: «Надо взять холст, кисти, краски и положить нужную краску на нужное место».

Нужную краску на нужное место. И все.

Пластов искал всю жизнь ту самую необходимую краску, которую надо положить на то нужное место на картине, чтобы и без подписи можно было сказать: «Да это ведь Пластов!»

Соседи и знакомые

Игорь МОЖЕЙКО,
кандидат исторических наук

С какой стороны поглядеть...

Мы учим историю, словно плывем по течению речек и ручьев. Каждая речка — страна. Проходим историю Греции, историю Рима, историю Англии, России. Мы знаем, что речки и ручьи подчиняются общим для них законам — и все эти разные страны тоже развиваются по одним законам. Рабство сменяется феодализмом, затем приходит время капитализма, растут заводы, рабочие поднимаются на борьбу...

Все это правильно, и иначе учить историю в школе невозможно. В свое время мы узнаем о Семилетней войне, проходим восстание Пугачева, узнаем о декабристах...

А что, если взглянуть на историю по-другому?

Эта мысль пришла мне в голову, когда я занимался историей Паганского царства. Оно существовало в Бирме восемьсот лет назад и погибло, когда вскоре после нападения на Русь его завоевали монголы.

А в конце XII века Паганское царство было одним из самых сильных государств в Азии, и никто из соседей не осмеливался напасть на него.

Так вот, я занимался историей этого государства, и мне попалась на глаза дата: 1185 год. Дата как дата. В истории множество дат, и это для многих причина нелюбви к истории. И в самом деле: даты, оторванные от обстановки, от жизни людей, от событий, мертвы и не нужны. Они обретают смысл, если за годом мы можем почувствовать плоть того времени, если существует связь между годом и людьми.

Я послушно плыл по реке бирманской истории, и годы, как верстовые столбы, мелькали по берегам. Но именно этот год — 1185-й — напоминал мне о чем-то не связанном с Паганским царством, о верстовом столбе на берегу другой «реки»... И пришлось вспоминать.

Сначала я обратился к соседям Пагана — великому Кхмерскому царству, которое было известно и под названием Ангкор. Может быть, там случилось нечто особенное в 1185 году?

Пожалуй, нет. Страна к этому времени была разорена войнами, и все последующие годы царь Джаяварман VII старался укрепить ее. Вместо разрушенной столицы он построил новый город и приказал воздвигнуть там удивительные башни с барельефами со всех четырех сторон. Говорят, что это были портреты самого кхмерского царя. Да, был такой интересный период в истории Ангкора, но 1185 год ничем исключительным не отмечен.

Отправимся же дальше, от «реки» к «реке» разыскивать запомнившуюся дату.

«...И полетел соколом под тучами»

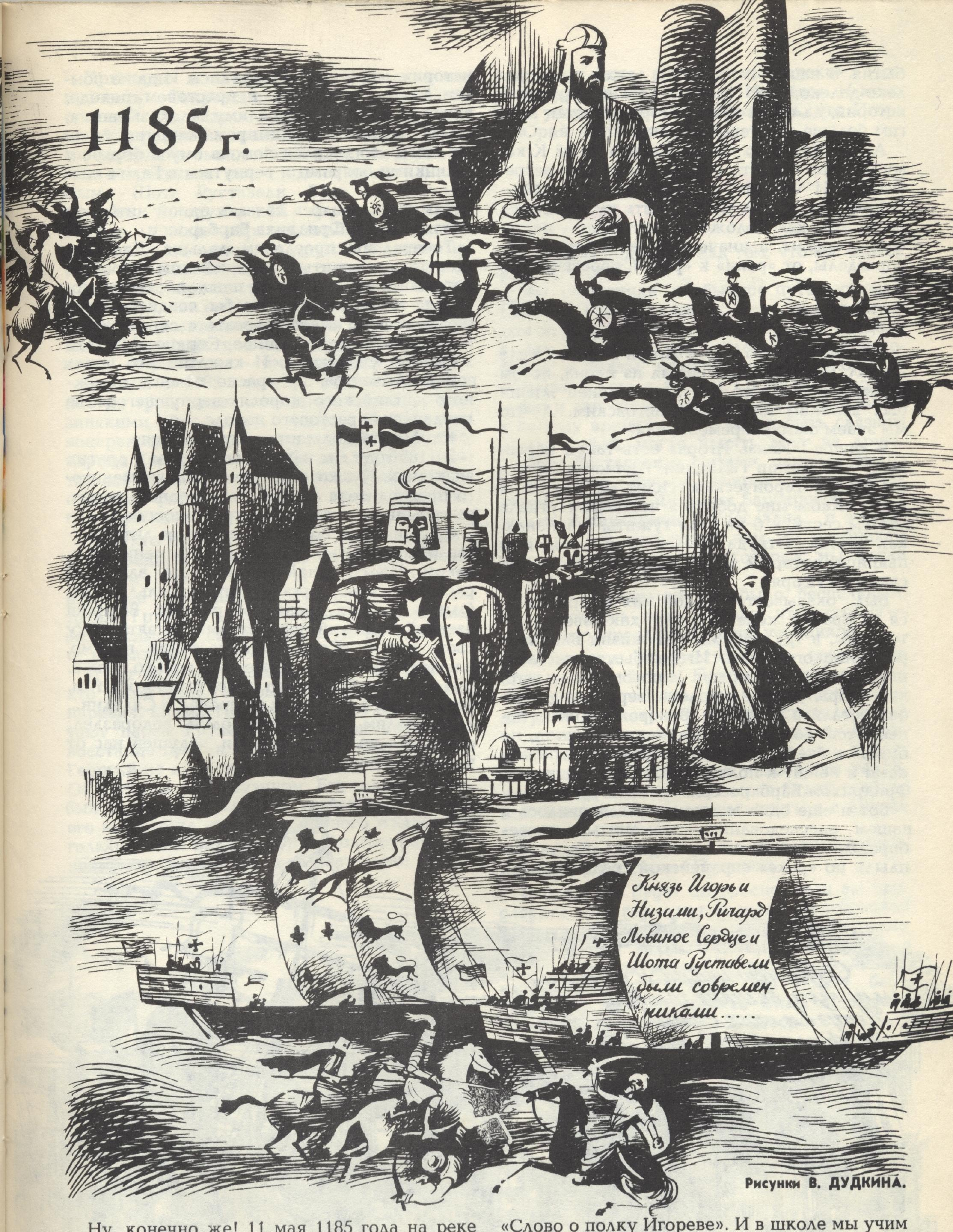
Что же в том году делалось в монгольских степях? Ведь через несколько лет оттуда двинутся на запад и восток громадные армии Чингисхана...

В то время Чингисхана соотечественники знали под именем Тэмуджина. Будущий великий и жестокий завоеватель еще молод. Он недавно женился, под его началом пока всего лишь отряд всадников, и никто еще не может предположить, что его имя будет наводить ужас на весь мир.

Чингисхан проводит время в походах и войнах, громит татар, нападает на соседние орды, но 1185 год ничем не замечателен для него.

А если отправиться дальше на запад?

1185 г.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Ну, конечно же! 11 мая 1185 года на реке Каяле «с рассвета до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы»... Князь Игорь сражается с половцами. Именно об этих событиях рассказывает «Слово о полку Игореве». И в школе мы учим эту поэму и слышим ее по радио, и многие выражения из нее стали поговорками, и оперу мы слышали не раз. А вот вряд ли кто вспомнит, в каком году происходили эти со-

бытия. В нашей памяти они лежат где-то далеко-далеко, на «реке» древней русской истории, да и сам князь Игорь известен многим больше как герой оперы.

А кто жил в то же время, что и он? К кому он мог послать гонца? С кем мог встретиться? И что это вообще за год такой — 1185-й? И я решил продолжить путешествие, но не так, как положено в истории,— по течению «реки», а иначе — через холмы и водоразделы, от «реки» к «реке», пересекая их.

Знакомые имена

Мы знаем, что князь Игорь в самом деле воевал с половцами, бежал из плена, потом прожил еще много лет и под конец жизни был великим князем Черниговским. А что мы знаем о его современниках?

В опере «Князь Игорь» есть такой персонаж — Владимир Галицкий. Личность он там не больно героическая, сидит за столом и поет: «Кабы мне добиться чести на Путивле князем сести, я б не стал тужить, я бы знал, как жить». Откуда взялся этот негодяй и пьяница, который хочет воспользоваться несчастьем Игоря?

Был, оказывается, такой князь, приходился он братом жене Игоря, и, как говорят летописцы, в трудный момент жизни Владимира Галицкого князь Игорь был единственным, кто дал ему приют. И потом, после того, как Игорь, убежав из плена, вернулся домой, они остались друзьями. Вскоре Владимир попытается добыть себе галицкий престол, но будет в очередной раз разгромлен соперниками и бежит к полякам. А там встретится с Фридрихом Барбароссой.

Вот и еще одно знакомое имя появилось в нашем расследовании — знаменитый рыжебородый германский император. Когда мы плыли по «реке» европейской средневековой истории, мы с ним встречались. И даже помним, что он участвовал в крестовом походе, погиб на пути к Иерусалиму. А оказывается, он был знаком с Владимиром Галицким, больше того, согласился помочь ему в борьбе с галицкими боярами и вернуться в Галич князем.

Так нам удалось связать одной ниточкой князя Игоря и Фридриха Барбароссу.

Теперь мы проследим дальше. Кто был вторым знаменитым европейским королем, который в это же время плыл на своих кораблях к Иерусалиму, чтобы соединиться с Фридрихом и вместе воевать с сарацинами? Конечно, Ричард Львиное Сердце. Мы это знаем по учебникам. И каждый, кто читал роман «Айвенго», прекрасно помнит отважного английского короля, вернувшегося из неудачного крестового похода.

Клубок продолжает распутываться.

В 1185 году мы наверняка найдем и других знакомых. Ну, хотя бы Саладина, знаменитого предводителя арабов, благородного воина, разгромившего жестоких крестоносцев.

Саладин был большим знатоком литературы, образованным для своего времени человеком. На северной границе его владений располагались царства турков-сельджуков. Одним из них правил Бехрамшах. Великий азербайджанский поэт Низами посвятил ему свою поэму «Сокровищница тайн», видимо, в начале 80-х годов, может, несколько позже.

И не было бы ничего удивительного в том, что именно в 1185 году ее прочел и Саладин...

Перевалим еще через один водораздел, опять же не теряя ниточки, ведущей нас от человека к человеку.

Примерно в то время, когда Саладин мог прочесть «Сокровщницу тайн», другой восточный властитель, Кизил-Арслан, подарил поэту деревню на границе с Абхазией. Низами наверняка бывал в этой деревне, и там он мог встретиться еще с одним нашим знакомым — Шота Руставели. Ведь он был на службе у грузинской царицы Тамары. И вряд ли такой образованный человек, как Руставели, не слышал о другом великом поэте — Низами. Видимо, он знал и арабский язык и мог прочитать поэму Низами вскоре после того, как она появилась на свет.

Но тут возникает еще одно имя, тоже отлично нам известное хотя бы по стихотворениям Лермонтова,— имя царицы Тамары.

Именно в 1185 году она, только что вступив на трон, ведет отчаянную борьбу с грузинскими феодалами, которые недовольны воцарением молодой женщины. Больше того, царице Тамаре приходится выступать и против собственного мужа Георгия. Действуя на стороне феодалов, он на время захватил большую часть Грузии.

Тем, кто не знает истории, Тамара кажется таинственной красавицей, живущей в недоступном горном замке. А ведь она один из наиболее уважаемых государственных деятелей Грузии, долгие годы отстаивавших независимость своей страны и ее единство от корыстных феодалов.

И тут наш круг замыкается. И вот почему: кто такой муж Тамары Георгий? Грузинский царевич, князь? Но почему тогда его не считают царем Грузии? Почему он поднимает восстание против своей жены? Оказывается, Георгий не имел прав на грузинский престол. Он даже не был грузином. Его звали Юрием, был он русским князем, изгнанным из своего княжества, сыном известного Андрея Боголюбского и внуком Юрия Долгорукого, основателя Москвы, и, следовательно, родственником, хоть и не очень близким, Игоря — героя «Слова о полку Игореве». И можно с уверенностью предположить, что Игорь и Юрий были знакомы.

Возьмите какой-нибудь год...

А теперь подумаем над тем, что мы сейчас узнали.

Мы совершили необычное путешествие в 1185 год. Постарались охватить одним взглядом то далекое от нас время и вдруг увидели в нем известных нам людей, вспомнили события и факты, которые раньше никогда не связывали друг с другом. Оказалось, что эти герои и эти события не только принадлежат к одному времени, но и могли быть связаны между собой, могли влиять друг на друга.

Шота Руставели и Низами, царица Тамара и князь Игорь, Ричард Львиное Сердце и Владимир Галицкий, Фридрих Барбаросса и Чингисхан, Джаяварман и Ярославна... и это далеко не все известные нам по учебникам исторические личности, которых мы могли бы отыскать в 1185 году.

Наше путешествие не было бесцельным. Мне хотелось показать вам, что история — это не изолированные главы учебников.

Вы можете подумать: автор специально отыскал такой год. Повторите этот опыт — выберите другой год, другую историческую дату. И посмотрите, что происходило тогда в других странах — в иных «реках» и «ручьях» человеческой истории. Только предупреждаю, это потребует некоторого терпения и усидчивости — тут мало будет учебников истории, придется заглянуть и в другие книги.

Возьмите, например, год открытия Америки или год восстания Пугачева.

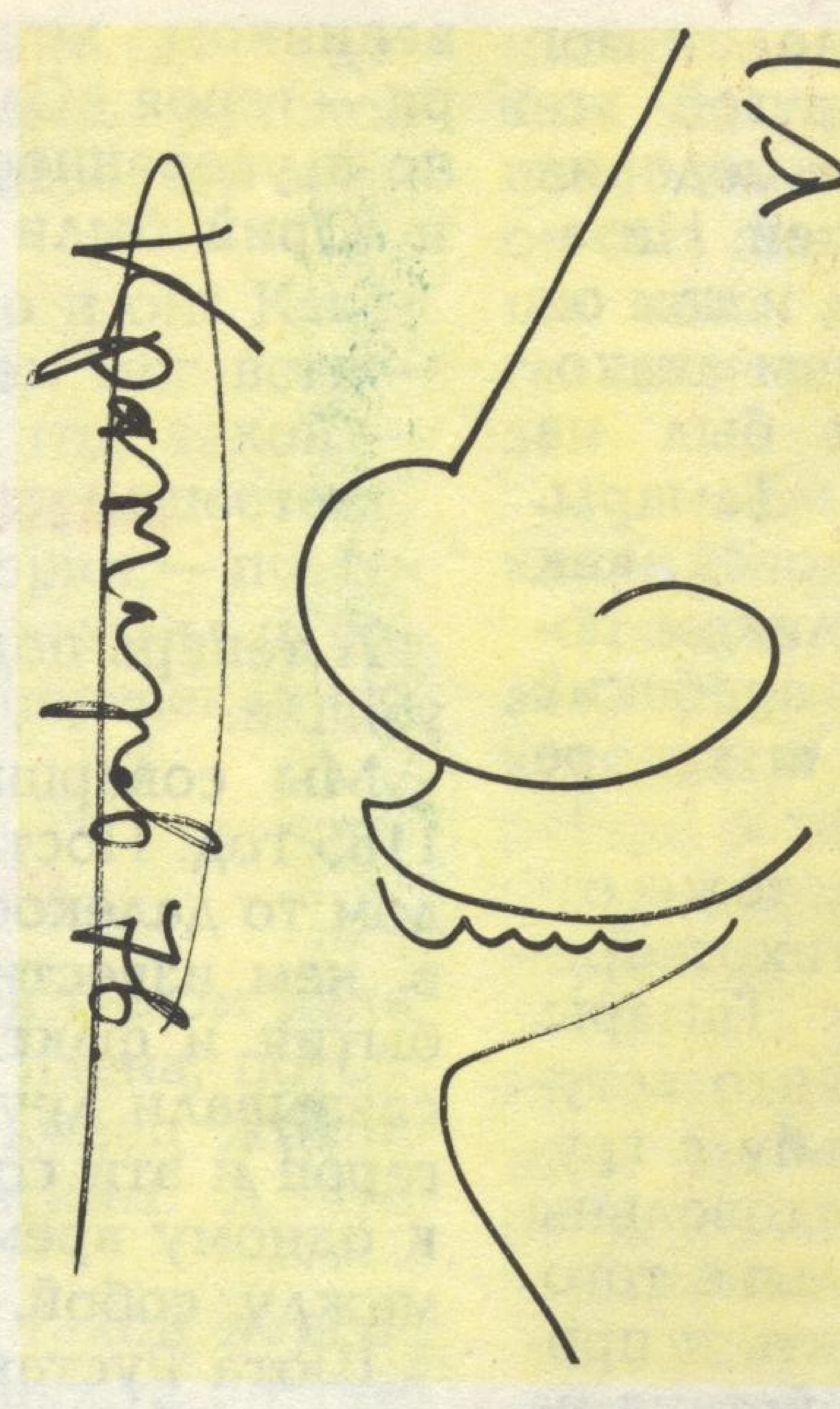
И особенно будет интересно, если вы проследите 1917 год — год Великой Октябрьской революции. Проследите, какими событиями отмечена эта великая историческая дата в других странах мира. Сейчас, накануне шестидесятилетия Октября, это может быть серьезной работой кружка юных историков да и всех ребят, любящих историю.

Пишите нам, рассказывайте о своих находках и открытиях.

Переменка!

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА

Признаться, мы никак не ожидали, ребята, получить от вас столько писем с требованием «прислать артистов», причем непременно «цветных». И мы подумали, что всем ребятам будет, наверное, интересно встретиться на страницах «Переменки» с настоящими актерами. Поэтому мы попросили нашего корреспондента Регину Дубовицкую организовать для вас встречу с Савелием Крамаровым, хорошо вам знакомым по многим кинофильмам. «Интересно, а какой он в жизни? Такой же, как в кино?» — наверное, этот вопрос уже вертится у вас на языке...

КРАМАРОВ. Хотите верьте, хотите нет, но в кино я как раз и попал из-за своей внешности. Уже потом я узнал: то самое, что вы видите на этой фотографии, называется фактурой. Мой первый режиссер Алексей Салтыков, увидев меня, тут же решительно заявил: «Вот это то, что нам нужно! Настоящий хулиган! Нет, где вы найдете такую великолепную хулиганскую физиономию?! Немедленно на съемочную площадку...» Честно говоря, большой радости его требование у меня не вызвало: к тому времени я окончил лесотехнический институт, и меня вполне устраивала моя профессия. Но... в кино мне сразу все понравилось, и я стал бредить кинематографом. После первого фильма разослал по всем киностудиям страны, даже документальным, свои фотокарточки. И мне повезло — моя «фактура» пришлась по душе режиссеру Одесской киностудии Владимиру Кочеткову, я получил роль в фильме «Им было девятнадцать». Ну, а потом...

КОРРЕСПОНДЕНТ. ...Ну, а потом вы играли во многих картинах. И наверняка во время съемок происходили какие-нибудь неожиданные курьезные случаи.

КРАМАРОВ. Конечно! Снимали как-то фильм в горах Таджикистана. На съемочную площадку привезли меня прямо с аэродрома. И говорят: «Мы сделаем еще пару дублей, а потом будем тебя снимать. Ты пока погуляй». Ну, я пошел погулять. Отошел метров десять от съемочной площадки и вдруг вижу: прямо на меня идет тигр. Думаю: все — отыгрался. А тигр подходит медленно и говорит: «Савелий, дай закурить». Потом сбросил шкуру и добавил: «Десятый дубль снимаем — озвереть можно».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Савелий, а как вы относитесь к своей популярности? Вас же все знают!

КРАМАРОВ. Поверьте, все относительно. Самое неприятное, что меня часто принимают за моих киногероев. А каковы мои герои, вы, вероятно, знаете. Я снялся в 36 фильмах: пять раз играл беспризорников, три раза — воришек, один раз — негодяя, четыре раза просто плохих людей и так далее. Дело дошло до того, что на моем отрицательном примере стали «воспитывать» детей. Однажды я сам слыхал, как воспитательница говорила малышам: «Не будете слушаться старших, не будете есть кашу, станете такими, как Крамаров». На что, правда, некоторые испорченные дети радостно били в ладоши и кричали: «Хочу быть Крамаровым и еще крокодилом Геной...» А как-то раз после «Неуловимых мстителей» шел я по одному московскому дворику. Там на скамеечке сидели обыкновенные московские старушки. Увидев меня, они мгновенно прижали свои сумочки к груди, а одна громко сказала: «Вот что с ними Советская власть делает! Недавно в лохмотьях ходил, а теперь в шляпе». Я очень хочу, чтобы поскорее из нашей жизни исчезли хулиганы, воришки, жулики — одним словом, мои герои. Ведь если они исчезнут из жизни, они исчезнут и с экрана. И тогда, может быть, режиссеры предложат мне наконец роль хорошего, доброго, веселого человека. А что? Посмотрите на меня, ну, честное слово, я и с такой ролью справлюсь...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Прощаясь, Савелий Крамаров признался, что очень любит рисовать, но так, чтобы люди, рассматривая его рисунки, улыбались, и подарил вам, ребята, шарж на самого себя.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА! НАПИШИТЕ НАМ, С КАКИМИ КИНОАКТЕРАМИ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВСТРЕТИТЬСЯ НА СТРАНИЦАХ «ПЕРЕМЕНКИ»? КАКИЕ ВОПРОСЫ ХОТЕЛИ БЫ ИМ ЗАДАТЬ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

Скоро, в декабрьском номере, мы подведем итоги конкурса «КНИГА-76». Кажется, все читатели «Пионера» приняли в нем участие: мы прочли тысячу рассказов о книгах, а письма все идут и идут. Среди книг, о которых вы нам написали, есть и совсем новенькие, только что вышедшие, и такие, которые ночи напролет читали не только ваши мамы и папы, но и прапрадедушки. Как это замечательно, если подумать, что живут среди нас такие вечно молодые книги! Каждое предыдущее поколение передает их следующему, и каждое поколение открывает их для себя заново. Вот мы и подумали: а хорошо бы отвести в журнале место для книжной полки. На эту полку мы будем отбирать любимые книги наших читателей — твои любимые книги. Сумел ты увлеченно рассказать о книге — значит, мы ставим ее на нашу полку, другими словами, печатаем твое письмо на страницах журнала. Пылких, умных, интересных писем-рецензий пришло так много, что в редакции собралась целая библиотека, уникальная неожиданная библиотека любимых книг читателей «Пионера» 1976 года.

Итак, с этого номера в журнале

открывается новая рубрика:

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Здравствуй, Алиса!

Кто из нас не знает о всемирно известной книге Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес»! Я первый раз прочитал ее в журнале «Пионер». Повесть очень полюбилась мне, я сохранил журналы и теперь часто и с большим удовольствием перечитываю ее.

И все-таки немного обидно, что эта замечательная книга не о приключениях моей современницы. Очень хотелось бы прочитать о приключениях девчонки, которая учится со мной или хотя бы в параллельном классе. И я встретил Алиску! Правда, не совсем такую, какую хотел, но об этом позже.

Я люблю бывать в книжном магазине и никогда не ухожу оттуда без новой книги. Однажды я увидел там новую книжку *Кирилла Булычева «ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ»*. В нее вошли фантастические рассказы и повести: «Путешествие Алисы» и «День рождения Алисы». С нетерпением я открыл книгу. И что я вижу! Алиска! Я немного испугался: можно ли столь известное имя давать героине другой книги, оправдает ли она его?

Но опасения были напрасны. Алиса из XXI века оказалась достойна своей знаменитой тезки из XIX века: такая же смелая и решительная, наивная и любопытная, веселая и хитрющая. Она знает и умеет многое. Кто из вас скажет, чем нужно кормить бронтозавра (яйцо, из которого он вылупился, нашли на берегу Енисея). Ученые взрослые закормили его бамбуком и бананами. А если бы меня кормили одними бананами (да, даже бананами!), мне бы наверняка жизнь надоела. И Бронтя, так ласково назвали огромного бронтозавра, слег. Что было с ним, если б не Алиса! Это она догадалась угостить его вкусной белой булкой. И с тех пор они друзья. А кто из вас может похвастаться дружбой с бронтозавром, марсианином или знаменитыми героями космоса — Тремя Капитанами? Не огорчайтесь, прочитайте книгу, и Алиска подружит вас со всеми ними и даже с Громозекой!

Вы, наверное, подумали: «Ну нет, эта Алиса просто необыкновенная девчонка!» Что вы! Она самая ОБЫКНОВЕННАЯ девочка. (Не скрою: иногда неприятно читать книжки о своих современниках даже из будущего, которые очень необыкновенные, очень серьезные и очень умные.) Вообще Алиска свой парень, она любит свой класс и, конечно, постарается помочь одноклассникам попасть на Луну, где проходит футбольный матч на кубок Галактического сектора Земля — планета Фикс.

Милая Алиса, она в своем XXI веке, веке космолетов, космических контактов, роботов, верит в сказку. И это ее не раз выручает. Как нужна оказалась совсем невидимая шапка-невидимка, в которую так не верил Алисин папа (да и папы из нашего века мало верят в них). Ну, а кто верил в знакомого Алисе привидения (да-да, у Алисы был знакомый привидений), который, между прочим, оказался профессором Кураки: у него не совсем удачно получился опыт по передаче вещества на расстояние. Ах, что бы было без Алисы!

Повесть «Путешествие Алисы» захватывает. Вот я вместе с Алисой лечу от одной планеты к другой (не подумайте, что она непослушная девчонка, одна улетевшая в космос: она была вместе с папой), кому-то помогаю, кого-то ловлю.

Вы скажете: «Ха, этого нет в жизни». Я с вами не соглашусь. Когда читаешь книгу Булычева, то веришь в Алису, хотя она не учится ни со мной, ни даже в параллельном классе. А о том, как она (везет девчонкам!) спасла целую планету от страшной болезни, мы узнаем в повести

«День рождения Алисы». И, представьте себе, снова верим!

Когда вы дочитаете книгу «Девочка с Земли», вам наверняка будет очень жаль расставаться с Алисой, и вы снова захотите перечитать эту книгу, которая учит мечтать, верить в сказку, в добро, учит быть смелыми, любознательными, учит быть добрыми.

Николай Боровков,
с. Вилинка, Рязанская область.

Я в восторге от этой книги

Думаю, что эту книгу невозможно не любить и забыть, на всю жизнь забыть о ней, прочитав! Она написана так захватывающе и волнующе, что нельзя оторваться!

Эта книга о необыкновенном времени, которое запомнилось людям звоном шпаг и было этим прекрасно! Дружили четверо. Дружили так, что друг без друга жить не могли, скучали, мрачнели. Один за другого, если бы понадобилось, мог без жалости отдать жизнь. Я представляю себе их.

Атос — благородный взгляд, строгие и прекрасные черты лица.

Портос — немного франтоватый, добродушный.

Арамис — тонкие, белые руки, мягкие волосы, чарующая улыбка.

Д'Артаньян — честный и непобедимый.

Веселые, остроумные люди, способные из любого положения найти выход!

Почти весь наш класс читал книгу Александра Дюма «ТРИ МУШКЕТЕРА», всем она очень понравилась. Я же от нее просто в восторге!

Кагарманова Катя,
7-й класс, г. Ленинград.

И для девочек тоже

Книга А. Маркуши «АЗБУКА МУЖЕСТВА» адресована мальчикам, но я прочитала ее с большим удовольствием и не раз к ней возвращаюсь сейчас.

Как строить свою жизнь, как побеждать и проигрывать с достоинством, учит Анатолий Маркович. Писатель рассказывает, как свести число жизненных ошибок к минимуму, но не утверждает, что их не будет совсем. «Путайтесь, ошибайтесь, грешите,— разумеется, в допустимых пределах. Вы обыкновенные люди, а людей без слабостей не бывает. Только не предавайте. Предательство допусков не имеет»,— говорил известный разведчик, полковник Н. «Только не предавайте». О том, как воспитать характер и волю, как достигнуть в жизни больших высот, эта книга. «Стать человеком трудно, стать человеком — большая работа»,— говорил Эдуардас Межелайтис. Главное, чтобы желание всегда сопровождали действие и вера в начатое дело. И успех придет. Месяц, два, три упорного труда дадут свои плоды.

Наташа Жорникова, 5-й класс,
г. Полтава.

Ваши ровесники и друзья

Прочитать о своих зарубежных сверстниках всегда интересно. Тем же из вас, кто является членом клуба интернациональной дружбы, книга «Ваши друзья-сентябрята» просто необходима.

Она познакомит вас с болгарскими пионерами. Их зовут сентябрятами в честь великого в истории болгарского народа сентября 1944 года, когда Болгария стала Народной Республикой. И рассказ об истории—«Септемврийче» («Сентябрята») начинается с далекого дня бурного, революционного сентября, когда замечательный болгарский коммунист, выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров предложил организовать первую в истории Болгарии детскую прогрессивную коммунистическую организацию. Болгарских пионеров называют димитровцами.

Есть у сентябрят и тимуровские отряды, и клубы интернациональной дружбы, и пионерские флотилии, и клубы юных космонавтов. А на болгарском заводе «Элпром», который славится своими изделиями на весь мир, есть отдел — пионерский «Элпром». Сто пятьдесят пионеров работают здесь.

Вы познакомитесь с газетой болгарских ребят «Септемврийче», с литературным приложением газеты «Родными просторами» и с ее научно-техническим приложением «Радар», с журналами «Пламче», «Дружинка» и «Юный конструктор».

Есть в книге и любимые песни сентябрят и веселые, забавные рассказы о жизни ребят в школе, дома, в пионерском лагере.

Георгий Димитров как-то сказал ребятам:

— Богат не тот, у кого много денег и много добра, а тот, у кого много верных друзей.

Эта книга расскажет вам, как живут и отдыхают ваши друзья-сентябрята.

Т. ВЛАДИМИРСКАЯ

Морозовская стачка

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ,
заслуженного художника РСФСР

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Продолжение. Начало в № 8.

— Ну, вот и все! — И Анисимыч пошел-пошел, грохоча сапогами:

Я работал дотемна.
Поработал — будя!
Была б спина.
Коромысло будет.

— Все! Пропади оно пропадом, змеиное гнездо. Все, Сазоновна. Расчет взял!

Петр Анисимыч достал из кармана железнодорожные билеты.

— Собирайтесь в дорогу.

На Глуховской фабрике, в Богородске, фабричных квартир у Ивана Морозова не было. Угол нашли в селе Клюеве, в двух верстах от фабрики.

Жизнь фабричная на одну колодку. От смены до смены: то денные, то в ночь «за заработку» — с пяти часов утра.

— Каждую ночь мне Прасковья Чирьева снится,— признался как-то Кате Петр Анисимыч.— Чего-то говорит, а шум, как на фабрике, ничего не слышу. Одно знаю, корит она меня.

— Хвалить, видно, не за что. Сам говорил: у ореховцев ни защитника и ни единой звездочки впереди. Сказать сказал, а сам — в Глухово...

Анисимыч щи хлебал — ложку до рта не донес после слов этих. Поглядел на Сазоновну, а она на него глядит.

— Коли встрять, так и жандармы будут, и кандалы, и этапы невесть в какую сторону, да только не к теплу, от людей подальше.

— Верно это. Да только такое твое знамя, Анисимыч. Будь самим собою, на меня не оборачивайся. Я всегда возле тебя. И что ты стерпишь, то и я стерплю. Твой крест — мой крест.

Сазоновна налила щей Танюше да себе и, перекрестясь, села за стол.

Той же ночью Петр Анисимыч написал в Смоленскую губернию письмо.

«Дорогой мой друг и товарищ Лука!

Я, поживши сам для себя в Ликине и на Глуховской мануфактуре, твердо решил вернуться в Орехово, к Савве Морозову. Одному мне будет там скучно, приезжай, друг сердечный. Вдвоем нам хоть праздники справлять будет веселее».

И добавил поклонов штук тридцать от жены, от брата, от батюшки, от свата, от дяди родного да от дяди чужого: письма Луки Абраменкова, человека «неблагонадежного», отбывшего сибирскую ссылку, наверняка читают.

Государь император был убежден: без царя дикий русский народ сам себя зарежет.

Фабрикант и купец Тимофей Саввич Морозов тоже почитал себя благодетелем народным: кабы не он, тысячи людей остались бы без работы, без крова, без пропитания. А потому он платил рабочим столько, чтобы достало на еду и на водку. Больше, по его мнению, давать нет смысла — проедят, пропьют. Да к тому же разбалуются.

И никому не было дела ни до Прасковьи, ни до Гаврилы Чирьевых, ни до их детей.

Но ни мастер Шорин, ни владелец фабрики Морозов, ни царь не придавали никакого значения тому, что живет на свете Моисеенко, строптивый ткач, не признававший штрафов за здорово живешь, и тому, что этот ткач мыкался с фабрики на фабрику, а потом вернулся почему-то на самую для себя невыгодную.

На Никольскую мануфактуру «Товарищество Савва Морозов, сын и К^0» Петр Анисимыч Моисеенко во второй раз поступил 9 ноября 1884 года.

Через несколько дней приехал в Орехово Лука Иванович Абраменков. Чтобы не провалить дела, если кого из них схватят, решили Луку устроить на фабрику Смирнова. Туда же, к брату Моисеенко, отправили и Танюшу. За лето девочка вытянулась, повзрослела, и ее приняли на фабрику.

«Товарищ, друг и опытный борец рядом, родные в безопасности, окромя Сазоновны, теперь — за дело»,— сказал себе Моисеенко.

Он пошел в библиотеку, взял полюбившийся ему журнал «Вестник Европы» номер пятый за 1871 год и ночь напролет читал «Стеньку Разина».

— Петя, ты все не спишь? — пробудилась Сазоновна.— Работать-то как весь день будешь, хоть часок поспи.

— До сна ли теперь, Катя! Ты вот послушай, что Стенька-то говорит: «Не удалось! Пусть пробует другой! Авось другой меня счастливей будет». Слышь. «Пусть пробует другой».

— Глаза испортишь, буквы-то вон какие маленькие, как букашки! Ложись.

— Не заснуть мне нынче, Катя. И на мал час не заснуть. Прогуляться, что ли?

— Да ведь ночь, мороз.

— Вот и хорошо, глаз меньше. А то, это самое, выглядит кто мои думки да и побежит доносить.

Поглядел на жену серьезно и печально.

— Анисимыч, не бойся за меня. Делай все как знаешь! — сказала быстро Сазоновна.— Все равно счастливая я с тобой, Петя.

— За все-то мои ссылки да этапы?

— Счастливая я, Петя. Верно говорю. За людей пострадать — не каждому такая сила дана.

Петр Анисимыч сел на краешек постели, взял за руку Сазоновну. Вот так же, взявшись за руки, сидели они на завалинке, когда в ухажорах-то хаживал. С той поры далеко их судьба на крыльях своих носила: и в Петербург, и в Сибирь... А впереди, как за окошком,— темным-темно.

— А уж брезжит! — встрепенулся Анисимыч.

— Что?

— За окном, говорю, брезжит.

И обрадовался. Легонько чмокнул Катю в щеку, набросил зипун, ноги в валенки и осторожно выскользнул из каморки.

Было у него в Орехове заветное место. Любил на мосту одиноко постоять. Переметенная снегом Клязьма внизу. Тропинки наискосок от серых, как воробьиная стая, зуевских деревянных домишек бегут к кирпичным утесам Бумагопрядильной фабрики — каменному дьяволу. Над трубами столбы густого, тяжкого дыма и клубы пара. По Орехову — цепочкой двухэтажные дома купцов, низ каменный, верх деревянный. Внизу лавки, наверху — жилые комнаты. Рабочие казармы в предутреннем сумраке страшны, громоздки, как тюрьмы.

Одно имя этому скопищу фабрик, домов, трактиров, лавок — Громада. И на всю эту Громаду один он выискался, чтоб замахнуться на нее. Как знать, ударить, может, и не придется, но хоть замахнуться-то должен кто-то? Стенька Разин на все царство не побоялся руку поднять.

Как медленно светает.

Заскрипел резко снег. К мосту двигался обоз. Довольно полуночничать! В окошках вспыхивает, преломляясь сквозь морозные узоры, свет. Печи начинают топить. Скоро на работу.

— Нехай! — крикнул по-разински Анисимыч и показал кулак кирпичному дьяволу.

Вечером Петр Анисимыч вынес в коридор «Вестник Европы».

— Мужики,— сказал курильщикам,— хотите, почитаю? Куда как книжка хороша.

— Отчего ж не почитать, почитай,— согласились.—

Только давай и баб позовем, им тоже охота книжку послушать, особливо если про Чуркина.

— Не про Чуркина, про Стеньку Разина.

— Так он же проклятый разбойник. Ему анафему в церквах говорят.

— Кто говорит-то, смекните!

— Известное дело кто — попы!

— А Стенька, это самое, попов душил и топил, потому как боярам они да купцам первые подпевалы.

Драматическая хроника про Разина занимала в журнале больше ста страниц. Написана она была белыми стихами. Читал ее Анисимыч так, словно заветную тайну открывал. Половину прочитал, устал, хотел до завтра отложить, да все просят:

— Анисимыч, уважь. Еще почитай. Стенька-то! Мы думали злодей и душегуб, а он нашего поля ягода, за бедных стоял.

Квасу принесли чтецу, чтоб голос не пропал.

Допоздна засиделись. А на следующий день из другой казармы пришли.

— Не откажи, Анисимыч, в нашей казарме про Степана Тимофеевича почитать.

Пошел к соседям. В два вечера управился. А тут новые ходоки с фабрики Викулы.

Разговоры после чтения не шуточные. Все хвалят Стеньку, все его жалеют.

«За что же,— говорят,— анафеме народного заступника предали?»

Привели как-то Петра Анисимыча в одну казарму, а сторожем в ней Гаврила Чирьев. Как из Глухова вернулся, искал Анисимыч Гаврилу, да не нашел. Видно, не больно хотел встречи Гаврила.

Рукав у Гаврилы пустой. Глянул на Петра Анисимыча, глаза отвел и тотчас убежал куда-то.

А как домой возвращался Петр Анисимыч — встретили его у балаганов. Двое дорогу загородили, а третий — в стороне, правая рука в кармане: сам Лачин. Оглянулся Петр Анисимыч, а позади четвертый. Отскочил к балагану, прижался спиной к стене.

— Подходи! Хоть одного из вас, да порешу! — и руку за пазуху. А там — «Вестник Европы», ненадежное оружие.

И вдруг развеселые голоса:

— На кого шумишь, Анисимыч?

Выходят из-за балагана, обнявшись, Матвей Петров да Ефим Скворцов.

Засвистел Лачин в четыре пальца, и слышен только топот убегающих.

— Ну, ребята, — говорит Анисимыч, — вовремя вы появились. Несдобровать бы мне... Видно, кому-то поперек горла мой Стенька встал. Придется гирьку с собой носить.

— А ты так ходи, Анисимыч! — Ефим достал из-под пальто толстый железный прут.— Не хуже любого кинжала.

— Так вы не случаем оказались поблизости? — удивился Анисимыч.— Сами догадались или кто подсказал?

— И сами и наши казарменские. Ты, Анисимыч, делай свое дело, а мы свое тоже знаем.

До самой каморки проводили.

Сазоновне ничего не сказал, но призадумался. Неделю назад его перевели с полуторных станков на трехчетвертные: материал уже, заработок ниже. Старые станки на ремонт поставили. Потому и не обратил на это внимания Анисимыч, а теперь прояснилось: хотят заработком пугнуть. И точно!

За две недели начислили ему четыре рубля тридцать шесть копеек. Штраф — рубль. Сазоновна за две недели два с полтиной заработала и тоже рубль долой.

— Держись, старина! — сказал себе Анисимыч.— Война объявлена. Теперь — кто кого.

Подготовка

Вечером Моисеенко опять читал в казарме «Стеньку Разина». Только попросил роздыху, какая-то женщина тут и скажи:

— Про Стеньку слушать куда как интересно, да только говорят, у тебя есть книга получше этой. В той книге, говорят, про нас, рабочих, написано и что рабочие в год на тыщу рублей вырабатывают. Правда аль нет?

— Правда,— ответил Моисеенко,— я сам читал в журнале «Отечественные записки», что каждый рабочий в год, это самое, вырабатывает не на тысячу, а на тысячу четыреста семьдесят семь рублей.

Поднялся шум, на шум хожалый явился.

— Скоро праздник великий, рождество Христово, а вы про разбойника Стеньку читаете. А ну-ка все по каморкам али в церковь!

И лампу погасил.

На следующий день Моисеенко позвали в контору. Вежливый, хорошо одетый человек, конторщик, пригласил сесть, приказал подать чаю и за чаем завел разговор про литературу. Весьма одобрительно отозвался о том, что ткач читает вслух.

— Я вам скажу совершенно доверительно,— конторщик наклонился к Моисеенко и голос свой как бы приглушил,— был у меня разговор с молодым хозяином Саввой Тимофеевичем. Молодой хозяин предлагает создать из рабочих-любителей нечто вроде театра. Как вы думаете?

— О хорошем деле только разве по большой злобе плохо сказать можно.

— Вы умный человек, Моисеенко. Умного человека по глазам видно. Мы подумали и, зная ваш талант к чтению, а также учитывая теперешнюю сложную, очень сложную обстановку, выхлопотали вам место в лавке. Театр не сразу будет, а когда жизнь войдет в спокойное русло...

Конторщик прямо светился, до того ему нравилось быть благодетелем.

«Так,— подумал Моисеенко, торопливо перебирая в памяти события последних недель,— стало быть, хотят приручить меня, домашним сделать».

Ощутив озабоченность ткача, конторщик сказал:

— Я понимаю, предложение весьма неожиданное. Но на вашем месте, признаюсь, я бы и размышлять не стал. Вас по уровню жизни ожидает разительная перемена.

— Я уже решил,— сказал Моисеенко.— Я ткач. Я только это и умею. А торговцем, боюсь, тотчас просчитаюсь. Я, это самое, в грамоте не больно силен. Читать читаю, а вот считать не больно силен.

— Значит, вы отказываетесь? — удивился конторщик.

Моисеенко развел руками.

Моисеенко позвали в контору. Конторщик пригласил его сесть, приказал подать чаю и завел разговор про литературу.

— Ну что ж, прощайте! — Конторщик встал.

Моисеенко кивнул, подхватил шапчонку и за дверь.

«Теперь держись, браток,— говорил он себе, сбегая по железным литым ступеням со второго этажа.— Глядеть надо в оба».

Сазоновне ничего не сказал, но глубокой ночью явился вдруг к нему Гаврила Чирьев.

— Прости, Сазоновна, за поздний час! — поздоровался Гаврила с сидящей на кровати Сазоновной.— Анисимыч! Сказать тебе пришел. Только вот при Сазоновне не решусь.

— Сазоновну нечего, это самое, пужаться. У меня секретов от нее не бывает.

— Нет, Анисимыч, не могу.

— Да погодите, мужики! — вмешалась в разговор Сазоновна.— В кубовую пойду. За кипятком. Чайку заварю.

Только за Катей затворилась дверь, Гаврила встал перед Анисимычем на колени.

— Прости.

— Что за новость такая?

— Богом тебя прошу, Петр Анисимыч, прости.

— За что простить-то?

— За то, что в контору ходил про тебя рассказывать.

Петр Анисимыч сдвинул рыжеватые брови, бороду в кулак и к окошку отвернулся.

— Анисимыч,— заплакал вдруг Гаврила.— Ведь коли бы не это — без руки-то кому я нужен со всем моим гнездом неоперившимся? За это и взяли сторожем, каморку дали. Прасковья, царство ей... коли бы узнала, кем я стал, прибила бы, небось. А я слаб. Мне бы тоже в речку кинуться, да не смогу... Ты можешь и погнать меня, но я тебе скажу: сторожись, глядят за тобой. Я ради Прасковьи пришел, ради памяти ее. Один ты и был нашим другом. От себя отрывал ради нищеты нашей.

— Встань, Гаврила. Садись к столу.

— Я пойду, за твой стол мне совесть не позволит сесть.

— Спасибо, однако, что сказал,— Анисимыч глянул на безрукого горемыку.— Ты вот что, Гаврила, нашу рабочую пользу соблюдай, когда докладывать-то станешь. Пусть они думают, что ты их и душой и телом, а ты нашим будь. Нашим на их службе.

После работы и в обеденный перерыв Моисеенко ходил на железнодорожную станцию: ему нужно было точно знать, какими силами располагают местные власти.

При фабрике был полицейский надзиратель Пашка Васильев, здоровый мужик двадцати шести лет от роду. Был он незлобив и непамятлив на обиды, кулаки имел огромные. Хулиганистые его боялись, а народ не сказать чтоб любил, кто же полицейских любит, но знали: Пашка по пустому делу в каталажку не потащит.

Вся карательная сила находилась в Орехове при станции. Моисеенко высмотрел и посчитал: полицейских и жандармов было тут никак не больше двенадцати человек. Жандармы выходили к поездам, важно прогуливались по вокзалу. Ничего для себя опасного в ореховском воздухе они не чуяли.

Пришла озорная мысль заручиться поддержкой самого Шорина. Прикинулся простаком, залетел к нему в контору.

Человек немолодой, он сидел за столом и читал книгу про Робинзона Крузо. За этим чтением и застал Анисимыч мастера.

Шорин вздрогнул, покраснел, поспешно захлопнул книгу и спрятал в стол. Но тотчас опамятовался, хотел заорать на ткача, да тот уморительно шаркнул ножкой и сказал:

— Александр Иваныч, к вам-с. Защиты ищу.

— Защиты? — удивился Шорин.

— Защиты-с. Работать нельзя. Это самое, дворовая администрация на меня косится за то, что книжки читаю-с.

— Какие книги?

— Беру в библиотеке и читаю. Так что дайте мне расчет, коли неугоден.

— Погоди! — вспыхнул Шорин.— Я тебя знаю, ты же лучший у нас ткач. Иди работай, а на дворовую администрацию плюнь. Вечно чего-нибудь выдумают. Для того и устроена библиотека, чтоб книги брали и читали. Работай и будь спокоен — ничего тебе не сделают.

«Так,— отметил себе Петр Анисимыч.— Этот тоже ничего не чувствует. Для него недовольство рабочих — привычное дело. Меня он теперь запомнил — в случае чего хорошим свидетелем будет».

Вернувшись на фабрику, снова завел разговор с рабочими. Люди говорили смелее, но сходились на одном: с таким запуганным народом ничего поделать нельзя.

— Не поделаешь, пока не делаешь,— вставил словцо Моисеенко,— а станешь делать, так и сделаешь

— Ты нас коришь, а сам все в сторонке,— упрекнул его кто-то.

— Если не языком болтать, а дело делать, тут я с вами. А дело это такое: фабрику надо остановить. Другого выхода нет. Фабрику остановим, начальство московское приедет. А мы сложа руки сидеть не будем: подадим прошение губернатору или телеграмму пошлем на высочайшее имя. Тогда возьмутся разбирать наше дело и весь штраф незаконный вернут.

— У Лепешкина на Вознесенской фабрике забастовка,— сказал красивый, видный из себя ткач.

Петр Анисимыч знал, что ткач этот на третьем этаже работает.

— У Лепешкина, говоришь, забастовали? — переспросил Моисеенко.— Молодцы! Умеют, значит, за себя постоять. И нам так-то вот надо. Сами за себя не заступимся, никто о нас и не вспомнит.

— Шорин идет! — замахал руками Ефим.

Все поспешно разошлись, а ткач, тот, что с третьего этажа, хотел, видно, с Моисеенко словом перекинуться, замешкался и в дверях на мастера налетел.

— Почему гуляешь во время работы? — прикрикнул Шорин.

— К браковщикам ходил, штраф неверно записали.

— Сколько?

— Тридцать шесть копеек.

Шорин достал книжечку.

— Фамилия?

— Волков.

— За то, что шляешься, и за то, что жалуешься, штрафу тебе семьдесят две копейки. Поди скажи старшему браковщику. Не пойдешь, вдвое оштрафую.

— Я скажу браковщику, как вы велели, но ваши действия — беззаконие и прямой грабеж.

— Что?!

— Я говорю: беззаконие и грабеж.

— Больно грамотный!

— Читать и писать умею.

Сказал и, не оглядываясь, ушел.

— Мерзавец! — Рассерженный Шорин глянул на Моисеенко, мол, почему он не работает.

— У меня, Александр Иванович, станки заправляют.

— Мерзавцы! — рявкнул Шорин и помчался в свою контору.

Приезд хозяина

После рождества, 28 декабря, на фабрику приехал сам Тимофей Саввич Морозов. Веселый, крепкий, борода белая, а лицо без морщин, налитое, коричневое от южного солнца: из Крыма вернулся.

Расцеловал Дианова, директора фабрики, пожал руки всем, кто стоял поближе, кто пришел к поезду.

— Перво-наперво ведите в школу.

— Может быть, с дороги отдохнете? — осторожно предложил Дианов.

— Нет! Нет! В школу!

Пока Тимофей Саввич здоровался с начальником железнодорожной станции, пока в санки усаживался, по приказу Дианова в школу помчались, нахлестывая лошадей, его подручные. Чтобы, упаси бог, какого непорядка не случилось.

Каково же было удивление Морозова, когда, подъехав к школе, он увидел на ступенях крыльца всех учеников и учителей. Как только лошади стали, грянуло «Славься! Славься!».

Тимофей Саввич хотел было рассердиться на то, что школу предупредили о его визите, но после такой торжественной встречи у него слезы от умиления сами покатились.

Тимофея Саввича повели в классы, показали прекрасные чертежи и рисунки учеников, показали мастерские. Учащиеся встали за учебные станки и принялись весело и ловко делать то, чему научены. Потом они поднесли своему благодетелю действующий ткацкий станок, который умещался на ладони.

— А ведь и вправду ткет! — изумился Морозов.— Славно, очень славно. То славно, что на моей фабрике живет завет, данный нам издревле: «Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Хвалю за усердие, великое прилежание и мастерство... Учителям жалую половину оклада, а школе пятьсот рублей на приобретение пособий и прочего.

И Морозов покинул школу размягченный, хотя и несколько задумчивый, впрочем, задумчивость эта была приятной не только для него, но и для тех, кто устроил этот спектакль.

Тимофей Саввич отказался от обеда, спросил только крепкого чая и сел разбирать в конторе дела. Финансовый итог года ему был уже известен, и теперь, просматривая столбцы цифр, Тимофей Саввич был доволен. На вопрос приказчика харчевой лавки Гаранина, как быть с должниками, повздыхал, похмурился и сказал:

— Не ради пропойц, губящих не только душу свою, но и семью свою, а ради их детей и жен объяви, что Тимофей Саввич треть долга прощает.

Дианов и все окружающие были восхищены заботой большого человека о самом низшем классе, о людишках.

Дианов знает: все это игра. Простить треть долга в харчевую лавку — мера вынужденная: надо сбыть рабочим залежавшиеся на складах товары, а иначе их хоть выкидывай.

И тут же Дианов предлагает хозяину решить весьма щекотливый, можно сказать, неприличный вопрос.

— Как нам быть, Тимофей Саввич, с теми рабочими,— спрашивает он,— на которых наложены штрафы в размере половины заработка? Инспекция сразу же обратит на это внимание.

— Вопрос вы поставили серьезный. Решить его надо немедленно. Рабочих, у которых штрафы весьма велики, я предлагаю уволить... И тотчас принять на работу заново.

— Стало быть, вы предлагаете поменять им расчетные книжки?

— Стало быть, предлагаю...

Тимофей Саввич захлопнул объемистый бухгалтерский гроссбух.

Утром Морозов обходил свои владения, корпус за корпусом. Когда об этом узнали на ткацкой, к Моисеенко прибежал Ефим:

— Анисимыч, давай твой товар! Он у тебя, как всегда, хорош. Я с ним к браковщику, он мне штраф запишет, а хозяин тут как тут!

«Что ж, пускай еще раз удостоверятся в том, что и так ясно»,— решил Моисеенко и поменялся с Ефимом товаром.

Ткачи побежали к браковщику. Все вышло, как задумали: браковщик повертел товар и записал штрафу сорок копеек. За что, не сказал.

Тут как раз и появился Тимофей Саввич. Ефим к нему. Поклонился и товар протягивает. Тимофей Саввич взял товар, поглядел, улыбнулся.

— Хорошо сработано. Очень хорошо.

— Вот и я говорю,— засуетился Ефим,— а браковщик мне за этот товар сорок копеек штрафу записал!

— Ну, что ж, значит, знает, что можешь и лучше работать. Ты этот кусок вон как ловко сработал, а ты еще постарайся. Ведь, небось, можешь?

— Могу,— растерянно согласился Ефим.

— То-то же! Ну, ступай, трудись. Слышал объявление, что я простил треть долгов в харчевой лавке?

— Слышал.

— Ступай, трудись. Хозяин вас не забудет, коли вы про его выгоду помнить будете. Хороший товар — хороший сбыт, стало быть, и рабочему прибыль. Мне лишних денег не надобно, все лишнее на вас и пойдет, на новые теплые казармы, на школу для ваших детей, на больницу.

— Хозяину, Тимофею Саввичу, благодетелю, ура! — крикнул стоящий за спинами рабочих Шорин.

— Ура! — завопил Ефим.

— «Уря», говоришь? — подтолкнул Ефима Моисеенко, когда хозяин прошествовал в соседнее помещение.

— И сам не знаю, отчего крикнул! — смутился Ефим.

Все сгрудились вокруг Моисеенко.

— Чего стоите? — спросил он их.— Хозяин работать велел, стараться. Для того и штрафы пишут, чтоб старались.

Плоскогрудый ткач протянул Петру Анисимычу руку:

— Я с тобой, Анисимыч.

— Зовут-то тебя как?

— Шелухин я. Солдат.

— Собраться нам надо, мужики. Обговорить, что и как. Вроде бы ждать больше нечего.

— Нечего,— согласились ткачи.— Ты только скажи, когда собраться.

— Скажу.

На песках

Пятого января, перед крещением, получили деньги. В тот же день контора объявила, что седьмого, на Ивана Крестителя, будет рабочий день.

— Сама контора нам день указала! — шепнул Моисеенко Сазоновне.

Запустил станки, но за работой не глядел: о заработке ли думать?

Обошел всех своих людей.

— Пусть каждый из вас придет завтра в трактир и приведет с собой своих друзей. Завтра день нерабочий. Давайте соберемся после обедни, часов в двенадцать. Согласны?

— Согласны.

— Да я десятерых с собой приведу! — буркнул Шелухин.

— Приводи! И чтоб обязательно с прядильной люди были. Работу бросать надо всем сразу... Завтра все обсудим, а я приготовлю наши рабочие требования.

Прощаясь, все подходили к Моисеенко.

— Ты на нас, Анисимыч, надейся. Не подведем.

— А я надеюсь.

Дома ждали гости. Брат Григорий, Лука Иванов и Танюша.

— Котелок поставлен на огонь, Лука,— сказал с порога Петр Анисимыч.— Закипает.

Разделся, сел к столу.

— Бросил бы ты все это,— осторожно сказал Григорий.— Упекут ведь!

— Не упекут! Не за что! Мы не Чуркины, свое просим,— и, чтоб развеселить гостей, предложил: — Сочельник. Может, погадаем?

Никто не откликнулся.

— С дороги они, устали,— сказала Сазоновна,— давайте ложиться.

— Ложиться так ложиться. И вправду ложитесь, от-

дохните. А мы с Лукой маленько посидим. Дай нам, Катя, листок бумаги. Требования надо составить. Я на завтрашней сходке обещал прочитать.

Когда утром они, по-праздничному принаряженные, ввалились в трактир на Песках, там уже сидело человек пятьдесят.

— С праздником! — Моисеенко улыбнулся своей широкой улыбкой. Трактирщик глядел подозрительно, и Петр Анисимыч нарочито шумно усаживался со своей компанией за стол. Тут были и Лука, и Григорий, и Сазоновна с Танюшей. Широким движением руки Петр Анисимыч позвал полового.

— Чаю тащи по две пары. Да баранок!

Народ подходил. Набралось человек семьдесят.

Волков поднялся.

— Вопрос нам, братцы, один надо решить: как нам сделать, чтобы остановить фабрику. Я вам скажу, мы в Серпухове вот так же встали друг за дружку, и хозяин ничего поделать с нами не смог. Уступил. Надо только взяться сообща. Говорите, кто чего думает!

— Самое лучшее — пораньше прийти к фабрикам своим, встать у дверей и не пускать никого на работу,— сказал Тимофей Яковлев, прядильщик.

— Что там! — крикнул с места Шелухин.— Встать пораньше и забить двери гвоздями.

— Можно и войти в фабрику,— предложили другие.— Всем собраться, и на улицу.

Заспорили.

Моисеенко подтолкнул Луку.

— Давай ты.

Лука встал.

— Товарищи! У меня с собой воззвание к московским рабочим, но оно годится и для нас.

Прочитал потрепанную, затертую прокламацию.

— Видите, не одни мы страдаем. Где капитал, там и страдание рабочих людей. Избавиться от гнета нам поможет всеобщее объединение.

Встал Волков.

— Главное, не унывать! Веселей, ребята! Давайте стоять твердо.

Появился хозяин трактира.

— За праздничек! — крикнул Волков и поднял стакан вина.

— За праздник! — кричали рабочие.

Трактирщик постоял, поглядел и ушел.

— Мы собрались не ради вина и чая,— сказал Моисеенко.— Мы собрались, это самое, чтоб напомнить друг другу: один за всех и все за одного! Без воли, без свободы мы не люди. Вчера еще мне говорили: с Морозовым ничего не поделаешь. Неправда, все это брехня! Силы нам не занимать. С избытком есть. Так ли я говорю?

— Так! Верно, Анисимыч!

— Вот и хорошо. Утром поднимайтесь пораньше. Встанем у дверей и никого не пустим в фабрику.

— Верно!

— Вот что, братцы. Я, как обещал, принес наши требования к хозяину. Читать?

— Читай!

Моисеенко достал листок бумаги.

— Значит, это самое... Первое. Хозяин имеет право оштрафовать рабочего в месяц только два раза, если же рабочий подвергнется третьему штрафу, то хозяин должен рассчитать его. Если хозяин на это условие не согласится, то он должен простить старые штрафы, оставив себе из них пять процентов.

Моисеенко пункт за пунктом читал требования.

— Молодец, Анисимыч! Все так.

— Ну, коли все так — по домам. Языки на привязи, ребята, держите, зря не болтать.

— Скажешь тоже, болтать!

Волков пошел к Моисеенко.

— Забитый народ, боюсь, ничего завтра не выйдет,— сомневался Лука.

— Брось ты! — возражал Анисимыч.— Все выйдет! Не все забитые. А кто сробеет, выгоним с фабрики. Да и не будет робких. У нас, русских, всегда так, терпим, гнемся, а как волю почуем... И хватит, Лука, об этом. Давай лучше споем Волкову нашу.

— Какую?

— Про Стеньку.

И залился на всю казарму:

Есть на Волге утес,
Диким мохом оброс
От вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

Волков восхищенно крутил головой:

— Ай да песня! Никогда не слыхал.

Моисеенко обнял его и залился пуще:

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался.
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

В коридоре шумели. Моисеенко вышел. Толпились казарменские.

— Послушать пришли.

— Верно, хорошая песня. Ступайте и будьте готовы завтра за себя постоять, как Стенька умел. Будет, поработали на Морозова, пора и посчитаться.

Лука увел Анисимыча.

— Ты чего шумишь раньше времени? Сам говорил, язык за зубами держать.

— Нехай, Лука! Морозов ничего не успеет против нас до утра сделать! В Москве сидит...

Спать легли поздно.

— Сазоновна,— наказал Анисимыч,— как только колотушка пройдет, буди.

«Наших бьют!»

Деревянный шарик на веревочке защелкал по деревянному бруску — это шел хожалый с колотушкой.

— Вставай, Петя! — затормошила мужа Сазоновна.

Анисимыч вскочил, не открывая глаз, ощупью нашел на столе кружку с холодным вчерашним чаем. Все так же на ощупь, молча, оделся.

— Лука спит?

— Спит.

— Ладно, не буди!

Накинул ватный зипун. Шапчонку с торчащим ухом надвинул по самые брови. Сладко потянулся в дверях.

Поднялся Волков: — Вопрос нам, братцы, один надо решить: как нам сделать, чтобы остановить фабрику?

Сазоновна была уже готова.

— Ты, Сазоновна, погоди! Посиди дома. Придешь к смене. А я пойду погляжу...

Легонько нажал плечом на дверь.

Только вышел из казармы, окликнули.

— Анисимыч!

Гаврила Чирьев.

— Ты чего?

— Про вашу сходку Дианову сказали. Он приказал чернорабочих из татар к фабрикам поставить. Поберегись, Петр. Я пошел. Как бы не увидали.

То ли известие не обрадовало, то ли мороз за шиворот забрался, поежился Анисимыч, сдвинул шапку с левой брови на правую, поглядел туда-сюда: идут люди на фабрику. Пять часов утра.

— Ладно! — сам себе сказал и тоже пошел к фабрике. Но близко к ней не подошел. В стороне встал.

В дверях сторожа, у кого дубина, у кого ломик, а у кого и оглобля.

Задерживаться рабочим не позволяют. Кто остановится, срываются, как борзые, и сразу драться.

Возле корпуса прядильщиков метался Тимофей Яковлев.

Моисеенко подошел ближе к дверям, чтоб его видели рабочие. К нему тотчас стали подходить. Набралось человек десять.

— Стойте здесь, не ходите на фабрику!

Побежал к боковым дверям.

И тут его узнали, окружили, спрашивали, что делать.

— Ничего не делайте. Стойте сами и других не пускайте.

Вернулся к главным дверям, но все уже разошлись, кинулся к боковым — и там никого.

Появился Волков.

— Ну чего, Анисимыч?

— А ничего! Спишь больно долго. Ступай к главным дверям.

Волков пошел, но скоро вернулся.

— Сторожа дубинами гонят.

— Слышь, Анисимыч,— сказал кто-то из ткачей.— Мы, пожалуй, того, на фабрику пойдем... А то не ровен час — запишут номер и вместо одного три дня оттрубишь. Ты не сердись.

Понурились и пошли.

— Бараны! Истинные бараны! — Анисимыч сорвал шапку и бросил себе под ноги.

Волков поднял шапку, стряхнул с нее снег.

— Надень. Простудишься. Не ругайся, Анисимыч. Вишь ведь, предатель сыскался... Сторожей нагнали. Я прикинул: у фабрики стоит человек двести.

— Их двести, а нас восемь тыщ! — Моисеенко решительно запахнул зипунок.— Поглядим еще! Может, и вправду не бараны.

И пошли на фабрику. Станки Анисимыча были уже раскрыты и пущены.

— Жена постаралась. Позовем наших — и на третий этаж.

Собрались молчком.

— Мужиков с дубьем испугались? — накинулся Анисимыч на ткачей.

— Вот что, братцы,— крикнул Волков,— станки и теперь можно остановить.

— А потом чего?

— Морозов приедет, губернатор, жандармы. Подадим губернатору наши требования. Чтоб на виду, чтоб Морозов не отвертелся.

— Тихо! — крикнули стоявшие у дверей.— Младший мастер идет.

— Почему не работаете? — набросился младший мастер Прусаков.— Коли у вас праздник, так ступайте вон. А собираться запрещено.

— Ты, милый человек,— сказал из толпы Моисеенко,— катился бы отсюда! А то зашибем ненароком.

Все взбудоражены, и вправду зашибут.

Прусаков опустил глаза, постоял и, словно бы вспомнив что-то важное, быстро ушел.

— Ура! — гаркнули ткачи.— Домой!

Началось! Топот ног. Гаснут одна за другой горелки, в помещении темнеет. Мальчишка взобрался на плечи другого, потянулся к газовому крану, и пала на фабрику тьма..

Грохочут в темноте машины, словно поезд в тоннель нырнул.

Вскоре умолкли и станки. Моисеенко бросился на второй этаж, выпроваживать людей.

— Смелее! Смелее, ребятки!

— Бабы, за мной! — крикнула Марфа, за грудки схватила какого-то мужичонку: — Останавливай машину!

— Да как же...

— Не побаивайси!

И по шее мужичку-то, к дверям его.

Моисеенко спустился на первый этаж. Сторожа закрыли боковые двери, в главных давка. Столкнулся с Волковым.

— С прядильного корпуса были двое, просят, чтоб к нам пришли и остановили работу.

— Что же вы стоите? Айда!

Прибежали в чесальную.

— А ну, ребятки, кончай работу! — закричал Анисимыч.— Ткачи уже все на улице.

Рядом объявилась Марфа. Высокая, руки длинные. Платок сбился, головой тряхнула, косы — двумя золотыми молниями.

— Кто хлипенький? Подходи, сопли утирать буду! Засмеялись. Рванулись к выходу.

А Марфа уже ворвалась в прядильный корпус.

— Чего ты прилипла, дура! — набросилась на дрожащую прядильщицу.— Она же, машина, как паук, всю кровь твою высосала. Ступай домой, в зеркало поглядись.

«С такой не пропадешь»,— подумал Моисеенко и вскочил на подоконник.

— Кончай работу! Все уже во дворе! Одни вы шуруете на благодетеля!

— Выходи! — крикнул прядильщик Яковлев с другого конца.

— Верно! Один за всех — все за одного. Пошли!

На фабричном дворе, в толпе рабочих, стоял пристав Пашка Васильев и басовито рокотал успокоительно:

— Ну, разбежитесь вы по домам. А зачем? Вы же и так нищие...

— А то и победней нищих! — откликнулись.

— Ну вот! Я про что говорю? Не бросали бы работать, был бы у вас лишний заработок.

— Тебе бы на клиросе в церкви петь, а ты шашку прицепил! — крикнула Марфа из толпы.

Тут прибежал Моисеенко.

— Чего холуя морозовского слушаете? У него брюхо всегда сытое! Идемте на старый двор и там остановим работу.

Побежали. И вдруг пронзительный женский крик.

Сторожа, озираясь, били женщину.

Увидели бегущих, пошли было на них, но толпа катилась огромная, неудержимая. Остановились.

— Не робей! — крикнул Моисеенко.

Рабочие бросились разбирать забор. Здоровенный детина из сторожей вдруг раскрутил оглоблю и пустил. Оглобля со свистом пронеслась над Моисеенко, сзади охнул кто-то.

И разом толпа рабочих хлынула на сторожей.

Гнали сторожей до конного двора. Моисеенко не помнит, как в руках у него оказался мерзляк. Кинул. Зазвенело стекло. В доме торопливо погасили свет.

Уже светало.

— Мужики! Мужики! — крикнул Моисеенко.— Довольно зайцев ловить, дело есть. Идемте в красилку. Там еще работают.

Но красилка уже не работала. Здесь Моисеенко поджидал Волков.

— Кое-как повытолкали бестолочей. Все, Анисимыч! Фабрики Тимофея Саввича стоят. Все.

Тут прибежали с ткацкой фабрики:

— Наших бьют!

Возле фабрики свалка. Сторожа и чернорабочие пустили в ход ломы, кирки, железные прутья.

Ухнули все на свору лавиной. Погнали к реке, на лед.

У Моисеенко был большой красный платок. Проткнул его в двух местах, натянул на острый лом, поднял, как знамя.

Толпа над рекой росла. Чернорабочие и сторожа сбились на льду в кучу и сверху были похожи на пчелиный рой. Рой зашевелился, от него стали отделяться одиночки и группки людей. И вдруг весь рой кинулся врассыпную.

Пошли к главной конторе. И там звон стекла, крики. В пекарне выбиты окна, буханки хлеба выбрасывают.

Волков кинулся в самую гущу.

— Остановитесь! Прочь! Мы труженики, мы не разбойники.

Моисеенко рядом.

— Назад! Не надо нам чужого! Нам свое бы вернуть. Где же администрация? — метался Моисеенко.— Попрятались, сволочи. Айда к Дианову!

Ворота каменного дома директора Никольской мануфактуры были заперты.

Легонький Моисеенко раз-два и взобрался на забор. На крыльце его встретила прислуга Дианова.

— Дома директор? — спросил Моисеенко.

— Нету! С утра к хозяину уехал.

— Черт с ним! Ему на хозяйское добро начхать, а нам и подавно!

Спрыгнул с забора, пошел с народом по Английской улице.

На этой улице в двухэтажных домах жили инженеры и начальство. В доме мастера Шорина все стекла были выбиты, рамы — разворочены.

У дома Лотарева, директора прядильной, Моисеенко встретил Волкова. Он вместе с рабочими отгонял погромщиков.

— Ты уйми их, — сказал Моисеенко,— а я пойду депешу губернатору пошлю. От рабочих просьбу о помощи пошлю. Морозова надо опередить.

Прибежал на вокзал, а на телеграфе урядник. Не удалось послать депешу.

Вернулся к главной конторе.

Моисеенко шел по Никольской улице. Синие сумерки выползали из лоснящихся сугробов.

Хоть в животе болезненно урчало, ноги подгибались — одиннадцать часов метался с одного конца города в другой,— и хоть в пору было бухнуться в снег и глаза закрыть, Петр Анисимыч приказал себе еще раз сбегать на станцию.

На станции толпилась «чистая» публика. Ожидали прибытия войск. Говорили, что едет губернатор с полком. Губернатор стесняться не будет, живо уймет голодранцев.

В свою каморку вошел, дверь за собой затворил и сел у порожка, в зипуне, в шапке, в валенках.

— Петя! — кинулась к нему Сазоновна, стащила с него шапку, а он улыбается.

Отошел маленько, разделся, умылся. Сел к столу. Поел щей, стал картошку в мундире чистить. В коридоре шум. Пришли ото всех морозовских казарм спросить Анисимыча, как дальше быть. Вышел к ним.

— Вот что, братцы! Войска ждут. Не сегодня-завтра обязательно пригонят или солдат, или казаков. И тут нам надо ухо востро держать. И вот вам мой наказ: первое —сидеть смирно и никуда не выходить. Пресекайте всякое безобразие. Молодежь пусть зря не болтается. Неслухов всем народом будем наказывать. Так и скажите. И все, братцы, будет хорошо. По-нашему будет, может, первый раз в жизни. То, что фабрики стоят, и нам убыток и хозяину. Да ведь не наша вина, что работу мы бросили. Наш убыток — горькие копеечки, а хозяин многих тысяч недосчитается. Пусть у него и болит голова.

В ответ загалдели благодарственно:

— Спасибо за науку.

— Бог тебе в помощь.

— Ты, Анисимыч, от жандармов-то схоронись.

Вернувшись в каморку, Петр Анисимыч ничком бросился на кровать.

— Не ругайся, Сазоновна! Я на минуту и пойду. Шубу мне достань и деньжонок.

Сазоновна принесла шубу и восемь рублей — весь их капитал. Петр Анисимович поделил деньги поровну.

— Все, все возьми! Как знать, где тебе мыкаться придется? — заметалась Сазоновна.

Подумал, взял шесть рублей. Поцеловал Сазоновну.

— Луки не видно было. Домой, знать, ушел. Оно и к лучшему. Я завтра в Ликине отсижусь, а его пришлю. Его тут не знают. Кто бы меня ни спрашивал, говори — в Москве.

Постояли, обнявшись, поглядели в глаза друг другу и расстались.

Надолго ли?

Сколько их, гончих-то, навострились за Анисимычем, одному губернатору известно.

«Какие облегчения еще?»

С поезда, не здороваясь ни с кем, шуба распахнута, борода сбита к правому плечу, пробежал Тимофей Саввич к лошадям. Бухнулся в возок:

— Гони!

Доскакал до главной конторы. Окна разбиты, бумаги разбросаны. В окнах лавок тоже ни одного стекла.

— К Дианову!

У Дианова дом почти не тронут. Здесь теперь резиденция владимирского губернатора Судиенко.

Все приезжее начальство в сборе: и губернатор, и жандармские полковники Фомицын и Кобордо, и прокурор Владимирского окружного суда Товарков, и покровское уездное начальство, и Дианов.

— Здравствуйте, господа! «Добрый день» язык не поворачивается сказать.

Тимофей Саввич стоял в шубе, в валенках, с шапкой в руках. Он был бледен, но в глазах его сидел яростный, злой зверь.

— Господин Морозов, случай, как видите, прискорбный, и я здесь затем, чтобы выяснить причины, побудившие ваших рабочих бунтовать,— сухо, поджав губы, сказал губернатор.

— Причины? — изумился Тимофей Саввич.

Он бросил на руки подоспевшего слуги шубу и сел на свободное кресло.

— Позвольте заметить вам, господа, на мою мануфактуру стекаются люди со всех российских губерний. Со всех фабрик и ото всех фабрикантов ко мне идут!

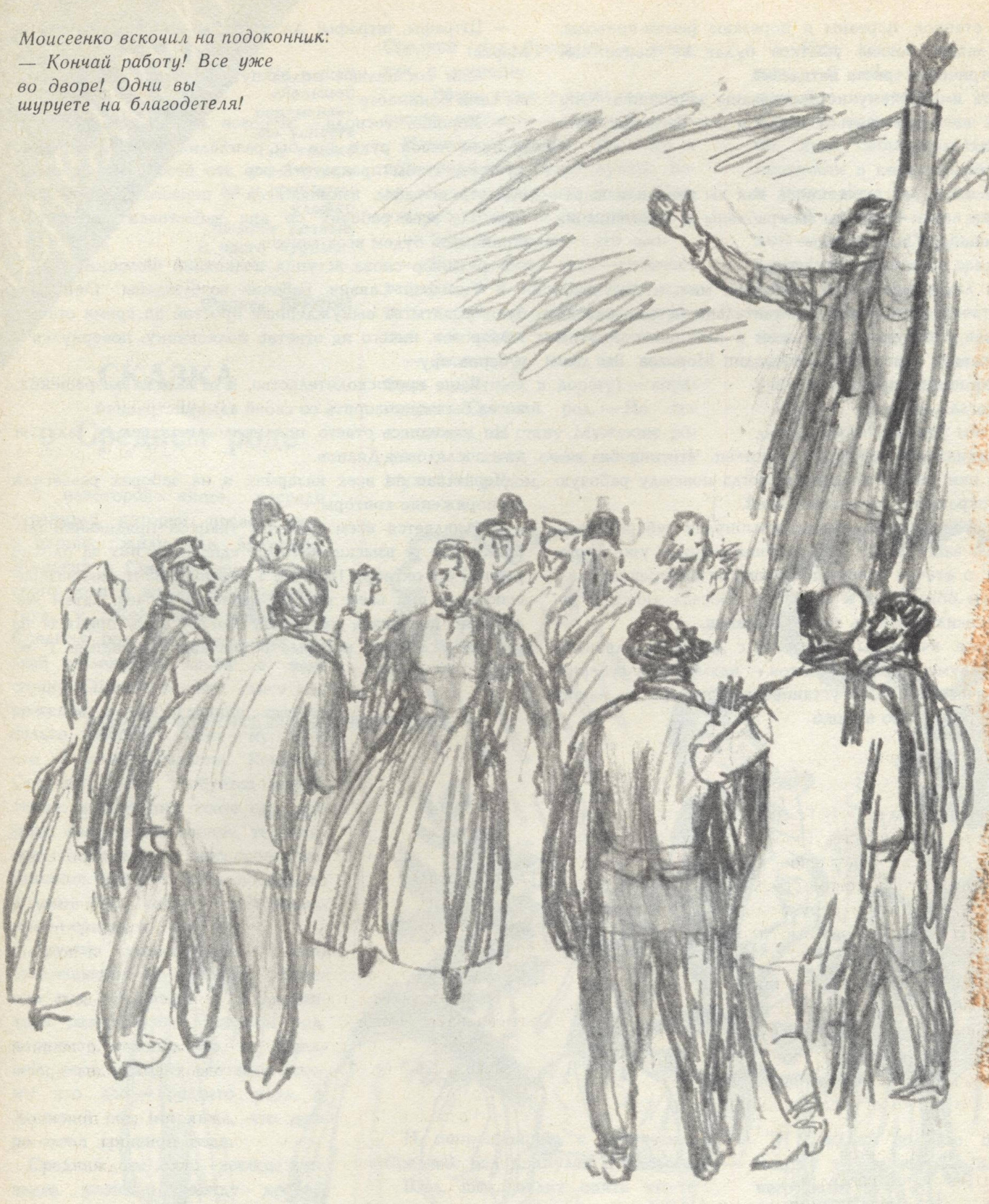
— Вы нас застали всех вместе потому, Тимофей Саввич,— смягчился губернатор,— что мы только что принимали делегацию, так сказать. Я сам позвал к себе рабочих, чтобы узнать, чего они желают.

— Они смеют желать! — закричал Тимофей Саввич. Бледное лицо его покрылось фиолетовыми пятнами.

— Они об одном твердят: замучены штрафами, не на что не только жить, прокормиться невозможно.

— Сволочи они! — Тимофей Саввич закрыл лицо руками, и плечи его затряслись.

*Моисеенко вскочил на подоконник:
— Кончай работу! Все уже
во дворе! Одни вы
шуруете на благодетеля!*

— Воды,— тихо приказал губернатор, но Тимофей Саввич отнял руки от лица, и все увидали, что он смеется.

— Значит, у Морозова Тимофея жизнь никуда... А что у соседей моих? У Викулы, у Зимина?

— Рабочие фабрик Викулы Морозова и Зимина сегодня все вышли на работу,— сказал жандармский полковник.— Там с утра объявили о повышении жалованья на десять процентов. Штрафы, взимавшиеся с первого октября, рабочим возвращены.

— Испугались!

— Тимофей Саввич,— вновь заговорил губернатор,— ваши соседи поступили благоразумно. Если бы не эти уступки, сегодня все Орехово и все Зуево были бы охвачены безумством бунта. Пришлось бы дивизию сюда перебрасывать.

— Ваших двух батальонов мало! — быстро сказал Морозов.— Мало! Я телеграфировал в Петербург и просил подкрепления.

— Когда подкрепление понадобится, я попрошу сам, господин Морозов.

— Господа! У меня лучшие во всей империи казармы, у меня — больница, школа, баня, библиотека. Все лучшее! Их же надо кнутом! Михаил Иванович,— обратился Морозов к Дианову,— каковы наши убытки?

— Одних стекол сколько разбили. Испорчено много

машин и станков, порваны и порезаны ремни-приводы, разбиты лавки. Боюсь, убытков будет не менее чем тысяч на триста — триста пятьдесят.

— Кнута им! Почему не арестованы зачинщики? Они набрались наглости явиться сюда, и эта наглость осталась безнаказанной!

Фомицын вспылил:

— Если бы не эти зачинщики, как вы изволили выразиться, все лавки были бы разграблены и поломаны не десяток машин, а все машины.

— Как вас понимать, полковник?

— Мои люди еще вчера сообщили мне, что руководители стачки, а таковые действительно есть, всячески удерживали рабочих от грабежей и бесчинств. Кнутом дело поправить невозможно, господин Морозов. Вы должны пойти на уступки...

— Никогда!

— ...и тем успокоить рабочих.

— Никаких уступок! Я их кормилец. Что они без меня? Куда они теперь подадутся, когда повсюду рабочую неделю сокращают до четырех дней.

— Тимофей Саввич,— мягко улыбнулся губернатор,— я понимаю вашу обиду, но судебная машина уже пущена в ход, о стачке сообщено министру внутренних дел.

— Я сам обращался к министру. Послал дюжину депеш! И просил прислать солдат, казаков.

— Я уже вчера был на месте с двумя батальонами солдат и двумя сотнями казаков,— нахмурился губернатор.— И вчера же было установлено: штрафы на ваших фабриках непомерно высоки.

— Штрафы, штрафы! Да, штрафы! Мне нужен товар. Марка!

— Они составляют половину жалованья. А это, как вы сами понимаете...

— Хорошо, господа.— Морозов встал, усталым движением левой руки как бы разгладил лицо.— Лишь ради того, чтобы прекратить все это безобразие, я готов вернуть штрафы, взимавшиеся с первого октября 1884 года. Но всех рабочих со дня забастовки рассчитаю. Принимать будем всех заново.

В разговор снова вступил полковник Фомицын:

— Тимофей Саввич, рабочие возбуждены. Они требуют уплаты за вынужденный простой во время стачки.

Морозов, ничего не ответив полковнику, повернулся к губернатору.

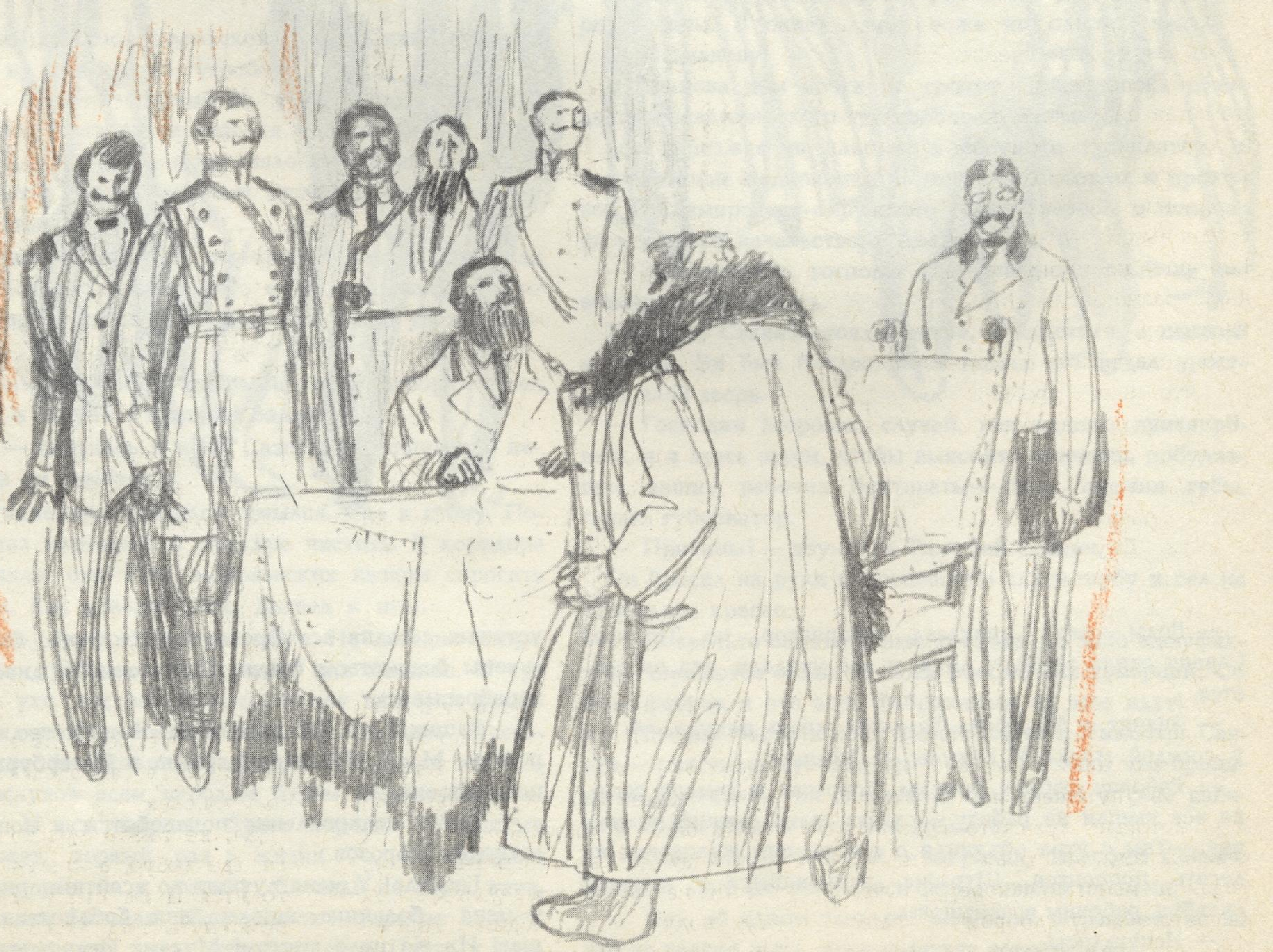
— Ваше превосходительство, я, с вашего разрешения, хотел бы переговорить со своей администрацией.

Не дожидаясь ответа, поклонился и пошел из зала. За ним последовал Дианов.

Через час во всех казармах и на заборах развесили распоряжение конторы:

«Объявляется всем рабочим ткацкой прядильной фабрики, что те взыски, которые сделаны с них за плохие работы с 1 октября 1884 по 1 января 1885 гг., им возвращаются и при всем том им делается расчет. Затем желающие поступить на работу могут быть приняты на тех же условиях, которые объявлены при найме 1 октября 1884 года».

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Переменка!

На нашей «Большой переменке» вы успеете не только улыбнуться, но и подумать: улыбки бывают разные, и часто мудрые...

Феликс КРИВИН

СКАЗКА
о Среднем роде

В некоторой книге, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были Мужской, Женский и Средний род. У Мужского рода в жизни был главным труд, у Женского — работа. А Средний род был среди них самый маленький, какой с него спрос? Сбегает в кино, съест мороженое, а там, глядишь, порвет пальто, разобьет окно,— ну, просто с ним наказание. Конечно, Среднему роду требуется воспитание: воспитание тоже среднего рода. Ему нужно учение, терпеливое объяснение, у него своего понимания еще нет, хотя вообще-то должно быть, потому что понимание — среднего рода.

Дружно воспитывали своего středненького Мужской и Женский род, но иногда у них возникали разногласия. Мужской род, например, считал, что от Среднего рода исходит все зло, потому что зло — среднего рода. А Женский род возражал, что добро тоже среднего рода.

Средний же род вообще не видел разницы между добром и злом. Ему хотелось поскорее вырасти, чтобы стать Мужским родом, а ведь настоящим Мужским родом не станешь, пока не узнаешь разницу между добром и злом.

И вот однажды покинул Средний род родное жилище и отправился в путешествие: повидать мир, который мужского рода, узнать жизнь, которая женского рода, и понять, наконец, в чем разница между добром и злом. Шел он, шел, видит: на дороге валяется какое-то растение. Растение — среднего рода, поэтому Средний род бросился к нему, как к родному.

— Убери меня с этой дороги,— просит растение,— отнеси в поле.

Подумал Средний род, что в поле растению будет лучше: поле все-таки среднего рода. Поднял его, отнес и спрашивает:

— Значит, дорога — это зло?

— Еще какое зло! — отвечает растение. — Я пыталось там пустить корни, но там такое движение: все корни мне отдавили.

— Значит, и мне не нужно было пускаться в дорогу? — спрашивает Средний род. — Но так я никогда не стану Мужским родом! А я хочу, очень хочу стать Мужским родом...

И, попрощавшись с растением, Средний род двинулся по дороге.

Шел, шел, видит опять что-то знакомое: катится по дороге колесо. А колесо — среднего рода. Побежал Средний род рядом с колесом, спрашивает:

— Дорога — это зло?

— Ну вот еще, придумал! — возмутилось колесо.— Дорога — это самое лучшее, что есть на свете. Куда бы я катилось, если б не было в мире дорог?

Отстал от него Средний род, стоит на дороге раздумывает. А тут подул ветер, поднял дорожную пыль. Спрашивает Средний род у пыли:

— Ветер — это добро или зло?

— Еще какое зло! — отвечает пыль.— Я себе лежала, было мне спокойно и хорошо, а теперь ветер меня поднял, и еще неизвестно, куда забросит. Набьюсь я прохожим в глаза, в носы и уши, и будут меня все проклинать.

— А дождь — это добро или зло? — спросил Средний род, потому что тут как раз пошел дождь.

— Конечно, зло! — отвечает пыль.— Я пыль, а под этим дождем превращусь в грязь. И опять прохожие будут меня проклинать.

И тут пропищало зернышко, лежащее у дороги:

— Не слушайте ее, послушайте меня!

И Средний род его послушал, потому что зернышко было среднего рода.

— Ветер — это великое добро! — пропищало зернышко. — Я приехало на нем, как на поезде или даже как на самолете, чтобы пустить здесь корни и вырасти высоким тополем. И дождь — это великое добро: без него я никогда бы не проросло и не стало бы тополем!

Да, не так-то просто разобраться, где добро, а где зло. Тут приходится и по свету побродить и помокнуть под дождем... И настоящим Мужским родом не станешь, пока не узнаешь разницу между добром и злом.

Ведет
журналист-
международник
Яков БОРОВОЙ

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ВЬЕТНАМ—ЕДИН!

В апреле этого года силы Национального фронта освобождения Южного Вьетнама одержали победу над армией интервентов и их пособников. Вьетнам обрел мир, независимость и единство.

492 делегата вьетнамского народа, собравшиеся в Ханое 24 июня на первую сессию Национального собрания объединенного Вьетнама, провозгласили: народ Вьетнама един, нация едина!

В своем завещании президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин выражал уверенность в победе вьетнамского народа. Его заветы выполнены. Ныне город Сайгон, бывшая столица Южного Вьетнама, переименован в Хошимин. Имя Председателя Хо носит и пионерская организация Социалистической Республики Вьетнам.

ШКОЛА ОСТАЕТСЯ НА ВТОРОЙ ГОД

В ФРГ ребята идут в школу с семи лет. После окончания четвертого класса школьники переходят или в общую школу (девятилетку), или в реальную (десятилетку), или в гимназию — в ней тринадцать классов. Выбор школы зависит не от способностей и склонностей ребят, а от того, насколько богаты их родители. Многие дети из малообеспеченных семей нередко заканчивают свое образование в четвертом классе и с десяти лет начинают работать.

Хотя в конституции ФРГ и написано, что для всех детей девятилетнее образование обязательно, но, как видите, это относится только к обеспеченным.

А как учатся те, кому удается продолжить свое образование? Не так давно в одной из школ Бремена произошло такое событие. Прозвучал звонок, ученики вошли в класс, молча сели за парты. Молчали ученики, молчал преподаватель... Да он и не мог ничего сказать, потому что школьники сделали его из... картона — в знак протеста против того, что в школах не хватает учителей. Классы переполнены, и это тоже мешает занятиям. Новых школ строится мало: государство не дает на это денег.

Заместитель председателя Германской коммунистической партии Герман Готье сказал о положении в школах ФРГ: «Если школа постоянно остается на второй год, она становится учреждением по подготовке безработных».

В учебниках много неправды, особенно про социалистические страны и Советский Союз. Твоих ровесников из Западной Германии пугают тем, что будто бы Советский Союз хочет завоевать весь мир, в том числе и ФРГ. Вот, например, задание по географии:

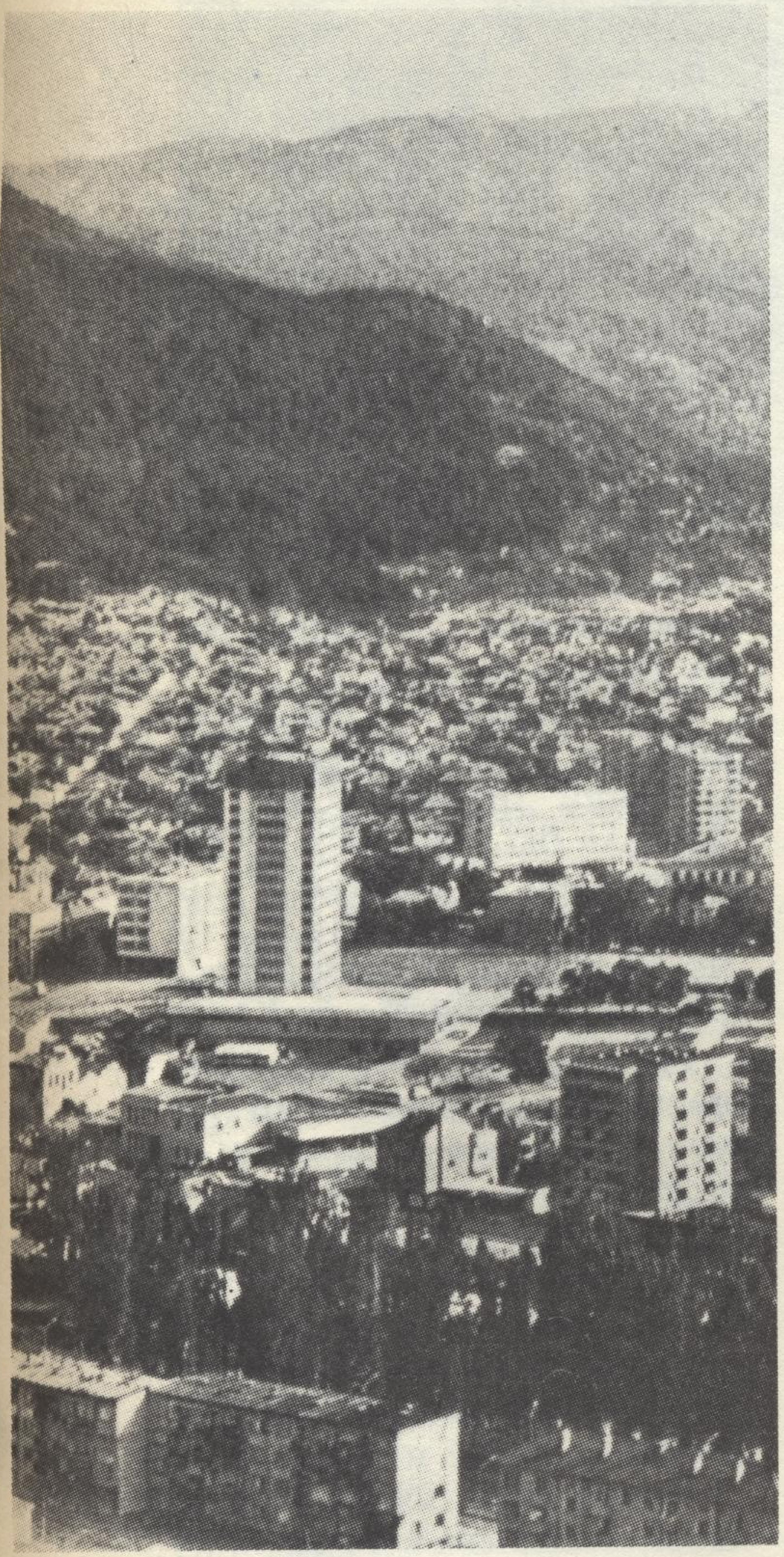
«Рассмотри находящиеся под чужеземным управлением (?) немецкие области и установи, какими природными богатствами они обладают. Подготовь сообщение о том, какое огромное значение имеют потери этих областей для нас».

Вот пример по математике:

«Территория германского рейха (в границах на 31 декабря 1937 года) составляла 471 000 кв. км. Какую часть от него составляют наши (?) восточные области?»

Коммунисты, комсомольцы и пионеры (в ФРГ недавно создана пионерская организация), все антифашисты борются за то, чтобы на деле осуществлялась конституция ФРГ, чтобы все дети могли получать полноценное среднее образование.

9 сентября у наших болгарских друзей праздник — День Свободы.

ВСТРЕЧИ СО СЛИВЕНОМ

Сливен — старый пролетарский город Болгарии. Еще сто пятьдесят лет назад здесь была построена первая на Балканском полуострове текстильная фабрика. До социалистической революции, которая произошла в Болгарии 9 сентября 1944 года, Сливен был одним из центров революционного движения.

Сейчас Сливен индустриальный город.

Ковры и шерстяные ткани, вытканные в Сливене, продаются в разных странах. Славится своими изделиями и машиностроительный завод. Он поставляет детали для Волжского автомобильного завода в Тольятти. По договоренности с СССР, ГДР и Чехословакией в Сливене сконструирован новейший ткацкий станок, на котором можно работать в три раза быстрее.

— Этот город невозможно не любить! — говорят о нем жители Сливена.

У текстильщиков Сливена давние традиции. Их мастерство славится на весь мир.

Горные цепи Стара-Планины защищают Сливен от холодных ветров, и это позволяет выращивать в плодородной Фракийской низменности неподалеку от города персики и виноград. Фрукты вывозятся во многие страны.

Сейчас Болгария вступила в седьмую пятилетку. В Сливене будут построены новые жилые кварталы, больница на две тысячи мест, торговый комплекс... Город станет еще красивее.

ОТВЕЧАЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Надя Малыгина из Орла
просит рассказать
о гербе столицы Болгарии Софии.
Выполняем ее просьбу.

Вот этот герб, перед вами. Щит разделен на четыре части. Вверху слева — богиня — покровительница города. Справа — церковь святой Софии. По преданию, она дала имя городу. Внизу слева — силуэт горы Витоши, у подножия которой расположена столица Болгарии. София издавна славится своими горячими минеральными источниками. Символ их целебной силы — храм Аполлона-врачевателя, нарисованный на гербе справа. Изображение льва в середине говорит о мужестве и стойкости болгар в борьбе за свободу и независимость. А крепостная стена вверху означает силу и устойчивость города. На гербе начертан девиз города: «Растет, но не стареет». А недавно в герб столицы был внесен новый элемент — пятиконечная звезда, символ единства и сплоченности трудящихся Софии с трудящимися всего мира в борьбе за социализм.

Утро в Луанде.
Ангольцы спешат на работу.

Ласковые волны океана, горячий песок пляжей, солнце, небо — все это теперь принадлежит им.

У КАРТЫ МИРА

Вперед, народ!

Ангола находится на юго-западе африканского континента. Население Анголы — шесть миллионов человек. Трудолюбивый ангольский народ выращивает кофе, кукурузу, хлопок, добывает из недр алмазы, нефть, железную руду. Все эти богатства долгое время находились в руках иностранных капиталистов. Ангола была португальской колонией. Нефть добывала американская компания «Галф ойл», а на алмазах наживался Гарри Оппенгеймер, «король бриллиантов» из Южно-Африканской Республики.

Народ Анголы никогда не мирился с порабощением, выступал против иноземных завоевателей. В 50-е годы была создана организация «Народное движение за освобождение Анголы» (МПЛА), которая выражала интересы ангольского народа.

4 февраля 1961 года патриоты МПЛА подняли восстание. Колонизаторы потопили его в крови ангольцев. В одной только столице было убито больше трех тысяч повстанцев. Четвертую часть населения страны, больше полутора миллионов человек, португальцы отправили в специальные деревни, охраняемые вооруженной полицией.

Но борьба народа, возглавляемая МПЛА и ее руководителем Агостиньо Нето, продолжалась.

Португалия — слаборазвитая в экономическом отношении страна. Она не устояла бы под ударами национально - освободительной революции, если бы ей не помогали Соединенные Штаты и фашисты из ЮАР.

Но в апреле 1974 года ненавистный фашистский режим Салазара — Каэтану в Португалии пал. И уже 4 августа 1974 года новое, демократическое правительство Португалии признало право народа Анголы на независимость и самоопределение.

Советский Союз неизменно оказывал поддержку ангольскому народу в его борьбе за независимость. Эту помощь высоко ценят и в самой Анголе и во всей независимой Африке.

11 ноября 1975 года была провозглашена Народная Республика Ангола (НРА) — сорок седьмое независимое государство Африки. Впервые за много лет в Луанде открыто прозвучал национальный гимн «Вперед, народ!» и был спущен португальский флаг. Больше трехсот пятидесяти лет развевался он над Анголой.

Советский Союз одним из первых признал независимую Анголу.

Фотографии Ю. КОРСА.

Знакомьтесь, журнал «Куба»

Молодежь планеты готовится к XI фестивалю молодежи и студентов. Фестиваль состоится летом 1978 года в Гаване. Он будет проходить под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

В пресс-центр приходит много писем, из которых видно, что наши читатели интересуются социалистической Кубой.

Мы советуем вам, ребята, следить за журналом «Куба». В нем вы найдете много интересных очерков, фоторепортажей, рассказывающих об этой прекрасной стране.

Вот обложка одного из номеров этого журнала, который выходит на русском языке. На ней фотография юношей и девушек с острова Пинос. На Кубе его называют Островом молодежи.

В давние времена этот остров был пристанищем морских пиратов. До революции здесь, в так называемой Образцовой тюрьме, томились кубинские революционеры.

Революция 1959 года изменила жизнь на острове. Сюда приезжает молодежь из разных уголков Кубы, чтобы своими руками создавать свое настоящее и будущее.

Правительство НРА объявило, что Ангола пойдет по социалистическому пути развития. Против этого выступили мятежники — раскольнические группировки в Анголе. Они объединились с расистами Южно-Африканской Республики. Началась агрессия ЮАР против молодого независимого государства. Реакционеров поддержали США: «Нью-Йорк таймс» сообщила, что правительство США выделило на помощь мятежникам шестьдесят миллионов долларов. Китайские власти тоже помогали раскольникам.

Народная Республика Ангола попала в блокаду. На севере действовали мятежники, вооруженные до зубов американским и китайским оружием. С юга наступали войска ЮАР.

В это тяжелое для Анголы время Советский Союз и страны социалистического содружества остались верны своему интернациональному долгу: они помогали правительству НРА. Прогрессивные силы мира выступили в защиту молодой республики, потребовали прекращения агрессии ЮАР.

И ангольцы победили. Народная Республика Ангола строит новую жизнь.

РЕВАНШИЗМ — стремление какого-либо капиталистического государства, потерпевшего военное поражение, добиться под видом борьбы за возвращение утерянных территорий передела мира в свою пользу.

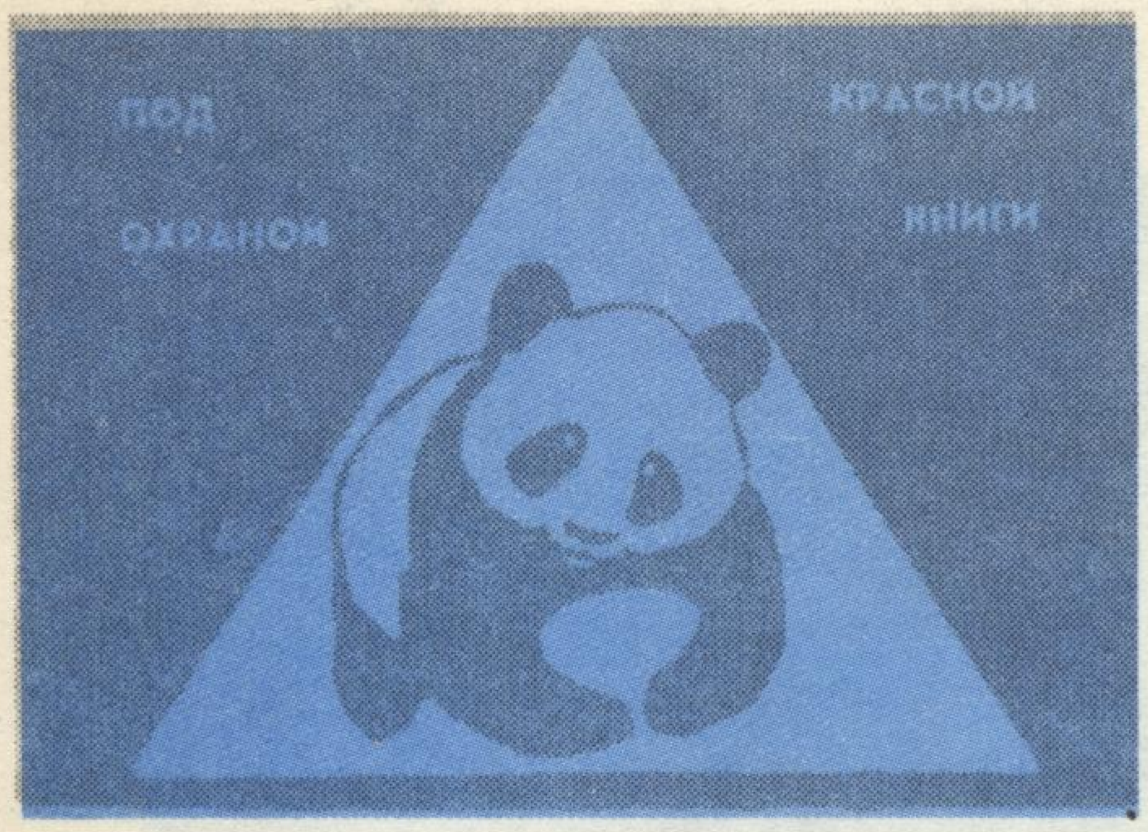
Под лозунгом реванша гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну 1939—1945 годов.

После второй мировой войны реакционные круги ФРГ используют свои реваншистские устремления в борьбе против СССР и всего лагеря мира и демократии.

✵

РЕАКЦИОНЕРЫ — политические деятели, которые стремятся сохранить и укрепить старые, отжившие порядки.

Они подавляют все прогрессивное.

Н. СЛАДКОВ

Снежный барс

Снежный барс поражает воображение. Первый раз я увидел его на Памире, и барс очаровал меня навсегда. С тех пор я постоянно ищу встречи с ним, но увидеть барса в горах почти невозможно. Барс — детище гор. Все у него от гор и для гор. Когда он лежит на каменной глыбе, то так сливается с ней, что даже осторожные кеклики и улары, бывает, садятся ему прямо на спину! Легким прыжком он взлетает на глыбы высотой в дом, перескакивает широкие промоины и бесстрашно идет по узенькому карнизу над пропастью. Долгие годы горы берегли барсов — свою гордость и украшение. Но настало время, когда и неприступным горам уже не под силу их уберечь...

Снежный барс похож на леопарда, но мех его пышнее, дымчатей, темные кольца на шкуре шире и расплывчатей. И нет в нем леопардовой свирепости и угрюмости; он добродушный и ласковый, как ухоженный кот.

Родина барса — заоблачные выси гор. Скалы, снежники, ледники. Каменистые долины гремучих горных рек. Высокогорные арчевники и луга.

Когда барс идет — а ходит он не спеша! — словно полупрозрачное облачко утреннего тумана плывет по осыпи: зыбкое и обманчивое. Пышный мех взблескивает и переливается, как живая ртуть, дымчатые кольца — и в самом деле похожие на кольца дыма! — всплывают и тонут в шерсти. Барс то возникает, то исчезает, словно мираж.

А когда барс неподвижно лежит на пятнистой от лишайников глыбе, разглядеть его невозможно: кольца желтоватой шкуры сливаются с кружевными лишайниками. И только совиные с черным зрачком глаза, влажные и блестящие, как отполированная водой галька, выдают настороженность и напряжение зверя.

Снежный барс — еще его называют ирбисом! — природный козлиный пастух. Он обходит пастбища горных козлов и берет с них дань. Как настоящий заботливый пастух, он «забивает на мясо» в первую очередь негодных коз: больных, слабых, калек. Как всякий хищник, он улучшает породу. Он — необходимое звено в непрерывной цепи природы. Барса на его родине называют «бриллиантом в жемчужной оправе гор».

Но все меньше и меньше «бриллиантов» остается в «жемчужной оправе» снежных гор. Барс исчезает. Во всем мире барсов осталось не более восьмисот. У нас барсов около четырехсот.

В горах все с оружием: пастухи, геологи, топографы, бывает, что и туристы. И мало кто понимает поведение барса; потому-то каждую встречу с ним воспринимают как нападение. «Барс зарычал», «барс встопорщил усы», «барс оскалился». Торопливо вскидывают ружье и палят. А барс, если на язык туристов перевести, всего лишь сказал: «Эй, проходи, не трогай!» Но браконьер палит, даже если барс убегает от него, поджав хвост. Барс всегда виноват, у барса свидетелей нет. Виноват уже тем, что имеет клыки и когти.

И вот я хочу выступить свидетелем барса. Я представлю письменные свидетельства тех, кому я верю и кто сам встречал барса в горах.

«Произошло это в Заилийском Алатау. Всю ночь бу-

шевал буран. Утром с трудом открыли занесенную снегом дверь и на крыше домика увидели... барса! Но на людей он не бросился и продолжал спокойно лежать. Кто-то залаял по-собачьи, и барс сразу же убежал. Зимовщики слыхали от охотников, что барсы боятся собачьего лая».

«Вершины Кунгей-Алатау скрылись в низких облаках. Объездчик лесхоза в кустах арчи наехал на барса. Лошадь захрапела и попятилась, а барс бросился прыжками в заросли. Под арчей лежал полусъеденный архар, а рядом — барсенок. Объездчик соскочил с коня, наступил барсенку на хвост и завернул шипящего звереныша в брезентовый плащ. На кордон он возвращался пешком, конь ускакал домой. Объездчик боялся, что барсиха нападет на него и вертелся от каждого шороха. Но боялся он зря: барсиха не решилась напасть на человека, отнявшего у нее детеныша». А ведь даже курица бросается на обидчика, когда трогают ее цыплят!

«За время работы на станции я убил трех барсов и пять поймал с местным охотником. Живой барс ценится больше, чем его шкура. На барсовой тропе мы ставим капкан, соединенный цепью с бревном. Зверь попадает в капкан лапой и тянет его вместе с бревном. Мы настигаем барса и накидываем на него сетку. Однажды барс так дернулся из капкана, что оставил в нем лапу. Но на нас зверь не бросился».

Так безобидно для человека кончаются его встречи с барсом. Для барса же встреча с человеком редко кончается так безобидно...

«Поздним летом в кошару забрался ирбис. Услышав шум, жена чабана вбежала в кошару и, схватив зверя за хвост, оттащила его от козы. Ирбис не пытался защищаться и был убит сбежавшимися пастухами. В урочище Кара-Курджур на ирбиса, подошедшего к скоту, напали собаки. Воспользовавшись этим, пастух набросил на него чапан и связал хищника».

Лишь нестерпимый голод может заставить барса напасть на домашнее стадо. «Охотник убил зимой барсиху. Два барсенка размером почти с мать стали голодать: мать водит и кормит их три года. К весне один барсенок бросился с голода на овец и был заколот вилами. Был он худой, как скелет. Без матери он не мог добывать в горах пищу».

Еще письмо: уж не о том ли барсе, что вырвался из капкана? «Выйдя утром из палатки, мы увидели на снегу следы барса. Зверь стоял ночью у самого входа, но войти не решился, хотя мы все крепко спали. Но на стадо наших коз, что были метрах в ста от лагеря, зверь напал. С добычей в зубах барс ушел к ручью. Когда мы схватили ружья и побежали к ручью, от нашего козлика остались рожки да ножки. А барс сидел тут же и облизывался. И тут мы заметили, какие жалкие и больные были у него глаза! В ответ на наши крики и выстрелы зверь только жалобно скулил и обреченно отводил глаза в сторону».

Тут я вклиниваюсь в письмо. Говорят, что звери будто бы боятся упорного человеческого взгляда. Если, мол, хочешь хищника напугать — смотри ему в глаза! И смотрят и гипнотизируют. А взгляд в упор в зверином восприятии — это вызов на бой! Барс у ручья «отводил глаза», он всем видом показывал, что не хочет драки, он молил о пощаде. И любая собака его поняла бы!

«Присмотревшись, мы заметили на передней лапе кровавую рану. Барс, наверное, вырвался из капкана, он не мог добывать пищу в горах, он обессилел и только потому напал на наших коз. А что, если обессиленного зверя поймать? Мы принесли одеяло и, растянув его, как рыбацкую сеть, двинулись к ручью. Но барс прижал уши и так заревел, что мы разбежались».

Я снова вклиниваюсь в письмо. Неопытные люди с одеялом в руках — с одеялом! — наступают на РАНЕНОГО ХИЩНИКА У ДОБЫЧИ! Можно ли поступать более безрассудно? Барс бы покалечил кого-нибудь, и новые рои страшных рассказов о «нападении хищников» разлетелись бы по горам, словно мухи. И работники экспедиций стали бы вооружаться еще больше.

К счастью, эти люди оставили зверя в покое; потеря козленка не вселила в них жажды мести. Возможно, они вспомнили, что барс — исчезающий зверь и занесен в Красную книгу.

«Барс полежал еще, потом неуклюже поднялся, спустился к ручью, полакал воды и, хромая, медленно пошел по крутому склону, оставляя кровавый след. На гребне зверь остановился, повернулся к нам и вроде бы за то, что мы простили ему злодейский налет, как собака, повилял длинным хвостом».

Барс — украшение гор. Барс не нападает первым на человека. Только смертельный голод может заставить его напасть на домашнее стадо. И диким стадам от него вреда нет. Вот таков снежный барс — жемчужина наших гор.

Охота на снежных барсов запрещена. Но не просто в пустынных горах проверить запрет. И многих барсов еще убивают в «порядке самозащиты».

Наверное, пора прекратить их отлавливать и для зоопарков. Не очень-то хорошо чувствуют барсы себя в неволе. Как все звери, в клетке они теряют свою красоту, становятся угрюмы и жалки. Глаза их равнодушно смотрят на толпы людей; они потеряли радость жизни.

Только в горах, только за облаками барс видится тем легендарным зверем, который поражает наше воображение.

Рисунок
Е. ГЛАДИКОВОЙ.

СИМЕА

Ты часто слышишь слово СИМЕА, чем-то напоминающее русское слово «семья». Оно означает «Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи — ВФДМ». Прогрессивные организации, входящие в СИМЕА,— это большая и дружная семья. Они говорят на разных языках, носят разные галстуки — красные, синие, зеленые, голубые, оранжевые, бело-голубые, но всех их объединяет СИМЕА, год рождения которого 1958-й.

СИМЕА — демократическая организация. Она борется за мир, за равные права всех детей независимо от их цвета кожи.

СИМЕА — политическая организация, которая разоблачает империалистических агрессоров, ведущих войны, выступает против расистов, против фашистских режимов.

СИМЕА рассказывает, как живут пионеры социалистических стран, помогает недавно созданным детским организациям Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Азии.

СИМЕА — твой друг и помощник. Она помогает тебе дружить с детьми всех стран, выполнять твой интернациональный пионерский закон.

Ты спросишь: как?

Для того, чтобы дети разных стран больше узнали друг друга, крепче дружили, СИМЕА организует в разных странах международные лагеря дружбы, кавалькады, праздники, фестивали дружбы и солидарности, проводит специальную детскую программу на Всемирных фестивалях молодежи и студентов.

СИМЕА проводит международные соревнования и конкурсы среди ребят на лучший рассказ, рисунок, фотографию. В международных конкурсах на лучший рисунок — «Моя страна — мой дом», «Я вижу мир», на лучшую фотографию «Зоркий — Дружба-50» приняли участие сотни тысяч юных художников и фотографов. А в легкоатлетических соревнованиях по четырехборью «Дружба» участвуют более девяти миллионов юных спортсменов.

Летом 1975 года в Артеке прошел первый международный детский фестиваль «Салют, Победа!», посвященный 30-летию Победы над фашистской Германией. На этом фестивале дети из шестидесяти двух стран мира дали слово вместе со старшими крепить дружбу, бороться за мир.

На IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии, где собрались представители пионерских детских организаций всех континентов, впервые прозвучал гимн СИМЕА — «Мост дружбы».

Эмблема СИМЕА — веселая кукла Викки. Она напоминает Чиполлино из сказки Джанни Родари. И когда ты видишь Викки на плакатах, в газетах и журналах, когда ты видишь значок СИМЕА — голубой земной шар с белым галстуком, вымпел СИМЕА — треугольник со значком,— знай, что это твой добрый и верный друг СИМЕА. Международный комитет детских и юношеских организаций призывает тебя участвовать в международных кампаниях, в интересных конкурсах, выставках, соревнованиях.

У НЕИЗВЕСТНЫХ ЮБИЛЕЙ!

В сентябре 1966 года в «Пионере» появились Трое Неизвестных в черных масках и плащах. Это были всем теперь известные Икс, Игрек и Зет. Вот уже десять лет они живут на страницах нашего журнала. Сколько ребят за эти годы крепче подружились с математикой, решая задачи и ребусы Трех Неизвестных!

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

МОСКВА, «ПИОНЕР», ТРЕМ НЕИЗВЕСТНЫМ

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ БОЛЬШИХ ДРУЗЕЙ ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! ЗА ПРОШЕДШИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОНИ СТАЛИ ДЛЯ РЕБЯТ МУДРЫМИ НАСТАВНИКАМИ. ЖЕЛАЕМ ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ВСТРЕЧ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ НОВЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ЗАДАЧ.

Ваши младшие братья школьные клубы «Встречи с Тремя Неизвестными» города Вологды.

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯМ РАЗНЫХ ЛЕТ

Дорогие Неизвестные! Обещаю вам присылать решения задач до тех пор, пока буду учиться в школе.

Вова Свечников,
г. Дзержинск

Дорогие Икс, Игрек и Зет! Я очень люблю математику. Люблю находить ответы в ваших задачах и кроссвордах. Что было бы, если бы на земле не существовала точная наука математика?! Мы не смогли бы строить новые заводы, машины и города. Вот почему я хочу видеть на страницах «Пионера» больше ваших задач и лекций.

Зоя Пароховько,
село Куропатино, Амурская обл.

Больше всего «Пионер» мне помог по математике. Решая его задачи, я стала гораздо лучше учиться. У меня в этой четверти ни одной четверки, все пятерки.

Таня Филиппова,
г. Белая Церковь

СЛОВО УЧЕНОМУ

Журнал «Пионер» вправе гордиться многими своими начинаниями. К ним, несомненно, относится интересный и очень хорошо организованный отдел, в котором читатели журнала знакомятся с непривычными математическими задачами.

Математика в наше время завоевала весьма значительное место в жизни человеческого общества. В современ-

ной науке нельзя ограничиваться только качественными результатами, необходимо знание количественных закономерностей. Без этого невозможно полноценно использовать научные знания на практике.

В наши дни каждый специалист — инженер, врач, агроном, военный, экономист, квалифицированный рабочий — должен владеть математическими методами и безукоризненно проводить логические рассуждения.

Журнал «Пионер» вносит серьезный вклад в воспитание интереса своих читателей к математике и знакомит их с широтой ее проблем на доступном для его читателей уровне и, как правило, в оригинальном оформлении.

Хотелось бы пожелать журналу и его сотрудникам дальнейших успехов в большом и крайне нужном странном деле.

Б. ГНЕДЕНКО,
академик АН УССР, профессор МГУ

7-ая ОЛИМПИАДА 3 НЕИЗВЕСТНЫХ

Начинается, начинается, начинается!

Седьмая, юбилейная Олимпиада Трех Неизвестных!

Если ты учишься в третьем или четвертом классе, для тебя **Олимпиада «Лягушатника».** Отважные первоклассники и второклассники, вперед, в «Лягушатник»!

А для вас, ученики пятых, шестых и седьмых классов, — **Олимпиада Трех Неизвестных.**

Победителей, как всегда, ждут наградные листы Трех Неизвестных и книги по математике.

По традиции премии получат и те, кто решил все задачи, и те, кто придумал самые красивые решения, и те, кто не сделал ни одной ошибки, хотя и решил не все.

Присылайте подробные решения а не только одни ответы.

Адрес, имя, фамилию, школу и класс пишите разборчиво печатными буквами.

На конверте пишите: «Олимпиада Лягушатника» или «Олимпиада Трех Неизвестных».

Работы отправляйте не позже 25 октября 1976 года.

Жюри Олимпиады

НЕИЗВЕСТНЫЕ-КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

Вот уже десять лет Неизвестные коллекционируют автобусные билеты. Как математиков их интересуют только те билеты (как известно, на каждом указано шестизначное число), где сумма всех цифр равна числу, записанному в двух последних разрядах. Попробуйте доказать, что эти удивительные билеты обладают еще и следующими свойствами:

1) количество их делится на 10;

2) сумма номеров таких билетов делится на 5;

3) число, записанное в первых четырех разрядах у каждого такого билета, делится на 9.

ИГРАЕМ В ШАШКИ

Перед нами стоклеточная доска (10×10). Какое наибольшее число шашек можно расставить на черных полях так, чтобы ни одна из них не могла бить другие, но чтобы при этом хотя бы одно черное поле было свободным?

ВОРОНА И ЛИСИЦА

В басне И. А. Крылова не ясно, какой формы кусочек сыра был у Вороны. Предположим, что это был прекрасный квадратный ломтик с круглой дыркой. Предположим еще, что Ворона решила разделить сыр пополам и угостить Лисицу. Посоветуйте, как ей разрезать по прямой линии кусок сыра на две одинаковые по весу части.

НИЧЬИХ НЕ БЫВАЕТ

Десять участников турнира играют в морской бой. Проигравший партию выбывает из игры. Сколько партий должно быть сыграно, чтобы определился чемпион? И еще одна задача: какое наибольшее число участников могло выиграть не менее чем по две партии? Напоминаем: каждая игра кончается только победой одной из сторон. Ничьих не бывает.

СОСЧИТАЙ-КА

1. В строчку выписаны подряд одно за другим все натуральные числа от 1 до 9999:

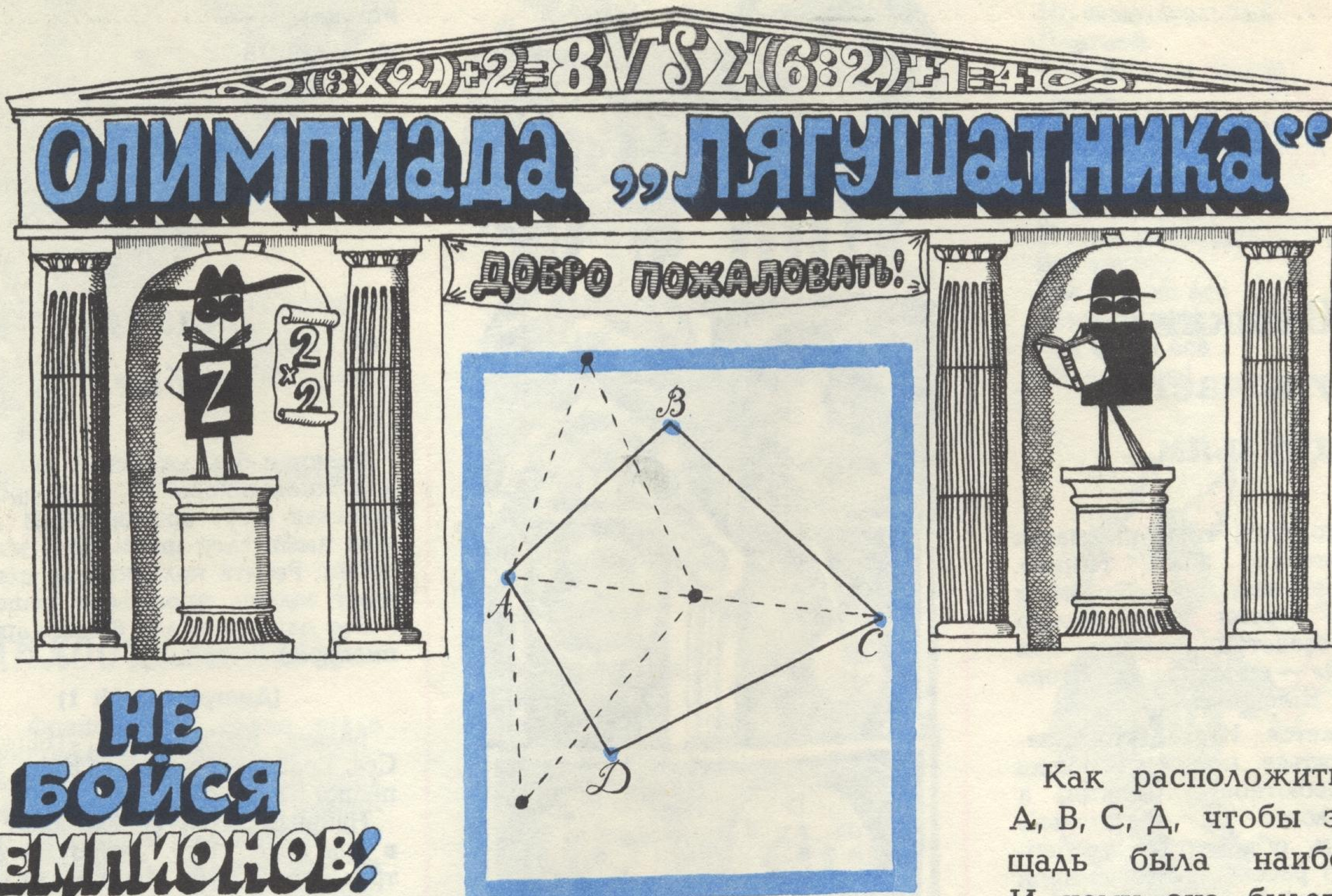
1 2 3 4 5 6 7 8 9 1 0 1 1 1 2 1 3 1 4 . . . . 9 9 9 7 9 9 9 8 9 9 9 9

Получилось гигантское число. Найдите сумму его цифр.

2. Докажите, что не существует таких целых чисел x, y, которые удовлетворяли бы уравнению $x^2 - 9y = 1976$.

НАЙДИТЕ ВСЕ ЧИСЛА А

Число А замечательно одним свойством: если разделить на А сначала любое нечетное число, а потом куб этого нечетного числа, то получим одинаковые остатки. Найдите все такие числа А.

НЕ БОЙСЯ ЧЕМПИОНОВ!

Икс (а он не умеет играть в шахматы) утверждает, что сможет дать Карпову и Фишеру сеанс одновременной игры. И он уверен: хотя бы у одного из шахматистов он выиграет или сыграет вничью с обоими. Условие одно: с Карповым Икс будет играть белыми, с Фишером — черными. Неужели эта затея ему удастся?..

ПОМОГИТЕ ЧИЧЕ!

Упрямая и смышленая обезьянка Чича, первая помощница Айболита, решила на досуге замостить пол своей большой хижины семиугольными плитками. Не квадратными и не шестиугольными! Помогите ей придумать форму семиугольников, которыми можно сплошь замостить плоскость.

СОСЧИТАЙ-КА

Чему равна дробь

$$\frac{1\cdot2\cdot3+2\cdot4\cdot6+4\cdot8\cdot12+7\cdot14\cdot21}{1\cdot3\cdot5+2\cdot6\cdot10+4\cdot12\cdot20+7\cdot21\cdot35}?$$

КАК НА ШАРНИРАХ

Перед вами — геометрическая подвижная фигура. Четыре отрезка соединены шарнирами в точках А, В, С и Д, как показано на рисунке. Точки А и С можно сближать или удалять друг от друга, и тогда будут меняться форма четырехугольника АВСД и его площадь.

Как расположить точки А, В, С, Д, чтобы эта площадь была наибольшей? И чему она будет равна, если $|AB| = |AД| = 2$ дециметра, $|BC| = |ДC| = 3$ дециметра?

ПО КОЛЬЦЕВОЙ ДОРОГЕ

Город Зурбаган окружен двумя параллельными кольцевыми дорогами — железной дорогой и шоссе. По ним курсируют электрички и маршрутные такси. Когда они движутся в одном направлении, маршрутное такси (предположим, оно идет быстрее поезда) встречается с электричкой каждый час. Когда такси и поезд едут в противоположные стороны, встречаются каждые 40 минут.

Во сколько раз такси едет быстрее поезда?

По условиям задачи, скорости такси и электрички не меняются во время движения и остановки так малы, что мы можем их не учитывать.

Пешкин отвечает друзьям

«Ребята говорят, что в шахматах главное — хорошо знать теорию. А у меня нет книг по дебютам, и я в начале партии часто делаю ошибки. Посоветуй, Пешкин, как мне быть?» — спрашивает **Игорь Макеев** из Кишинева.

Мне кажется, Игорь, что главное — научиться понимать общие правила дебютной стратегии, а для этого вовсе не обязательно штудировать объемистые учебники. Вот что рассказывает чемпион мира Анатолий Карпов:

«До двенадцати лет я имел о шахматной теории весьма смутное представление, хотя кандидатом в мастера стал уже в одиннадцать. К этому времени я прочитал всего-навсего две шахматные книги, названия которых теперь даже не помню. Не могу сказать, что это хорошо, но так уж сложилось мое шахматное детство».

Он считает, что важна самостоятельная работа над шахматами. Надо внимательно разбирать, анализировать партии мастеров, которые печатаются в газетах и журналах, стараясь понять смысл каждого хода.

Коля Рыкалов из Донецка просит рассказать, когда появились шахматные часы.

Время для обдумывания ходов ограничили в середине прошлого века. В ту пору играющие пользовались песочными часами.

Знакомые нам всем шахматные часы с двойным циферблатом изобретены английским механиком Уилсоном. Впервые они были применены на большом международном турнире в Лондоне в 1883 году.

Новый приз

«Шахматы, как и поэзия, помогают людям познавать мир прекрасного»,— говорит народный поэт Дагестана Расул Гамзатов. И вот в городе Каспийске для победителей школьных шахматных соревнований учрежден почетный приз — «Кубок Расула Гамзатова».

Рисунок
Н. МАРКОВОЙ.

Задачи ребят

Ученики баладжарской железнодорожной школы № 5 (Азербайджанская ССР) организовали кружок любителей шахматной композиции. Ребята коллективно составляют задачи, проверяют решения.

Вот одна из задач баладжарских пионеров.

(Диаграмма № 1)

Белые: Крf3, Фh2, Лf4, Ca7, Ce4, пешка e3; черные: Кра8, Лb8, пешки b7, b6, g7, h3.

Начиная игру, белые дают мат в три хода. Эту остроумную и трудную задачу Пешкин включает в свой конкурс.

Коля Чебанов живет в Вулканештском районе Молдавии. Коля увлекается математикой и шахматами. Вот какую интересную позицию он составил.

(Диаграмма № 2)

Белые: Крс4, пешки a2, f2, f4, h2; черные: Кра4, пешки a3, a5, b6, c5, e6, f7, h6.

У черных три лишние пешки, но у них очень плохую позицию занимает король. При правильной игре белые могут добиться победы.

Десять шахов подряд

Есть такая шутливая поговорка: шах — это четверть мата. Но — увы! — поговорка эта почти никогда не оправдывается. Более того, излишнее увлечение шахами может принести только вред.

Вот, например, в такой позиции — белые: Крh3 Cf1, Ca7, пешки b6, c5; черные: Крb7, Cc8, Cg3, пешки a6, d7, h4 — стоит белым дать поспешный шах 1. Cf1—g2? как они сами получат мат после 1... d7—d5.

Но в следующей позиции белые могут дать мат, объявляя подряд шесть шахов.

(Диаграмма № 3)

Белые: Крf2, Фh8, Лa5, Cc1, Cc2, Кf3, Кh2, пешки b3, c4, d3, d2; черные: Крf5, Лf6, Лg5, Cc5, Кd4, пешки d6, e6.

Интересно, что и черные, защищаясь, также дают один за другим шахи белому королю. Какие же это шахи? Напишите Пешкину.

Переменка!

СЛОВАРЬ СМЕКАЛИСТЫХ СПОРТСМЕНОВ.

Ведет Ю. ШАНИН.

Аплодисменты

Это французское слово стало международным и означает реакцию нормального зрителя на успех любимого спортсмена или команды. Но некоторые завсегдатаи стадионов почему-то предпочитают не аплодировать, а свистеть, засовывая при этом в рот не всегда чистые пальцы. Ученые считают такой свист признаком незавершенности перехода от обезьяны к человеку. Впрочем, теперь даже обезьяны не свистят: стесняются.

Владимир ОРЛОВ.

Неровный городок

От нас ни близок,
Ни далек,
Лежал неровный
Городок.
В нем были
Все дорожки
Похожи на гармошки.
Там папы, мамы,
Старики
На лбу носили
Синяки.
Девчонки
И мальчишки
На лбу носили
Шишки.
Из-за таких
Дорог плохих
Дела не ладились
У них.
Они, скрывать
Не буду,
Опаздывали всюду.
(Я вас прошу
Иметь в виду,
Что, спотыкаясь
На ходу,
Никто не в состоянии
Ходить без опоздания.)
Но замечательный
Портной
Там жил на улице
Одной.
Портному это дело
Порядком надоело.
Он раскалил
Большой утюг
И вмиг разгладил
Все вокруг.
Как только все
Разгладилось,
Так сразу все
Наладилось!

Сердитый осел

Жил на станции
Осел.
Был осел
Ужасно зол.
Каждый здесь
Его боялся,
Потому что он
Лягался.
В настроении
Плохом
Он подрался
С петухом.
Как-то он
Своим копытом
Так ударил
Паровоз,
Что состав
Остановился
И обратно
Покатился...
С той поры
Густой травою
Паровозный путь
Зарос:
Это место стороною
Объезжает паровоз.

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на всех четырех «Переменках» «Пионера» отвечала Н. РОСТОВЦЕВА.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ТРИ ЯДРА

Олимпийская игра:
Где упали три ядра?
Не гонись, однако, ты
За рекордом быстроты.
Не спеша, найдете все вы
Три кружочка с марки левой.
Это очень интересно.
Укажите ряд и место!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8.

Рыбоуд

Штурвал надо вертеть в направлении буквы «А».

Игры Деда Буквоеда

Чьи стихи?

Стихи написали: слон, лемур, страус, гиена, дромадер, какаду, тигр.

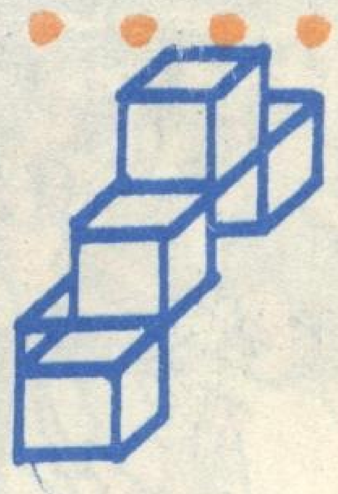
Капитан Перо ищет помощника

Стрела и щит

Стреляющий первым находится в лучшем положении, но ему выгоднее промахнуться, математически его риск быть убитым равен одной восьмой. Риск второго стрелка также равен одной восьмой, риск третьего—одной второй. Многие ответы, хотя и не содержат математического расчета, логически правильно оценивают шансы участников состязания.

На задачу «За добычей!» все ребята прислали правильные ответы.

Поиграем в кубики?

Раз, два, три, четыре, пять,
Сел я в кубики играть.
И поставил на паркет
Прочно склеенный макет.
Вдруг пришел ко мне медведь,
Начал мой макет вертеть.
А потом нашел он где-то
Два других еще макета.
На паркете стало три.
Мой который?
Рассмотри!

Живжика

Кто это?

Этот таз шумит, поет.

Т А З _ _ _ _ _

Этот лен траву жует.

_ _ Л Е Н _ _

Этот кран простой системы,
Управлять им можем все мы.

К А Р А Н Д А Ш

Этот иней не на ели,
Он лежит в твоем портфеле.

_ И Н Е Й _ _ _

Этот лось приносит вред,
Причиняет много бед.

_ Л О С _ Ь

С этой белкой нет забот,
На плече она живет.

Б _ _ Е Л _ К А

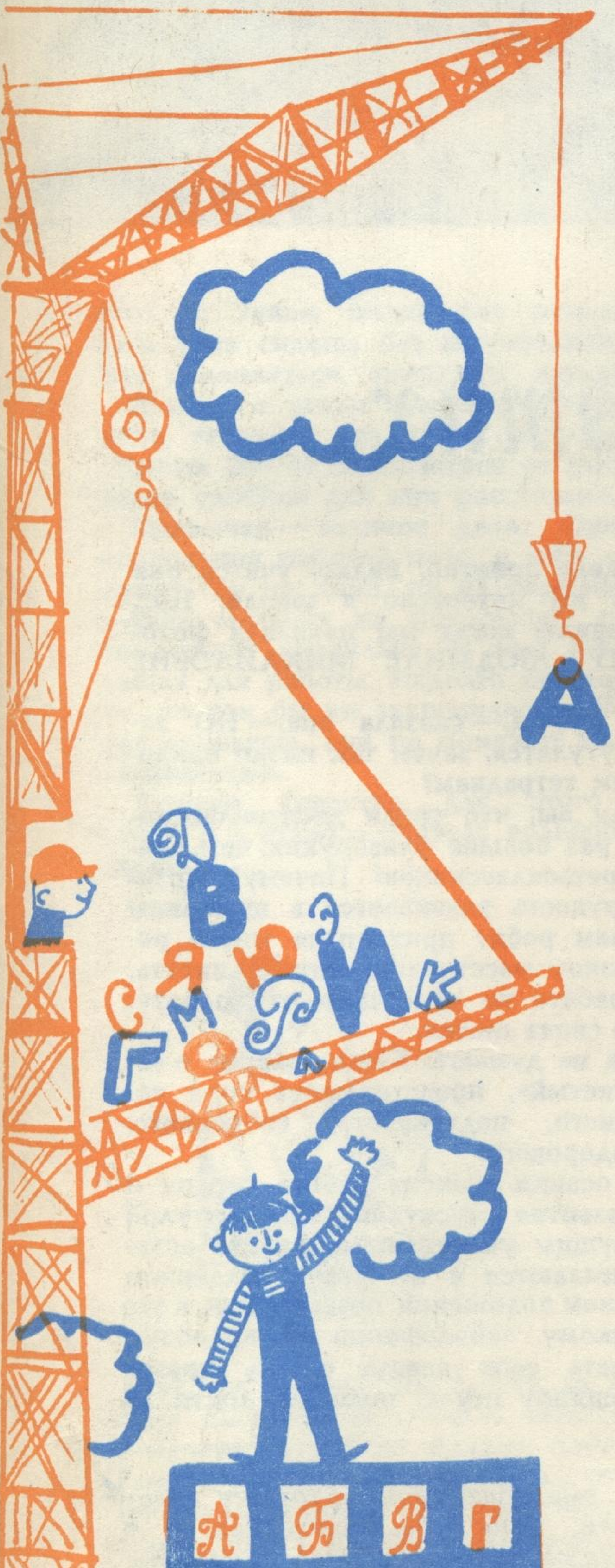
Эта лень спорхнула с ели,

_ _ _ _ Л _ Е Н Ь

Эту школу дети съели.

Ш _ К О Л А _

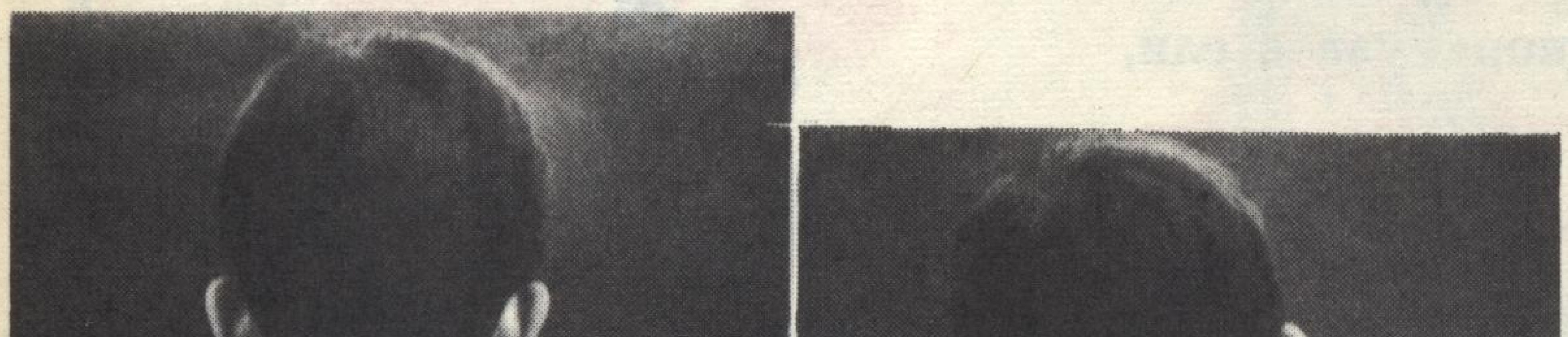

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ!

Приятно смотреть на этих ребят. Но...

Фотографии М. ДОРОНИНА.

И в самом деле приятно. Видно, учатся они с увлечением, им интересно в школе. Но... «Но» это возникло, когда мы показали фотографии ВРАЧУ ЛЮДМИЛЕ МИХАЙЛОВНЕ РОДИОНОВОЙ.

— Славные ребята,— сказала она,— НО зачем они так сутулятся, зачем так низко наклоняются к своим тетрадкам?

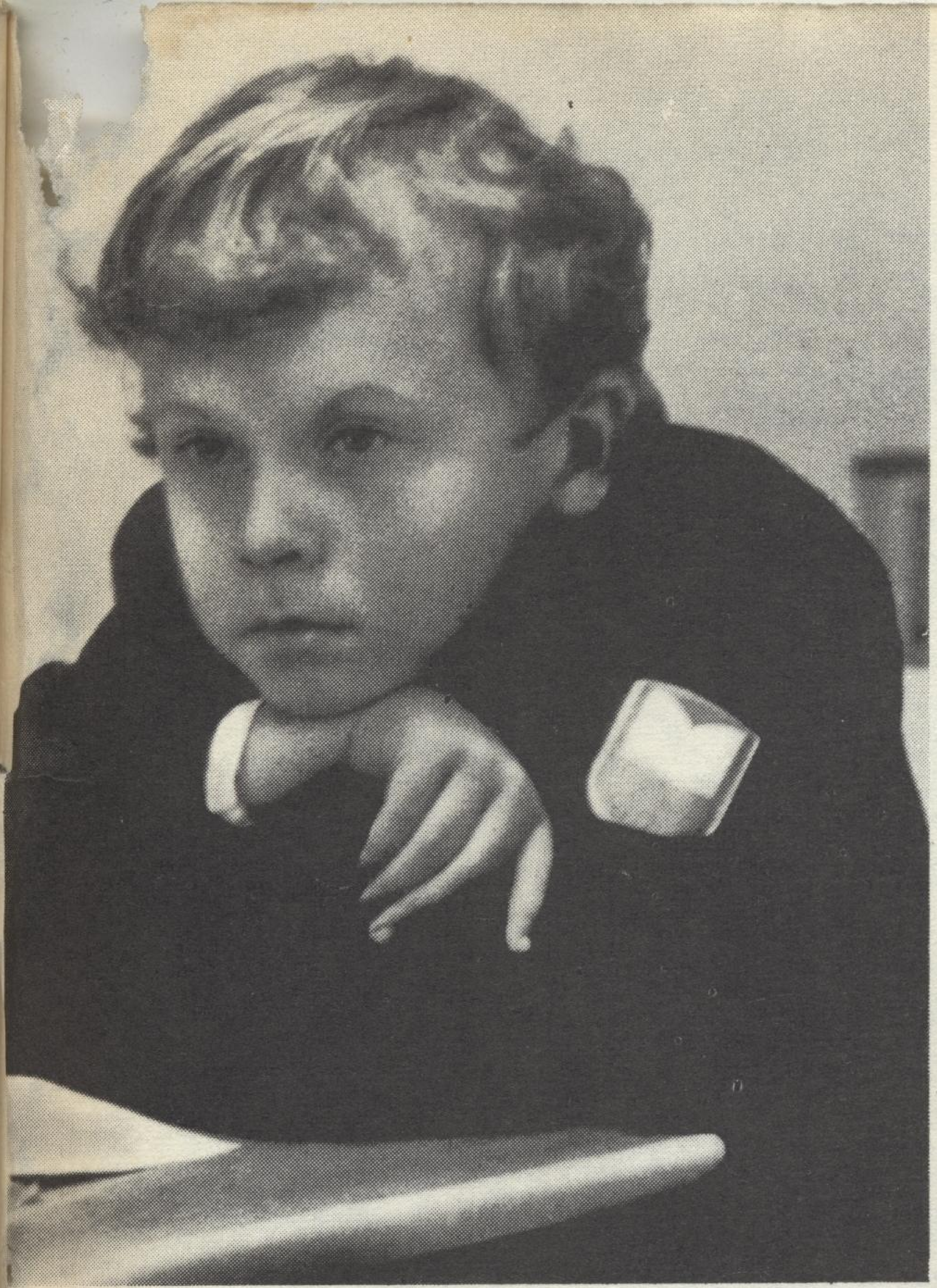
Да знаете ли вы, что среди десятиклассников во много раз больше близоруких, чем, скажем, среди третьеклассников? Почему? Потому что близорукость развивается в школьном возрасте. Глазам ребят приходится много работать на близком расстоянии: читать, писать, рисовать. А ребята не облегчают эту работу, не заботятся о своих глазах.

И об осанке не думают. Когда говорят о человеке: «осанистый», представляешь себе человека стройного, подтянутого, собранного, красивого. И здорового.

Да, да. От осанки зависит работа сердца и легких. И развитие мускулов. При сутулой спине одни мышцы уплотняются, другие ослабевают, растягиваются и не могут поддерживать в правильном положении позвоночник, а это ведет к тяжкому заболеванию — «сколиозу».

Надо приучать себя всегда сидеть прямо, опираясь на спинку стула, положив локти на

По-разному выглядит один и тот же человек в хорошем, осанистом положении и в скрюченном. Даже ростом меньше стал. Мы получаем от ребят массу писем. Многие спрашивают: «Я маленький, как вырасти». Следить за собой, тянуться вверх.

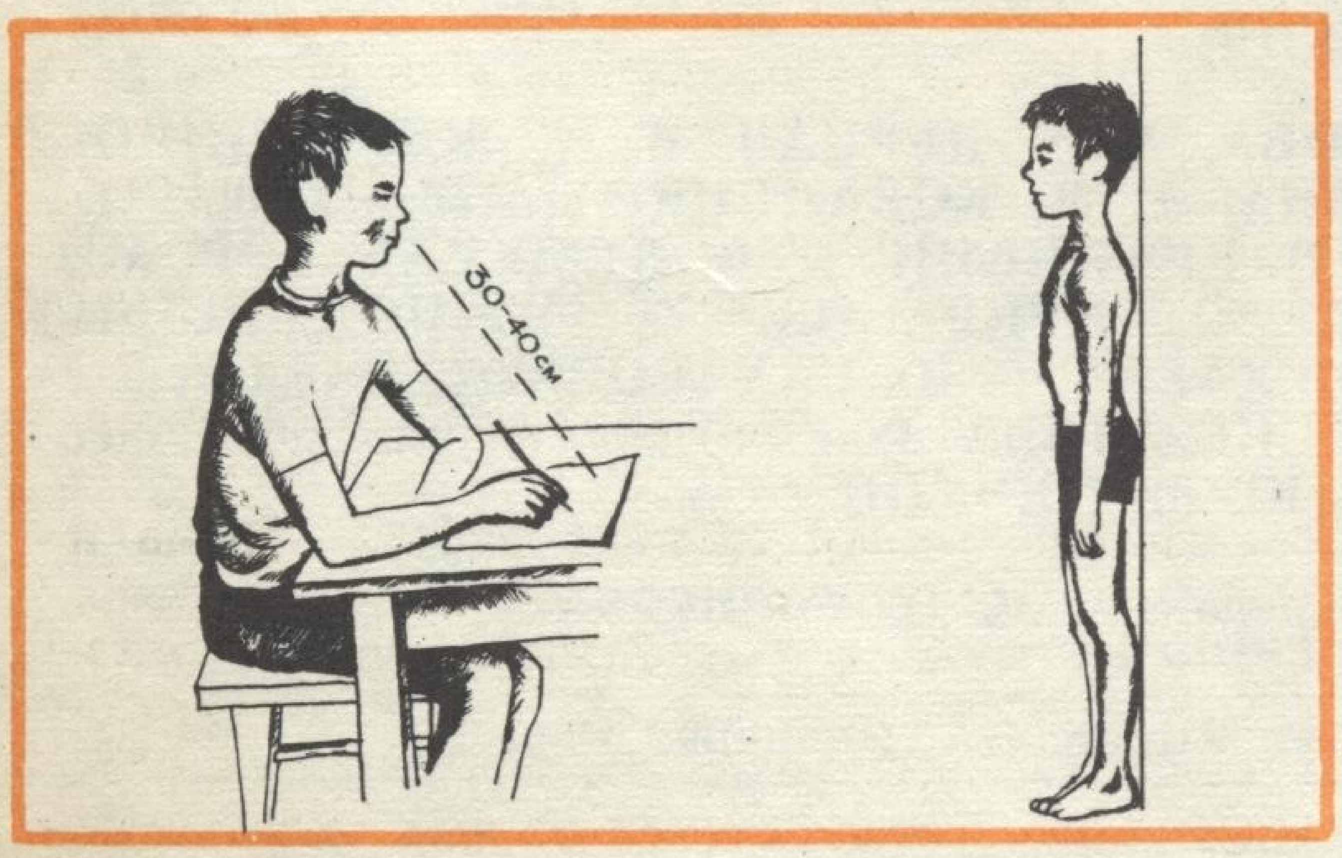

стол. В таком положении меньше устаешь, весь урок сидишь без напряжения, тебе незачем наклоняться, опираться грудью на стол.

И глаза в таком положении меньше утомляются, тетрадка все время находится на расстоянии 30—40 сантиметров от глаз — это наиболее удобное для них расстояние.

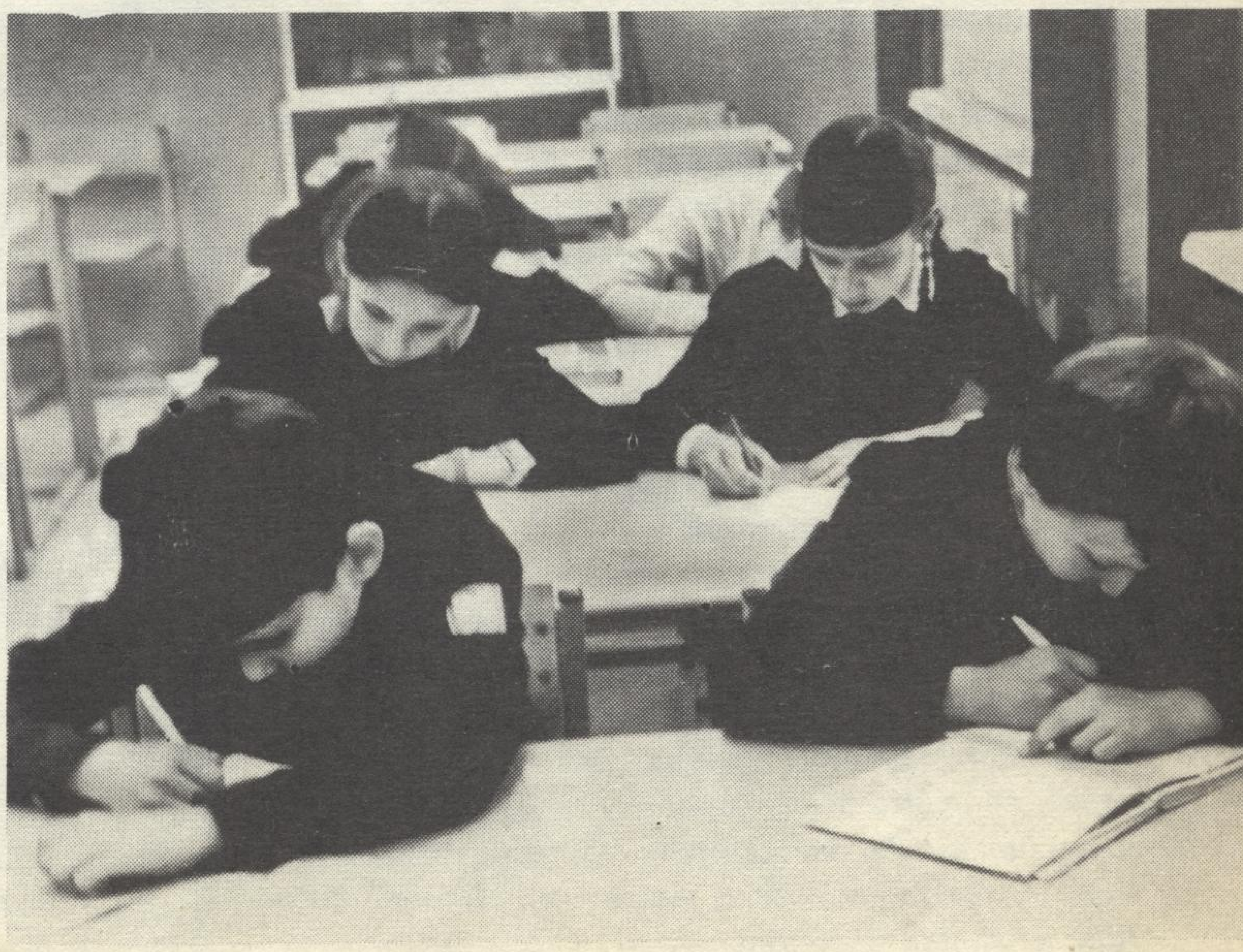
Привычка — великое дело. Привыкнешь к правильной рабочей позе, и тебе не захочется менять ее ни дома, ни на переменке, как это сделал мальчик на фотографии слева. Книгу он держит правильно, а поза его малоподходящая для работы. Недолго так посидеть можно, но как бы ни закрепилась у него эта дурная привычка, она не поможет мальчику стать «осанистым».

Лучшее средство для этого — движение, спорт, и в первую очередь волейбол, плавание, лыжи.

Вот так хорошо бы сидеть за партой и за своим письменным столом, выпрямившись, но не напряженно. Свет должен падать слева на тетрадь, а не на затылок. Рука много работает, поэтому облегчи ее участь: следи, чтобы локоть не висел, а лежал на столе.

Хочешь стать стройнее: несколько раз в день подходи к стене и проверяй свою осанку и старайся сохранять это положение всегда.

Е. БАЦЫЛЕВ,
энтомолог

ПРО ХЛЕБНОГО ЖУКА И БОЖЬЮ КОРОВКУ

Посмотри на последнюю страницу нашей обложки — разгляди эти яркие, нарядные марки. **Хлебный жук и жужелица хлебная** живут в полях, повреждают цветки и зерна хлебных злаков. **Казарка плодовая** — один из наиболее опасных вредителей сада, поедает и почки и бутоны.

Во втором ряду — обитатели леса. Личинки **мраморного жука** повреждают корни деревьев и трав. У **жука-оленя** разросшиеся верхние челюсти, в самом деле напоминающие оленьи рога. Во многих европейских странах этот жук охраняется законом.

Полезные хищники — это наши друзья и помощники. На марке вы видите свою хорошую знакомую — **семиточечную тлевую божью коровку.** Она охотится за тлями и другими вредными насекомыми. Охраняйте божьих коровок!

Справа от нее — **красотел пахучий, или зеленый.** Его личинки питаются гусеницами и куколками бабочек. На большой марке — **огнецветка багряная.** Этот жук часто встречается в лесах. Живет под корой лиственных деревьев и поедает вредителей леса.

В 1961 году в Польше была выпущена серия марок «Насекомые, охраняемые законом». Вот три из них — **жужелица золотистая, жужелица фиолетовая** и уже знакомый нам **красотел пахучий.**

Долготел десятипятнистый — обитатель тропиков. Название характеризует этого жука: у него очень узкое тело, а голова вытянута в трубку.

Водолюб большой черный — обитатель водоемов. **Альпийский усач** — житель гор, его личинки живут в отмирающей древесине бука, дуба.

В пятом ряду — жесткокрылые жители пустынь и тропиков. **Жук-нарывник** назван так потому, что его выделения вызывают нарывы на коже человека. **Африканский жук голиаф** поражает своими размерами: в длину он достигает 10 сантиметров! У **жука-долгоносика** с острова Мадагаскар головотрубка длиннее тела.

Жуки-чернотелки — типичные обитатели пустынь Монголии. **Жук-скакун** — очень подвижный, с длинными ногами.

Бронзовка — близкий родственник голиафа.

Видишь, как разнообразны, красивы и совершенны эти создания! Теперь ты знаешь, что далеко не все они вредные, многие жуки полезны и красивы. Не собирай их для коллекций — не стоит обеднять нашу природу и лишать защиты наши поля... Лучше займись марками, этикетками или открытками с изображениями жуков, бабочек, птиц или растений...

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/VI 1976 г. А 00965. Подписано к печати 30/VII 1976 г.
Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 460 000 экз.
Изд. № 2046. Заказ № 2466.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КТО УЖЕ УМЕЕТ ИГРАТЬ И КТО ХОЧЕТ НАУЧИТЬСЯ, МОЖЕТ ВЫПИСАТЬ ПО ПОЧТЕ ТАКИЕ КНИГИ:

БАЯН. 2, 3, 4, 5-е классы детской музыкальной школы. Учебный репертуар. Издательство «Музыкальная Украина», 1975 г. Цена до 8 руб.

Для самодеятельного оркестра русских народных инструментов. Партитуры. Начинающему оркестру. Из репертуара оркестра имени Осипова и хора имени Пятницкого. «Музыка», 1974 г. Цена до 7 руб.

Григорян А. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА ИГРЫ НА СКРИПКЕ. «Советский композитор», 1974 г. Цена 2 р. 93 к.

КОНЦЕРТЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО. А. Аренский. Г. Гендель, С. Прокофьев и др. Для музыкальных училищ. «Музыка», 1975 г. Цена 6 руб.

Мендельсон Ф. ПЕСНИ БЕЗ СЛОВ. Для фортепиано. «Музыка», 1975 г. Цена 1 р. 76 к.

Наумов Г., Лондонов П. ШКОЛА ИГРЫ НА АККОРДЕОНЕ. Первые шаги аккордеониста. «Музыка», 1974 г. Цена 3 руб.

Педагогический репертуар по фортепиано для музыкальных училищ: Лист Ф. Рапсодии. Концертные обработки. Украинская музыка. Фантазии и др. «Музыка», 1975 г. Цена до 10 руб.

Розеншильд К. ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЫКИ. Вып. 1. Для музыкальных училищ и консерваторий. «Музыка», 1974 г. Цена 1 р. 43 к.

Фридкин Г. ЧТЕНИЕ С ЛИСТА НА УРОКАХ СОЛЬФЕДЖИО. «Музыка», 1974 г. Цена 75 коп.

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ХОРОВОГО КЛАССА. Вып. 1. «Музыка», 1974 г. Цена 1 р. 76 к.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО КАНОНУ. «Музыка», 1973 г. Цена 82 коп.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЧТЕНИЮ ХОРОВЫХ ПАРТИТУР. «Музыка», 1975 г. Цена 1 р. 62 к.

ЮНЫЙ ПИАНИСТ. Вып. 2. Пьесы, этюды, ансамбли для средних классов ДМШ. «Советский композитор», 1975 г. Цена 2 р. 25 к.

Заказы направляйте по адресу: 125827, ГСП, Москва, 1-й Новоподмосковный пер., 4, магазин № 102 «Ноты — почтой». Деньги не высылайте, заплатите в местном почтовом отделении при получении бандероли.

МОСКНИГА

Рисунок
Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694